

Книга «Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видение» выходит в год тридцатилетия Философского монтеневского общества, названного в честь французского скептика Мишеля Монтеня, жившего в эпоху религиозных войн во Франции. Свободная форма изложения своих мыслей и критическое отношение к любой догме определили принципы деятельности ФМО.

*Нина Ищенко,
кандидат философских наук*

Людам разных мировоззрений и тем, кто ещё не построил собственное мировоззрение, старым и юным, зрелым или незрелым умам и душам откроется рано или поздно, что отказ от принятия догмы не значит в познании релятивности всего и вся. Мы собираемся, говорит Монтень, в учёных собраниях, чтобы искать истину, но не затем, чтобы её найти... Словом, нашёл и утвердился – выпал из сообщества ищущих. Не нашедшимся жив человек, но поиском смыслов за уже найденным. За горизонтом – горизонт, за истиной – истина.

*Арсентий Атоян,
доктор философских наук, профессор*

Почти с самого начала основания в Философском монтеневском обществе отсутствует привычная для таких сообществ иерархия. Скорее, это кружок с такими типами связей, которые можно окрестить боевыми: боевые друзья и другини. В этом смысле многие из его членов – больше, чем единомышленники. Если мы говорим о некоем боевом братстве, то можно докрутить эту метафору до определения ФМО как философского спецназа. Чтобы уж совсем по-нашему – философская дружина. Вплоть до того, что все мы пьем из одной чаши, во всех смыслах.

*Ольга Бодрухина, собкор сайта «Одуванчик»,
йогини, факир,
обладатель Кубка мира по тайскому боксу*



Монтень в Луганске

Луганск
2020

МОНТЕНЬ В ЛУГАНСКЕ

*Фокус осознания, спектр возможностей,
периферическое видение*

**Сборник материалов
Философского монтеневского общества**

**Луганск
ЛНР
2020**

УДК 140.8
ББК 87
М 74

М 74 Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видение : сборник материалов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск : Блиц-информ, 2020. – 160 с.

*Посвящаем эту книгу
Владимиру Карбаню.*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Книга «Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видение» выходит в год тридцатилетия Философского монтеневского общества, названного в честь французского скептика Мишеля Монтеня, жившего в эпоху религиозных войн во Франции. Свободная форма изложения своих мыслей и критическое отношение к любой догме определили принципы деятельности ФМО.

Философское общество существует в Луганске с 1990 года, когда на волне перестройки и всеобщего предчувствия перемен было создано неформальное сообщество людей, интересующихся гуманитарными науками и готовых обсуждать философские аспекты действительности, творчества и мышления. После начала войны 2014 года ФМО разделилось: часть интеллектуалов встала на сторону Украины, покинула Луганск и основала ФМО в городе Северодонецке, в Луганской области, на подконтрольной Украине территории. Оставшихся в Луганске любителей философии оказалось достаточно для того, чтобы продолжать заседания и даже впервые за историю ФМО издавать на бумаге сборники докладов общества. Перед вами юбилейный пятый сборник докладов и материалов.

В книге «Монтень в Луганске» рассказывается об идеях, концепциях, философских системах, поэтических образах, дискуссиях и даже сетевых спорах, которые отражают интеллектуальную жизнь Луганска, города на передовой, в нескольких километрах от линии фронта, на шестой год войны Украины с Донбассом.

Книга состоит из трех разделов. Первый раздел «Фокус осознания» содержит воспоминания участников ФМО, которые в разное время принимали участие в его заседаниях. Также в этом разделе содержится концептуальное осмысление места Философского монтеневского общества в интеллектуальной истории Луганска и трансляции русской идентичности в военное время.

Второй раздел «Спектр наших возможностей» содержит доклады, которые были прочитаны и обсуждались на заседаниях, а также доклады, запланированные к обсуждению в новом сезоне. В этом разделе затронуты и актуальные политические темы, и классические философские вопросы. Вот лишь часть тем второго раздела: философия Русского мира, перспективы европейского будущего Украины, принципы социологии воображения, экзистенциальный аспект творчества Кафки, апокалипсис Теночтитлана.

В третьем разделе «Периферическое видение» приводятся рецензии разных авторов на первые четыре сборника ФМО. Здесь есть отзывы луганчан, россиян, украинцев. Раздел изначально задумывался как собрание мнений за и против ФМО, разных оценок его деятельности. Таким он и получился.

Сборник посвящен Владимиру Яковлевичу Карбаню, одному из незаменимых монтеневцев, которого не стало в мае 2020-го года.

*За возможность издать сборник благодарим
Георга Федорова*

ОДИН ИЗ НАШИХ... СЛОВО О ДРУГЕ

Философское монтеневское общество посвящает сборник «Монтень в Луганске» Владимиру Яковлевичу Карбаню – скромному труженику на ниве образования, культуры и философии нашего города. Владимир Карбань сыграл значительную роль в жизни основателей ФМО и его посетителей, воспитывая вкус и интерес к литературе, искусству, философии. Мы не пишем некролог, ибо опоздали, сроки издания сборника нам этого не позволили. Мы обращаемся к читателям, всем, кто знал или не знал Владимира Яковлевича, со Словом о друге, товарище, подвижнике, который привлекал умы и сердца ко всему доброму, человечески выверенному, достойному в культуре и повседневном бытии.

Мы знали Владимира Яковлевича как человека широкой души, внимательного и вдумчивого собеседника, участника и посредника множества культурных акций в городе, как знатока поэзии, как наследника классической школы культурного просвещения на Луганщине, как прекрасного друга, надежного товарища, эрудита и насмешника над всем, что заслуживает смеха и отторжения, как честного и нравственного носителя духовности, как хлебосольного хозяина, истинного философа не по диплому, а по жизни и кругу устремлений, целостную личность и открытую принимающую добро душу.

Владимир Яковлевич жил в насыщенном культурном пространстве, его дом был заполнен интересными книгами и произведениями искусства, он слушал сложную музыку, любил театр, увлекался поэзией, был завсегдатаем библиотеки имени Горького, постоянно общался с интересными людьми. В течение нескольких десятилетий гостеприимный дом Владимира Яковлевича посетили десятки людей – артистов, художников, писателей, философов. Он мог поддержать разговор на любую тему, и в то же время не уставал учиться, был отзывчив на все новое, интересное и яркое в жизни Луганска.

Монтеневцы многим обязаны его суждениям, его советам, его интересу к нашему Обществу, в котором он всегда представлял искреннюю заинтересованность в процессах развития философской общественности. Нам будет всегда не хватать его мудрого участия, слова, улыбки и неистового желания знать, уметь и приобщать окружающих к тому, что составляет суть культуры и истинной философии.

В кругу монтеневцев будет звучать его имя, его шутки, будут помниться вечера в обществе близкого друга, каких мало. Он будет с нами, он наш и мы с ним!

Монтеневцы

РАЗДЕЛ 1. ФОКУС ОСОЗНАНИЯ

Арсентий Атоян
atoyan@bk.ru

В ПРЕДВОСХИЩЕНИЯХ МОНТЕНЯ ПРОГРЕСС ДВИЖУТ СОМНЕНИЯ, ИЛИ КАК ПЕРИФЕРИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ СТАНОВИТСЯ ФОКУСОМ ОСОЗНАНИЯ

*Посвящается тридцатилетию
Философского монтеневского
общества*

*Вера в прогресс – учение лентяев,
учение бельгийцев. Ее можно уподобить
расчету человека на то, что
порученное ему дело исполнят соседи.*

Шарль Бодлер

Странно, что уже тридцать лет назад луганское Философское монтеневское общество существовало... Многие сообщества распались, дважды сменились флаги на башнях, ФМО возникло в самом конце советского периода, пережило независимость и живет в Народной республике. А те, кто проявлял к нему интерес, а за ними новые поколения посетителей, – не оставили этой привычки, хотя по разным причинам и пропадали на годы, – привычки послушать, поспорить, обменяться мыслями, вникнуть в ход и результаты дискуссии тех, кто согласился поделиться своим духовным багажом и принять участие в поисках истины.

В широком движении человечества вперед и вверх по эволюционной лестнице сквозь дебри прогресса и лакуны отставания есть места и для потока тех, кто ищет смыслов открывающегося перед ним мира. Мира всех смыслов Универсума в конкретных обстоятельствах и рефлексиях собственного бытия на фоне данного сущего, а заодно не согласен с абсолютностью и окончательностью найденных истин. Иначе говоря, мы полагаем философию как поход за истиной

всех, кто предрасположен и нуждается в самодвижении своей эмоциональной, интеллектуальной, познавательной и жизненной стихии. Единение людей на нравственной основе – возможно, и этого довольно, чтобы искренне обмениваться сомнениями, знаниями, ориентирами понимания, действия и оценивания открывающихся горизонтов поиска. Здесь и повсюду, широко и глубоко, вчера и завтра... В таком неоднозначном настоящем!

ФМО прошло ряд стадий, абрис общего пути мы давали в предыдущих Монтеневских сборниках, здесь же суммарно лишь отметим, что эволюция взглядов многих из участников была отражена в их докладах, периодически представляемых на собраниях Общества. Поскольку это Общество разномышленников (этим мы отличаемся от собраний единомышленников, тех, кто ищет в одном ключе, нам всегда были интересны инакомыслящие и несогласные с нами), то отзвуки наших дискуссий, как мы надеемся, еще скажутся на поисках Других, если это не круги на воде. Но и наблюдение за кругами на воде наводит на мысль. Помните: «Все есть вода». Не хлебом единым, но всяким словом...

Людам разных мировоззрений и тем, кто еще не постиг собственное мировоззрение, старым и юным, зрелым или незрелым умам и душам откроется рано или поздно, что отказ от принятия догмы не значит в познании релятивности всего и вся. Не за этим собираются на собрания (кстати, в век информационных сообществ мы пока не перешли в виртуальное пространство и ценим непосредственность контакта, хотя не уверены, что нас не ждут перемены под давлением новых обстоятельств и шибко зудящей машинерии), но за тем, о чем Мишель Монтень замечает существенное. Мы собираемся, говорит он, в ученых собраниях, чтобы искать истину, но не затем, чтобы ее найти... Словом, нашел и утвердился – выпал из сообщества ищущих. Не найденным жив человек, но поиском смыслов за уже найденным. За горизонтом – горизонт, за истиной – истина.

Кто уже нашел абсолютную истину, тот покинул нас. Как в детской считалочке: да и нет не говорите, черно – бело не берите... Скептики и все другие, кто бывали на собраниях, знают, что знающий абсолютную истину как бы нарушает условие диалога. В самом начале нас часто посещали религиозные сектанты и схлынули, потом ушли жаждущие почи-

тания, затем предвкушающие скандал там, где должности, звания, образование и прочие регалии не имеют абсолютного значения, где некого поучать и не на кого давить. Таков был идеальный план сообщества Любомудров. Любит мудрость и знать ее – не одно и то же. Познавшие достаточно, ушедшие – их никто не судит. Двери в Общество всегда были открыты для всех желающих. Никого не лишали слова и не изгнали за тридцать лет. Хотя острота споров иногда выводила из берегов самые спокойные умы, сердца и души. Треск авторитетов и принципов поднимал в аудитории градус до хлопанья дверями и осыпавшейся штукатурки, но бывали и тихие завораживающие общим духом среды, когда в тишине казалось единение возможным.

Многое миновало безвозвратно, но атмосферу доверия стремимся сохранять, как и необидчивость на резкие выпады, воспринимая их как часть культуры приобщения к ценности самостоятельного поиска всякого посетителя – начинающего и бородатого. Ибо нас посещали люди от 17-ти до 70-ти с лишним, но это так, к слову. Многие не ходят сейчас по причинам, от них не зависящим. Самокритично замечаем, что в год начала войны в Донбассе мы дружно собирались, а вот в год коронавируса этого не случилось. Разные бывают обстоятельства действия или бездействия. Атмосфера равенства, обмена мыслями, отказ в претензии «только эта точка зрения и никакая другая – правильная» – часть нашего методологического багажа.

Но ведь Луганск – периферия? Любите ли вы периферию так, как любим ее мы? Луганск сегодня на острие поиска новых ценностей и на рубеже защиты того, что он любит, ценит, защищает, строит. Извините за пафос, но реально Луганск и Донецк – это передовая линия борьбы за будущее, Россию и Украину, за Русский мир и евразийскую цивилизацию, за добро и правду, а значит, они причастны к истине завтрашнего дня.

Это все же периферия, а скептик – явление понастоящему редкое? Что с того? Вам не нравится слово «периферия»? Не зная вас, предчувствую утвердительное: да, не нравится, всякий Прованс не нравится, нам ближе Пьемонт, колокольня Ивана Великого, Сорбонна и Гарвард. Великолечно! Согласен, что у каждого свой ориентир... Страны растут провинциями, регионы вырастают над столицами, ибо их

опыт не только уникален, но и незаменим. Сибирью прирастает Россия. С одного шага начинается путь в десять тысяч ли. Для кого-то приобщение к философии началось с луганского круга скептиков в начале 90-х.

Известный методолог Майкл Полани, обосновавший происхождение всех методов добычи знания, в том числе и технических, из личностного знания участников познавательного процесса, выделял области видения действительности в научном знании как области периферического знания и фокусы осознания. С развитием знания периферическое видение продвигается к фокусу осознания, а тот сползает на периферию. Так ранее второстепенное становится основным. Осознание приходит из спектра новых возможностей, которые открываются на стыке науки и других форм сознания, на стыке наук, в средах профессионалов и дилетантов, между академиями и бурсами, столичными планировщиками и региональными сведумами... Словом, явление периферийности преходяще. Даже столицы меняются в истории. И сегодня Луганску и Донецку есть чему учить Киев, но это, опять же, к слову. Востребован будет и опыт периферийных сообществ. Как минимум, с ним нужно познакомиться, о чем и свидетельствуют наши Монтеневские сборники, пока еще несовершенные, но непосредственные живые свидетели воюющего и не побежденного народа. Скромный вклад отечественных искателей залежей духовного в пластах сознания отмечен приближениями к фокусу осознания реальности и нашего места в ней. Тут все очень зыбко и еще не устоялось. Пусть и прошли тридцать лет, но Гераклитова река никогда не останавливается... Как говорил первый учитель Платона Кратил: в одну и ту же реку нельзя войти и однажды.

Эпоха, в которую мы помещены волей исторического потока, зыбкая и переходная, сродни тому, что испытывала Франция полтысячелетия назад. «Я всегда знал больше, чем хотел», – утверждал скептик Мишель де Монтень. Это не было зазнайством, а лишь констатацией того, что на самом деле мы знаем достаточно, чтобы чувствовать необходимость знать больше, знаем не о том, что нам необходимо здесь и сейчас, не знаем своих собственных возможностей, которые нужно развить, дабы приблизить знание истины, а она всегда конкретна. Знания из одной головы в другую не перекаатишь. Нужно добывать самому. Поход за истиной – веление време-

ни приближения краха нынешней модели прогресса. Наше дело, как мы неоднократно заявляли, поиск альтернатив тому, что плохо работает на гуманизм, хотя часто слишком хорошо на прогресс реакции. Помните поэта: *«Кто-то баба-чет и тычет / и хочет забыть. / Душно, а все-таки / До сметри хочется жить»*. Это ведь и про наших современников, зажатых в тиски единственного правильного топанья к светлому концу по утвержденным не ими схемам.

Предлагать альтернативы, вырабатывать свободный консенсус необходимых изменений могут люди, которые работают над собственным мышлением.

Человек эпохи Возрождения и позднего скептического гуманизма, ввкусившего плоды религиозных войн, а таков и есть Мишель Монтень, живое воплощение ее великого, но уже униженного духа, представлял не только плод, но и орудие гуманизма. Поворот к человеку он поставил в фокус осознания эпохи, но не так, как художник Вайсмюллер («Смотрите на меня – этого достаточно» – вместо картин), а поместив картины мира в человека, в самого автора «Опытов». Его обращение к себе стало следствием неминуемого краха проектов, рассчитанных на целостного человека, в условиях, когда востребованным оказался частичный человек.

Эпоха нуждалась в титанах, но не в гармонической и всесторонней личности, а в массовом потоке кондотьеров, работяг, торговцев, конкистадоров, спекулянтов, накопителей, словом, в тех, кто ведет хищные вещи века новыми проторенными путями прибыли и авантюры. В XVI веке гуманист Монтень уникален. Так называемые общечеловеческие ценности нигде не встречаются в чистом виде, само их постулирование – всегда проблематичная абстракция, но именно ограниченный исторический характер гуманизма и не удовлетворяет большинство исследователей этого феномена. Преходящий характер исторически возникших ценностей и непреходящая потребность в человеческом развитии – живой нерв этого процесса. Гуманизм – процесс очеловечивания обстоятельств существования и натурализации человека, то есть его возвращения к собственной природе. В условиях, когда отчуждение еще не было открыто и сформулировано как социальная проблема, а все несовершенства сводились к греховной природе человеческого существа, гуманизм не мог обрести научного обоснования. И тогда ему на помощь приходила

философия, утверждавшая невозможность анализа мира безотносительно последствий для субъекта. Сознание мира рано или поздно становилось самосознанием человека. На примере пересоздания отдельных процессов и артефактов человек убеждался в возможности пересоздать себя. Ранние гуманисты оптимистично верили в скорый новый мир, поздние усомнились не только в сроках. Опыт очеловечивания оказался и опытом отчуждения, причем довольно болезненным.

Мишель Монтень претендует на особого рода искренность и доверительность именно потому, что правда о человеке заставляет его содрогнуться, призвав на помощь исторические примеры. Презирая хорошо обдуманную глупость, он призывает к правдивости:

«С бумагой я беседую, как с первым встречным. Лишь бы говорилась правда. Это важнее всего». Описание человеческой природы занимает сотни страниц, но дано не как разбор дефиниций. Важно правдиво отразить его особенности и неизбежность заблуждений. И Монтень, развертывая картины человеческого несовершенства, по сути объясняет, что природа человека такова, что без сознательных и последовательных усилий с его стороны ее нельзя серьезно улучшить. Для начала же нужна правда о человеке.

Суровые времена принуждают человека к заботам не только о себе и своих близких. Но и во имя общего блага не следует делать все без разбора. «Общее благо требует, чтобы во имя его шли на предательство, ложь и беспощадное истребление: предоставим же эту долю людям более послушным и более гибким».

Монтень не примкнул к протестантам, но и не порвал живых связей с ними. Он считает необходимым и неминуемым соглашение. Но это не удваивает истину, она все же одна и служение ей – выбор вне конфессий. Опасности присоединения к борющимся ордам фанатиков очевидны.

Отстаивание определенного порядка не всегда свидетельствует о консерватизме, ибо не всякая перемена – благо. Монтень предостерегает тех, кто хотел бы служить двум лагерям не только по причине бессовестности этой позиции. Двучленные люди полезны тем, что они могут дать, говорит Монтень, но следует стараться, чтобы они получили как можно меньше. Опасно знать чужие тайны. Гуманисты многое зна-

ли о своих современниках, но не могли не воспользоваться своим знанием как орудием утверждения ценностей, которые разделяли. Характеризуя образ действия своих современников, они утверждали наличие иных возможностей, но не спешили участвовать в делах века. Участие гуманиста в религиозной войне никогда не было запретным делом, но нуждалось в другой мотивации, то есть в мотивации, выходящей за религиозные рамки, если не заменяющей их. Знание людей и обстоятельств само по себе не повод для участия в их делах. Тем более, когда религиозная война идет внутри государства.

Протестантизм не внушает Монтеню мысли о том, что исполнение долга требует от него образа действий, оправдывающего все перед лицом такого врага. Он знает, что других для этой роли достанет. Горит пламя – блеск глаз фанатиков неизбежен. «Даже сама невинность, – пишет Монтень, – не сумела бы, живя среди нас, обойтись без притворства и вести дела, не прибегая ко лжи. Вот почему общественные обязанности мне не по нраву; все, что требуется моим положением, я неукоснительно выполняю, стараясь делать это по возможности неприметно... Я не раз избегал братья за них, соглашаясь на них лишь изредка, и никогда не стремился к ним, повернувшись спиной к честолюбию; и если я повернул спину не совсем так, как гребцы, продвигающиеся к цели своего плавания задом, то все же я сделал это настолько, что не погряз в них, хотя обязан этим в меньшей степени своей воле, чем благосклонной судьбе».

Для гуманиста принципиален вопрос: как действовать, когда сделать ничего нельзя? Всякий ли поступок следует совершать, если он полезен? Монтень ищет критерий оценки поступков и в конечном счете находит его в самосознании. Даже не нравственные поступки могут приводить к благим последствиям, что знали всегда, но полезный поступок не всегда честен. Отличить поступки необходимые от тех, что можно не делать, достойное философа занятие, обоснованию чего он посвящает немало примеров и рассуждений.

Уклонение от общепринятых мнений и поступков – признак силы характера тогда, когда эти мнения и поступки оспариваются с более передовых позиций, но и они не оправдывают предательства, если обещание было дано. Монтень понимает неизбежность обострения отношений католиков и гугенотов и не видит места для торжества добродетели, ак-

центрируя примерами лишь уважение к тем, кто не поддался общепринятому способу выяснять отношения и доводить разрешение конфликта до финала. Вместе с тем, тому, чему нельзя воспрепятствовать, можно предоставить идти своим чередом. Открытая позиция ограничена чужими тайнами: лучше не знать, а если знаешь – лучше не передавать

Досаду и недовольство он предлагает связать с корыстью и страстями, в которых не заключена храбрость, хотя и явлена склонность к насилию. Не сознание правоты движет сторонниками войны, а корысть, разжигают ее не потому, что она справедлива, а потому, что это – война. Тем не менее взятые обязательства следует выполнять.

Человек эпохи позднего Возрождения, захваченный водоворотом сил инерции, понимает, что пока его дело проиграно, но продолжает перебирать аргументы. Так ли?

Возможно, гуманизм является сражением в себе. Он не создал еще системы, которая бы могла на равных сразиться с теистическими системами, доказав как минимум свою неистребимость. Возрождение эпикуреизма вряд ли можно назвать торжеством материализма.

Неопирронизм, как называл свой тип скептицизма Монтень, нельзя считать лишь прихотью мыслителя, но даже если это было бы и так, все же трудно представить более логичный шаг позднего гуманиста в контексте последствий религиозных войн. Признать торжество победителей как самоцель мелко для философа, но такое признание может быть не только знаком поражения. Позиция «над схваткой» не опробована, но и в схватке у каждого неодинаковое положение.

Условия духовного воспроизводства скептицизма не совпадают с обстоятельствами Мишеля Монтеня зеркально. Нужно различать выбранное и навязанное, но дух писаний его достигает необычайной свободы в пору расцвета общественного фанатизма. Островки терпимости под подозрением. «Что было пороками, теперь нравы», – цитирует Монтень Сенеку. Все в мире качается, а потому предмет философии Монтеня нельзя закрепить раз и навсегда, так и точки зрения меняются, а их совокупность лишь приближает к истине, не исчерпывая ее. Качается все вместе и само по себе, сама устойчивость – ослабленное и замедленное качание, и предмет познания бредет по жизни как бы под хмельком. Таким уж он родился. Он взят в движении, но не в смысле, что от

минуты к минуте, или от семилетия к семилетию, но взят он в определенный час, к которому и относится повествование, ибо он может еще измениться как произвольно, так и намеренно. Протоколом явлений называет он свои писания, регистрирующие их, признаваясь, что предметом своей философии выбрал себя, ибо знает этот предмет лучше, чем какой-либо другой. А если кому не нравится, что он занимается собой, то ему не нравится, что другие занимаются не только собой. Полемические пассажи обращены к ценностям опыта, данного не иначе как в субъекте. Самосознание в известной степени выступит результатом самопознания. «Познай самого себя и делай свое дело» – кредо философа. И действительно неинтересно все это было бы без развитого самосознания самого Монтеня, ибо его Я возрожденчески полно охватывает весь мир.

Современной интеллигенции и студенчеству есть о чем подумать применительно к априори всех возможных позиций, которые они занимают в жизни... На других от нас широтах, анализируя причины неустойчивости интеллигенции, кубинец Рауль Роа некогда обращал внимание на происхождение, воспитание, интересы, условия жизни, склонность самоустраняться от активных действий. Он соглашался с мнением перуанца Хосе Карлоса Мариатеги о том, что интеллигенция по природе отвергает дисциплину, отличается индивидуалистической психологией и склонностью к инакомыслию. Рауль Роа, в частности, видит в политике сферу эффективности мысли. Но это только одна стезя, а их множество, тех путей, на которых эффективная мысль препятствует эффективности реакции и инерции, движению к хаосу и концу. Отвергая представления о невозможности альтернативы системе, он берется утверждать: «Ничто становится всем. Диалектическая формула гласит: да – это нет, нет – это да, что противоречит привычному утверждению: нет – это всегда нет и да – это всегда да, то есть освобождает нас от обязанности мыслить по законам формальной логики». Освобождение от оков мышления, диалектика мысли и деяния – суть ось вращения поисков самостояния посредством не тех, кто нашел, а тех, кто ищет и готов продолжать поиск.

Эпиграфов не поясняют, они должны бы сказать сами за себя. И наверняка говорят не то, что имеет в виду автор, но,

поскольку лиризм навязчив, то отступлюсь от правила не пояснять свой смысл эпиграфа. Насмешничая, Бодлер назвал прогресс делом бельгийцев, делом ленивых. Когда Франция совершила свою вторую революцию, то, пользуясь случаем, работой соседей, Бельгия объявила о своей независимости от Нидерландов. Философия периферического видения, создаваемая на просторах новых субъектов, первоначально не должна ориентироваться на то, что завезут другие. Душа обязана трудиться, мышление – отбросить интеллектуальную и нравственную лень. Словом, не будем бельгийцами в бодлеровском смысле.

ФМО исследует пространство мысли на индивидуальном уровне каждого из участников своих собраний, ищет альтернативы имеющимся в хождении проектам преобразования мира в себе и себя в мире, открывает спектр возможностей поиска истины.

Главное – ищите истину, с нами или без нас!

Суть важно: на пройденном не остановить движения.

Самопоиск в фокусе осознания есть поиск мира, и наоборот.

ФИЛОСОФСКОЕ МОНТЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛУГАНСКА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Философское монтеневское общество (ФМО) представляет собой уникальный историко-культурный феномен интеллектуальной жизни Луганска, формируя пространство коммуникации для людей, интересующихся гуманитарными науками, независимо от их габитуса и статуса в научном поле. Традиция заседаний ФМО продолжается три десятилетия, и функционирует как своеобразная форма культурной памяти и один из механизмов сохранения культурной идентичности Луганска. Рассмотрим деятельность ФМО, его цели, задачи и функции, а также покажем, за счет каких характеристик ФМО существует и работает в Луганске вне официальных академических структур.

ФМО существует в Луганске с 1990 года и в настоящее время работает на базе ЛНУ имени Владимира Даля. Общество названо в честь Мишеля Монтеня, французского скептика, который жил в эпоху религиозных войн, был противником абсолютных авторитетов и утверждал, что любую точку зрения можно подвергать критике. На заседании Философского монтеневского общества можно выступить с докладом на философскую, культурологическую, политологическую тему. Это может сделать любой желающий, рекомендованный членами совета ФМО. За прошедшие три десятилетия на ФМО делали доклады студенты и аспиранты, кандидаты и доктора наук. ФМО не дает никаких сертификатов об участии и не присваивает никаких званий. Тем не менее, множество более структурированных интеллектуальных клубов и организаций Луганска за это время прекратили свое существование, а ФМО продолжает заседания. Как выразился один из основателей ФМО Арсентий Атоян, «стара истина: неорганизованные тоже организованы, только иным образом» [1, с. 79]. Каким же образом организованы неорганизованные в ФМО?

Основные принципы Философского монтеневского общества – критическое отношение к любому мнению и право каждого высказывать любые идеи, не претендуя, в духе Монте-

ня, на знание высшей истины. Приведем выдержку из неопубликованных материалов одного из основателей ФМО Арсентия Атояна, написанных к 25-летию деятельности общества: «Создано ФМО решением кафедры философии Ворошиловградского государственного педагогического института имени Т. Г. Шевченко от 25 октября 1990 года. Первое собрание состоялось 25 ноября 1990 года в Доме политпросвещения. 16 сентября 2003 решением кафедры философии культуры и культурологии зарегистрировано при кафедре философии культуры и культурологии Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля. Проводятся регулярные собрания в течении всех нелетних месяцев по средам в 14.30 в 111 аудитории второго корпуса университета. На кафедре философии культуры и культурологии за это отвечает Атоян Арсентий Иванович».

По уставу монтеневского общества в нем нет председателя, а есть совет. Чтобы войти в совет, нужно сделать два доклада, прочитать Монтеня и не претендовать на знание абсолютной истины. Членство в совете дает единственное преимущество – можно рекомендовать людей, которые будут делать доклад. Таким образом гарантируется, что тема будет соответствовать уровню общества. Докладчику дается сорок минут, после доклада – два или три круга вопросов, которые задают слушатели, потом выступления слушателей с их оценкой доклада, и заключительное слово докладчика, подведение итогов. По регламенту вся процедура должна занимать два часа.

Ознакомившись с историей создания ФМО и процедурой проведения заседаний, рассмотрим цели деятельности общества. В эссе, посвященном 25-летию ФМО Арсентий Атоян формулирует их следующим образом:

- обсуждение актуальных и вечных проблем культуры и развития человека;
- бескорыстное распространение философских знаний;
- совместные поиски философской истины;
- приобщение к философской культуре;
- методологическая помощь в делах профессионального и гуманитарного самоопределения студентов, магистров, аспирантов и начинающих преподавателей;
- общение на философские, гуманитарные, культурные и иные темы;

- выработка умений вести дискуссии, полемику и приобретать критический взгляд на то, как мы сами мыслим;
- способствование самокритическому отношению выступающего к себе и своим любимым идеям;
- формирование терпимости к чужим взглядам и готовности обсуждать собственные;
- поддержка готовности отвергнуть все, что несовместимо с гуманистическим отношением к человеку.
- продуцирование самостоятельных общественных исследований альтернативного развития на бескорыстной основе [1, с. 67].

Состав участников заседаний в течение тридцати лет Арсений Атоян характеризует следующим образом: «в обществе и сегодня представлены индивидуально: философы, историки, филологи, культурологи, эстетика, политэкономы, литературоведы, журналисты, студенты, аспиранты, «технари» и так далее, – всех не перечислить. Столь же индивидуально представлены разные философские направления, как сциентистского, так экзистенциалистского плана, как верующие, так и свободомыслящие. Возраст выступающих колеблется от семнадцати до семидесяти» [1, с. 66].

Хотя многие из докладов, сделанных на ФМО, легли в основу научных статей и диссертаций, долгие годы общество не издавало своих докладов.

Первый сборник докладов Философского монтеневского общества был опубликован уже в Луганской Народной Республике в 2015 году. Он назывался «На грани мира и войны», и был посвящен описанию интеллектуального климата Луганска в переломном для Украины, России и Донбасса 2014 году [4]. Тираж сборника докладов был роздан в библиотеки и вузы Луганска, а также опубликован в Интернете, на сайте луганской культуры «Одуванчик» и в различных сетевых библиотеках. Выпуск книги позволил впервые в истории ФМО выйти за рамки регионального проекта, получить отклик не только непосредственных слушателей, но и читателей из республик Донбасса и Российской Федерации. На сборник были получены рецензии из Луганска, Москвы и Санкт-Петербурга. Они опубликованы на сайте «Одуванчик» и во втором сборнике докладов ФМО.

Второй сборник, «Четверть века с философией» [6], был приурочен к 25-летию юбилею общества и представляет со-

бой своеобразный интеллектуальный портрет луганской гуманитарной интеллигенции с последнего советского года до первого года войны с Украиной. В этот сборник помещены сохранившиеся списки докладов ФМО за весь период его существования до 2015 года [5].

Третий сборник докладов ФМО был опубликован в электронном виде в 2017 году, а в печатном презентован 12 февраля 2020 года в Луганском краеведческом музее. Этот сборник называется «Донбасс в огне», и посвящен столетию Революции 1917 года и роли Донбасса в этих судьбоносных для России и для мира событиях [2]. Книга состоит из трех разделов. Первый раздел «1917. Ветры буйные бушуют, тучи грозные плывут...» посвящен событиям столетней давности, их предыстории и развитию в ходе Гражданской войны на Донбассе. Второй раздел «2017. Русские с нами и красное знамя...» изображает современную войну, идущую здесь с 2014-го года. Третий раздел «Связь времен» представляет собой попытку обнаружить какие-то общие черты происходящего, понять, что связывает эти две эпохи, разделенные целым веком: случайно ли вновь огонь вспыхнул именно здесь или тому были серьезные причины.

Четвертый сборник докладов «Колышется русское поле... Внемли, Русский мир!» вышел из печати в декабре 2019 года [3]. Книга состоит из двух разделов. В первом разделе собраны некоторые из докладов, обсуждавшихся в течение 2019 года на заседаниях общества. Во втором разделе помещены тексты тех докладов, которые планируются к обсуждению в ближайшем будущем. Тексты намеренно приближаются к тому, как они звучат на заседаниях, не содержат научного аппарата и ссылок на литературу. Заинтересованный читатель может выяснить эти детали напрямую у автора, написав ему на электронный адрес, который уже традиционно приводится в начале каждого доклада.

Таким образом, основное направление работы ФМО – общаться со слушателем и читателем вне академического формата, предлагая пространство для возможного диалога всем интересующимся гуманитарными науками. Какие виды деятельности продуцирует указанный общий вектор развития? Анализ докладов ФМО, список которых приведен в сборнике «Четверть века с философией», позволяет выделить следующие функции ФМО: площадка для проверки тезисов ученых,

просвещение, реализация междисциплинарных связей в гуманитарной сфере, способ донести до публики важные для докладчика идеи, манифестация луганской философско-культурной среды.

ФМО собирается в вузе, и среди его основателей и часто присутствующих на докладах людей – преподаватели философии, культурологии, гуманитарных дисциплин. Это значит, что ФМО фактически предлагает профессиональную экспертизу идей и текстов философской тематики. Люди, ищущие свой путь в науке, профессионально интересующиеся философией студенты, магистранты, аспиранты, докторанты имеют возможность на заседаниях ФМО представить свои научные идеи, которые лежат в основе их квалификационных работ, статей и диссертаций. Во время обсуждения докладчик может узнать мнение профессионалов о своей научной концепции, а также понять, какие вопросы по его теме возникают у неподготовленного слушателя. Обсуждения на заседаниях ФМО позволяют заметить уязвимые для критики моменты и направить свои усилия на их доработку.

Таким образом, обсуждения на ФМО способствовали созданию профессиональных философских текстов, статей, монографий и диссертаций таких луганских ученых как А. И. Атоян (теория эстетического универсализма в ибероамериканской культуре, вклад негритуда и индеанизма в мировую культуру, концепция коммуникативного акта по Хабермасу в применении к постсоветской ситуации), А. М. Еременко (новый подход к истории – теория событийности), А. Ю. Лустенко (философия повседневности), О. Б. Левченкова (философия обмена), В. Б. Попов (типология социальной эволюции, философия исторического процесса), В. Ю. Даренский (философия личности, преображения личности, культуры постмодерна, цивилизационный подход, русская цивилизация), С. А. Титаренко (религиозно-философская доктрина Николая Бердяева), Е. А. Гнатенко (философия Канта и В. Соловьева, религиозная философия), К. В. Деревянко (диалектика Гегеля), С. Н. Прасолов (проблема символизма), С. С. Бойчук (теория этногенеза, философия Гете, метафизика Фомы Аквинского), В. М. Шелюто (философия истории, природа сакрального). Итак, ФМО выполняет функцию пространства экспертной коммуникации для проверки тезисов научной работы.

ФМО также выполняет функцию просвещения не только молодежи, но и людей любого возраста и социального положения, которые интересуются философией, историей, политологией и гуманитарными науками в целом. На ФМО были сделаны доклады о классиках философии уровня Монтеня, Бердяева, Бахтина, Гегеля, Маркузе.

ФМО реализует междисциплинарные связи в гуманитарной сфере, уделяя внимание литературе, кино, новинкам мировой культуры, а также политическим процессам современности и поэтическому творчеству.

На заседаниях ФМО делались доклады о писателях, творчество которых продуцирует философские идеи и оказало влияние на современников и потомков, таких как Гоголь, Достоевский, Шиллер, Кэндзабуро Оэ.

Также ФМО организовывало просмотры и обсуждения популярных и/или содержательных фильмов, среди которых были «Король-рыбак» (доклад А. И. Атояна в 1995 году), «Дитя Маконы» (два доклада А. М. Еременко в 1997 году), «Сказка странствий» (доклад А. И. Атояна и А. Л. Блюминова 17 февраля 1999 года), «Конан-варвар» (доклад А. Л. Блюминова 21 апреля 1999 года), «Скромное обаяние буржуазии» (1999 год), «Смерть и дева» (1999 год), «Доброе утро, Вавилон!» (доклад А. Л. Блюминова 21 марта 2001 года), «На последнем дыхании» (доклад А. И. Атояна 2 октября 2002 года), «Герой» (доклад И. В. Шупчинского от 25 октября 2006 года), фильм Нины Шориной «Ницше в России» (19 мая 2010 года), «Меланхолия» Ларса фон Триера (2011 год), «Суд над Богом» (26 сентября 2012 года), «Пятая печать» (доклад А. М. Еременко 16 апреля 2014 года), «Когда Ницше плакал» (доклад А. А. Сигиды 30 апреля 2014 года).

На заседаниях ФМО также обсуждали новинки мировой культуры, такие как «Код да Винчи» Дэна Брауна (доклад А. М. Еременко 31 октября 2007 года), книга Дмитрия Быкова «Хроники ближайшей войны» (доклад А.И. Атояна 9 апреля 2008 года).

На ФМО делались доклады о современной украинской философии, истории, политике. Так, члены общества обсуждали фильм Николая Каптана «Девять жизней Нестора Махно» (А.И. Ермашев, И.В. Шупчинский, доклад 21 февраля 2007 года), делали доклады на тему «Утопия свободы и социальный бандитизм в пространстве украинской истории»

(А.И. Атоян, доклад 18 марта 2007 года), «"Предатели – герои" всемирной истории в целом и украинской истории в частности» (А.М. Еременко, доклад 6 мая 2009 года), «Четыре сценария «украинского конфликта-2010». Памяти Ральфа Дарендорфа» (А. И. Атоян, доклад 21 октября 2009 года), «Философия украинской идеи: личностная парадигма» (В.А. Сабадуха, доклад 29 января 2010 года), «Существует ли высшее образование на Украине?» (16 марта 2011 года). Члены ФМО также принимали участие в круглом столе Олега Хомы в вузе под названием «Точки роста и перспективы украинской философии» (2 февраля 2012 года).

ФМО также предоставляло возможность выступить не философам, однако людям культуры. На ФМО делали доклады поэты Луганска А. И. Бескоровайная, Е. А. Заславская, А. А. Сигида, и обсуждалось их творчество.

Таким образом, посетители заседаний ФМО имели возможность поучаствовать в философском осмыслении актуальных тем, новинок и классики кино, литературы и политики, а также ознакомиться с поэтическим творчеством луганских авторов.

Немаловажная функция, которую выполняет ФМО в Луганске, это воздание пространство встречи автора новых идей с публикой. Не каждый человек, увлекающийся философией, делает карьеру в научной сфере, получает степени и звания. Однако искренний интерес к философским темам может сохраняться годами и поддерживаться самообразованием или общением с теми, кто занимается гуманитарными науками профессионально. Последнюю возможность и предоставляет ФМО. На заседании делались доклады о культуре острова Пасхи (А. В. Грошенко, 1 февраля 2017 года), в течение многих лет представлена самобытная философия А. С. Сгонникова (ряд докладов в 2004 – 2013 гг.).

Последняя, самая важная функция ФМО – это манифестация луганской философской мысли, самоосмысление луганских авторов как принадлежащих полю философской культуры.

На заседаниях ФМО проходят обсуждения вышедших в свет статей и презентации книг луганских философов. Так, на заседаниях монтеневского общества презентовали книгу «История и событийность» А. М. Еременко (7 декабря 2005 года, докладчик В. Ю. Даренский), обсуждали книгу

«Очерки истории мировых цивилизаций» В. Довжука, В. Попова, В. Шелюто и других (8 февраля 2006 года), обсуждали новую книгу психолога О. В. Соловьева «Человеческое Я и его неистина» (16 мая 2007 года), слушали в исполнении автора новеллу А. М. Еременко «Приметы» (10 октября 2007 года), организовали встречу с Брониславом Горбом – автором книги «Анафема Маяковского и Русский Апокалипсис XX века» (24 октября 2007 года).

Накануне войны в Донбассе, 18 октября 2013 года, на заседании ФМО была представлена «Культурная карта Луганска», проект общественной организации СТАН и ее лидеров Константина Скоркина и Ярослава Минкина, в котором реализован европейский взгляд на луганские реалии и показано, как понимает местную жизнь про-европейски и про-украински настроенная интеллигенция.

В пятый год войны на ФМО была представлена монография В. Ю. Даренского, доктора философских наук, члена СП ЛНР, под названием «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века». Работа посвящена русской философской и религиозной культуре самого бурного века нашей истории, и выражает те идеи и ценности, которые объединяют Донбасс и Россию.

Анализ деятельности ФМО по манифестации менталитета луганской интеллигенции позволяет отметить главную характерную черту философского и культурного пространства нашего города: Луганск – город-интроверт. Луганск в культурном пространстве представляет собой замкнутый локус, который принимает разнообразные влияния, усваивает самые разные идеи, но как правило не стремится ничего транслировать вовне. Для луганского философа быть важнее, чем казаться. Результаты осмысления мировой философской культуры обсуждаются в кругу единомышленников, в кругу неравнодушных горожан, но за двадцать лет истории ФМО не зафиксированы попытки выйти за пределы Луганска, наладить связи с другими подобными обществами и т. д. Луганские авторы публикуются в значимых изданиях России и Украины, работают в философских вузах в разных российских и украинских городах, однако это чисто личная инициатива, не поддерживаемая, а только принимаемая к сведению обществом скептиков. Это парадоксальное сочетание личной инициативы и общей безынициативности представляет собой

вторую характерную черту луганского философского пространства, которая порождает и достоинства, и недостатки такого философско-культурного феномена как ФМО.

Ситуация несколько изменилась после начала войны Украины с Донбассом. В этот период появляются четыре сборника докладов, которые распространяются в бумажном виде по библиотекам и вузам города, однако не меняют ни монтеневское общество, ни его методы работы, благодаря которым воспроизводятся его характерные черты и выполняются его важные функции в городской культурной среде.

Монтеневское общество продолжает проводить заседания, однако его посещаемость падает. Если в довоенный период на заседаниях собиралось более двадцати человек, то в 2019 году количество присутствующих на одном заседании снизилось до пяти человек, а выбор докладчиков все более и более затрудняется. Этому есть несколько причин, и те самые факторы, которые столько лет поддерживали существование ФМО, сейчас способствуют снижению его посещаемости. Самая важная из причин постепенного упадка ФМО – распространение Интернета.

ФМО сформировано людьми книжной культуры в эпоху дефицита информации, когда достать интересные книги было трудно, а обсуждение интересных тем в провинциальном городе было редкостью. В настоящее время люди живут в мире с переизбытком информации, они имеют постоянный доступ в сеть.

В Интернете доступны онлайн огромные библиотеки, включая отсканированные в цвете рукописи Средних веков, книги на разных языках (и онлайн-переводчики), свежие номера профессиональных журналов и книжные новинки. Даже с учетом того, что часть этих материалов в платном доступе, бесплатной части хватит, чтобы утолить книжный голод как профессионала, так и любителя.

В сети также существуют виртуальные бесплатные экскурсии по самым разным музеям мира, доступ к лучшим фонотекам, пинаотекам и фильмотекам, возможность слушать онлайн концерты лучших музыкантов планеты, смотреть трансляции новых спектаклей и опер. Эти возможности есть у жителя небольшого города так же, как и у жителя столицы. Знакомство с классикой и новинками культуры доступно любому пользователю сети, у которого есть такое желание.

Для тех, кто занимается философией профессионально, существуют заочные конференции и возможность публикаций в онлайн журналах. Те энтузиасты, кто не занимается философией профессионально, а просто интересуется какими-то вопросами для общего развития, найдут в сети огромное поле действия – каналы, онлайн трансляции лекций, аудио и видеокурсы, а также социальные сети.

Существует несколько платформ, на базе которых пользователи могут создавать собственные аккаунты и выкладывать собственные тексты. Самые известные из них livejournal, facebook, vkontakte, telegram, однако постоянно создаются новые и модифицируются старые. Кроме того, многие сервисы предлагают возможность бесплатно создать личный сайт, на котором можно публиковать собственные статьи и книги, а также общаться с читателями. Существуют издательства типа Ridero, которые предлагают автору за некоторую сумму денег бумажную публикацию книги с продвижением в книжных магазинах России.

Как видим, в настоящее время нет проблем ни с доступом к информации, ни с созданием и публикацией собственных книг. Кроме того, Интернет предлагает огромные возможности общения с единомышленниками и противниками в различных сообществах. В социальных сетях есть возможность создавать группы по интересам и обсуждать соответствующие темы с людьми, которые интересуются той же темой, хоть и живут в другой стране или на другом континенте. Например, сообщество ru_philosophy в живом журнале насчитывает более двух тысяч участников, сообщество byzantium_ru, посвященное Византии, объединяет более восьмисот человек, в сообщество Русский эллинист ru_ellinist входит более шестисот участников. Среди них велика доля профессионалов, которые занимаются соответствующими разделами науки постоянно, могут проконсультировать на любую тему и разъяснить любой вопрос в пределах своей компетенции.

В такой ситуации человек, профессионально занимающийся гуманитарными науками, может получить нужную информацию и необходимую консультацию, не выходя из дома и на достаточно высоком уровне. В то же время люди, которые не занимаются наукой профессионально и которым интересно общение на гуманитарные темы, могут найти такое

общение на любом доступном для них уровне и в любое удобное для них время.

Таким образом, в современном мире доступ к информации перестал быть проблемой и появился сетевой формат общения с профессионалами, участниками и творцами современной научной жизни. Те основные функции, которые в Луганске выполняло ФМО, выполняет Интернет.

Не улучшает ситуацию и то, что ФМО практически не представлено в сети. Общество создано людьми книжной культуры, которые недооценивают новые возможности, представленные Интернетом, мало о них знают и не используют их для популяризации сообщества. Ярким исключением является деятельность редколлегии сайта «Одуванчик», куда входят Елена Заславская, Нина Ищенко, Владимир Карбань. На сайте луганской культуры «Одуванчик» публикуются анонсы заседаний и выложены аудиозаписи некоторых выступлений, а также в электронном виде все четыре сборника ФМО, которые успели войти в различные онлайн библиотеки с момента публикации. Собственного сайта или группы ФМО не имеет.

Итак, Философское монтеневское общество Луганска в течение трех десятилетий предоставляет всем желающим возможность не только высказать свои идеи по философским вопросам, но и услышать мнение профессионалов об этих идеях и продолжить свои размышления с учетом полученных замечаний. Этой возможностью пользуются в первую очередь начинающие или состоявшиеся научные работники, а также энтузиасты, размышляющие на философские темы вне рамок профессионального научного сообщества. Также ФМО дает возможность узнавать мнение философов о важных и интересных идеях современности тем людям, которые не выступают сами, однако увлекаются философскими вопросами. Важнейшей из функций ФМО является функция самоосмысления философско-культурного слоя Луганска и манифестация его деятельности.

Таким образом, три из четырех функций, которые выполняет ФМО в Луганске, может с большим успехом выполнять научная и культурная среда, созданная в информационном пространстве Интернета. Единственная функция, которую может выполнить только ФМО – это манифестация луганской культурно-философской идентичности.

Монтеневское общество создано в Луганске по инициативе луганчан, и много лет действует благодаря искреннему интересу к философии и культуре, который проявляет интеллигенция нашего города. Философская публика, как академическая, так и неакадемическая, за прошедшие три десятилетия осмысляла классические философские проблемы, новинки гуманитарной сферы, политические и культурные процессы. Благодаря ФМО в Луганске выработан собственный взгляд на мир, собственное отношение к философским и политическим явлениям. Показательно, что когда началась война с Украиной и некоторые философы, преподаватели, деятели культуры сделали выбор в пользу Украины, в Луганске осталось достаточно мыслящих людей, чтобы уже в ноябре 2014 года Философское монтеневское общество возобновило свою работу, которая продолжается и в настоящее время.

Таким образом, Философское монтеневское общество сформировалось как яркий локальный культурный феномен интеллектуальной жизни Луганска. Это немаловажный локус культурного пространства нашего города, на базе которого сформирована культурная традиция философского общения, позволяющая жителям и гостям города принять непосредственное участие в философском творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атоян, А. И. В жанре преждевременного послесловия / А. И. Атоян // Четверть века с философией. Философское монтеневское общество – 2015 / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск : Блиц-информ, 2015. – С. 64 – 74.
2. Донбасс в огне: сборник материалов Философского монтеневского общества за 2017 г. / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – издание 2-е, испр. – Луганск: Блиц-информ, 2019. – 260 с.
3. Колышется русское поле... Внемли, Русский мир! Сборник докладов Философского монтеневского общества за 2019 г. / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск : Блиц-информ, 2019. – 124 с.
4. На грани мира и войны : сборник докладов Философского монтеневского общества за 2014 г. / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск : Блиц-информ, 2015. – 64 с.
5. Приложение. Список докладов, прочитанных на ФМО за всю его историю // Четверть века с философией. Философское

монтеневское общество – 2015 / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск : Блиц-информ, 2015. – С. 140 – 164.

6. Четверть века с философией. Философское монтеневское общество – 2015 / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск : Блиц-информ, 2015. – 175 с.

Виталий Даренский
darenskiy1972@rambler.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА МОНТЕНЕВСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ВОЗРОЖДЕНИЕ МЕТОДА МАЙЕВТИКИ

Философская практика Философского монтеневского общества, работающего в Луганске с 1989 года, может рассматриваться как своеобразный вариант возрождения античного метода майевтики в современных условиях. В современных условиях стало почти невозможным иерархическое обучение по модели Учитель – ученик, на котором было основано наставничество Сократа (как и восточные философские школы), и поэтому тип общения должен поменяться в соответствии с современным представлением о «равенстве» сторон в диалоге. Невозможность такой манипуляции сознанием, которую осуществлял Сократ над своими учениками, запутывая их каверзными вопросами, радикально меняет сам «сократический метод». (Стоит отметить, что многие преподаватели философии «советской школы» любили применять некое карикатурное подобие «метода Сократа», откровенно издеваясь над студентами – и вследствие этого у многих людей в наше время осталось от философии самое негативное и отталкивающее воспоминание).

Таким образом, Философское монтеневское общество не было неким «провинциальным» феноменом, но решало фундаментальную историческую задачу трансформации «сократического метода». Модель обсуждения темы с основным докладом, несколькими кругами вопросов и кругом завершающих выступлений всех присутствующих, по-видимому, является эффективной формой майевтического метода. Поскольку участники обсуждения обычно являются представителями радикально различных мировоззрений, то это в ходе обсуж-

дения все время радикально меняло ракурс обсуждения темы. Аргументы представителя одного мировоззрения кажутся абсурдными представителю другого – тем самым «ситуация постмодерна» здесь дана не в абстракции, а в своей самой наглядной и конкретной форме. «Отсутствие метадискурса» в сочетании с необходимостью «нахождения общего языка» создает мощную креативную ситуацию и порождает «майевтический эффект» взрывообразного расширения сознания. Акцент здесь перемещается с искусства задавать вопросы на искусство на них отвечать (у Сократа с учениками было наоборот). Философская мысль вновь становится максимально привязанной к своему воплощению в слове – к ней возвращается то единство с художественностью и ораторским искусством, которое она имела в текстах Платона. Решающим качеством и докладчика, и его собеседников и оппонентов становится своего рода философский импрессионизм – умение «заразить» других своим смыслом и тем экзистенциальным состоянием, из которого этот смысл рождается.

Майевтика (термин диалога Платона «Теэтет») – метод философской беседы Сократа в виде серии вопросов, в результате которых происходит ἐκβάσις. Последний термин часто переводят как «испытание», но буквально он означает «выход за пределы» – за пределы привычных стереотипов мышления. Сократ побуждал других самим находить новое понимание того, что раньше они считали само собой разумеющимся. Обычно эти беседы протекали в поисках ответа на вопрос: «что такое N?», и в ходе обсуждения один за другим отвергались ложные ответы путем обнаружения противоречий. Исторически майевтика не является «изобретением Сократа», но есть явление архаическое, восходящее к древним обрядам инициации, в которых помимо физических испытаний были испытания серией вопросов и загадок. Майевтика, как и философия в целом, генетически восходит к практике инициации.

Исторически философия возникла как важный компенсаторный механизм культуры в секуляризирующемся обществе. Когда впервые «не сработал» ритуал, дававший цельное посвящение в смысл и устройство мироздания, когда прекратились обряды «инициации» с передачей священных знаний и мистического опыта, люди остались с «голым» вопрошанием о смысле бытия, не имея опыта для ответа на этот воп-

рос. Вот из этого «голового», беспомощного вопрошания и родилась философия. Точнее, она не только родилась когда-то до нашей эры, она продолжает рождаться и сейчас в душах и умах многих людей, которые оказываются экзистенциально вброшенными в это навязчивое состояние предельного вопрошания. И философскому вопрошанию не может помочь никакая наука, сколь бы развитой она ни была, потому что философия спрашивает совсем не о том, о чем нам говорит наука.

Наука дает знание эмпирических фактов и законов, объясняющих связь этих фактов между собой, но ничего и никогда не сможет сказать о смысле всего существующего, и о том, почему мир вообще таков, каков он есть, и вообще почему он есть, ведь его могло бы и не быть. Научное мышление с точки зрения философии выглядит наивным и инфантильным – ведь действительно, это только очень маленькие дети интересуются только фактами, но еще не интересуются их смыслом. Если, например, физик объясняет происхождение мира «большим взрывом» или чем-то другим – это вообще не важно, какая теория является модной в данный момент – то, с точки зрения философа, физик здесь вообще не понял сути вопроса. Философия – это совершенно иной тип знания, и оно основано на неэмпирическом опыте.

Отец Павел Флоренский писал, что философия Платона является рациональной экспликацией того опыта, который люди получали в ходе Элевсинских мистерий. То есть, философия – это особая экзистенциальная технология, позволяющая получить тот же опыт без участия в массовых мистериях, но переживая эту мистерию в себе. Позже, фактически повторяя его мысль, П. Адо определил философию как вид «духовного упражнения», а платоновский тип философии назвал «инициационным» по аналогии с Элевсинскими мистериями [4]. В предельной форме это происходит буквально в форме *ἔκστασις* («экстасиса», т. е. измененного состояния сознания, при котором ум отрывается от чувственного опыта и созерцает вечные идеи непосредственно) – как это было, например, в финале «Федра» или потом в рефлексивных медитациях Плотина. Философия может и не вызывать таких предельных состояний, но суть дела от этого не меняется – аналог «инициации» имеет место в любом случае как предельный опыт философского мышления.

Как известно, в традиционных культурах в процессе прохождения обряда инициации происходила мощная трансформация сознания человека не только посредством сильных переживаний, но и путем сообщения ему тайных эзотерических знаний. Все это приводило к трансформации личности во взрослое состояние. В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе и философия.

Как общекультурный символ «инициация» обозначает особый экзистенциальный опыт символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Символическое прохождение через смерть, духовная инициация, символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, радикально трансформируя его личность. Каким образом это делает философия? Философия заставляет человека отбросить все привычные навыки мысли и мировосприятия в целом, посмотреть на бытие и на самого себя с какой-то совершенно непривычной и странной точки. И совершенно не важно, какую именно философскую доктрину и традицию выбирает человек, обратившийся к философии, ведь данная трансформация – символическая «смерть» и возрождение сознания – произойдет в любом случае. Это и есть аналог «инициации», который осуществляет философия.

Можно сказать, что и сама философия всегда находится в состоянии своей «смерти», это ее нормальное состояние. В том смысле, что философия, в отличие от науки, – это мышление, которое каждый раз начинает заново, с «нуля», и поэтому должно исходить из того, что в актуальном состоянии философии как бы еще нет. С другой же стороны, философское мышление, наоборот, всегда оказывается глубоко архаичным, это буквально «первомышление» о началах всего сущего, которое лежит в основе самого человеческого сознания. Это странный парадокс: философия всегда возникает «заново», как нечто всегда новое, а с другой – всегда является «вечным повторением подобного», тем же вопрошанием о началах – оно и создает то внутреннее очарование философии, которого не имеет наука, и которое очень похоже на очарование поэзии. Если внешне философия похожа на науку

в качестве рационального дискурса, то внутренне философия сродни поэзии и искусству. Она не «исследует», как наука, а творит смысл, как поэзия. Философию можно определить как вид искусства – как «художество мысли»; или точнее, как искусство вопрошания о предельных смыслах – это самое точное ее определение в «инициационном» контексте.

П. Адо выделил три концептуальные модели философского знания в античности: «пирамидальную» (модель Аристотеля); органическую (единство частей философии, модель стоиков); и «инициационную», по методу аналогичную Элевсинским мистериям – платонизм, причем последняя является первичной. Философию изначально понимали не как чисто интеллектуальное занятие, а как «духовное упражнение»: «как волевою личностную практику, предназначенную для осуществления преобразования индивидуума, самотрансформацию» [1, с. 140]. Философ выполняет работу «культурного героя», в своем личностном мире выстраивая заново смысловые основания человеческого бытия. Мощная актуализация майевтики имела место в лекциях М.К. Мамардашвили: путем словесного импрессионизма он осуществлял истолкование избранного культурного текста или одного символа так, чтобы у слушателя произошло «обрушение» привычных представлений и родилось иное пространство понимания – как переход от когнитивного коллапса к когнитивному взрыву. Такая актуализация была обусловлена исторически – как спонтанное возрождение философии в ситуации ее подмены «марксизмом-ленинизмом». Но подобным образом ранее возникала и русская философия.

Русская философия возникла в уникальный исторический момент – когда западная философия «выдохлась» в силу секуляризации сознания и утраты базового опыта. Это историческую точку зафиксировал И. Киреевский, когда писал, что Шеллинг – это тот мыслитель, который появляется раз в тысячелетие. Он имел в виду «позднего» Шеллинга, который пытался вернуть философию к первичному мистериальному опыту, без которого она не может существовать, как дерево с подрубленными корнями. Надо отдать должное Западу, там многие продолжают работу «позднего» Шеллинга даже до сих пор, хотя господствующая тенденция западного мышления, продолжающая по наивности называть себя «философией», на самом деле давно не имеет к ней никакого отноше-

ния. Там появлялись еще гении вплоть до М. Хайдеггера, Г. Марселя и М. Бубера, но все-таки со времени И. Киреевского сова Минервы уже перелетела из Европы в Россию.

Поразительно, насколько это сразу же поняли русские мыслители. П. Я. Чаадаев изложил в письмах 1835 года к Александру Тургеневу самые радикальные «славянофильские» тезисы, о которых, у нас, к сожалению, мало знают. Поэтому я немного процитирую наизусть: «у нас другое начало цивилизации», – пишет П. Я. Чаадаев, а дальше ключевой тезис такой: «Роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась» [3, с. 99]. Ретроспективно он оказался прав во всем, но особенно в философии: действительно, русская философия в своих высших достижениях всегда была радикально другой, не европейской, вся ее сила была именно в ее «другом начале». «Европейским» в России всегда было лишь эпигонство, не представляющее большой ценности.

И русскую философию, и русскую культуру в целом следует определить как «пост-оксидентальные», то есть изначально развивавшиеся как пост-европейские, как рефлексия на Европу, преодоление ее, а вовсе не «заимствование» и не «эпигонство», как до сих пор думают многие [См.: 2, с. 86-99]. Сами пост-оксидентальные качества и элементы можно классифицировать по-разному, но важно понимать саму их суть и исток. Это возвращение к тому первоопыту культуры, который сохранился в России благодаря аутентичной христианской традиции – Православию, а также ее уникальному неевропейскому историческому опыту. То, что П. Я. Чаадаеву на первый взгляд показалось в России странным и даже страшным, затем, на втором шаге рефлексии, он понял как, наоборот, величайшее ее достоинство и преимущество. Идеологи русофобии любят выпячивать только тот первый шаг его мысли, полностью замалчивая ее следующий шаг и ее итог.

Если же говорить конкретно о философии, то в России самым ценным является то, что не имеет никаких аналогов в Европе и представляет собой возвращение к мистериальным основаниям мышления и культуры на основе православного духовного опыта. В русской философии XIX-XX веков насчитывается около трех десятков гениальных мыслителей – это больше, чем во всей Европе этого же периода вместе

взятой. Естественно, этого факта не увидят те, кто мыслит внутри западной традиции – но об этом и не стоит особо беспокоиться: мы живем в своей великой традиции и давно уже не нуждаемся в каких-то заимствованиях извне. В XIX веке в России философия родилась заново из народного духовного опыта – так же, как когда-то в Древней Греции она родилась из мистериального духа Элевсинских и других культов. И покуда жив этот источник нашего опыта, русская философия будет мощно развиваться.

Во времена классиков – от Античности до Серебряного века – на выступления философов приходили толпы слушателей. Философы умели говорить и писать для всех, и философией интересовались люди самых разных профессий. Сейчас, как правило, ничего подобного нет. Философ вынужден приспособливаться к узкой аудитории «профессионалов» – либо тоже философов, либо других гуманитариев, например, политологов, культурологов и т.д. – а не говорить и писать просто для людей, взыскующих смыслов в нашем бессмысленном мире.

Популярность философии – это один из признаков возрождающейся культуры. Пока этот признак не наблюдается – а это значит, настоящего возрождения русской культуры еще нет. Но мы должны выполнить долг своего призвания, иначе его и не будет никогда. Именно в этом направлении уже более 30 лет активно работает Философское монтеневское общество, которое за это время стало ярким явлением в культурной жизни Луганска и воспитало десятки интересных философов, ученых-гуманитариев и деятелей культуры, работающих самых в разных сферах творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо П. Философия как способ жить. М.-СПб.: «Коло», 2005. 288 с.
2. Даренский В.Ю. Парадигма преобразования человека в русской философии XX века. СПб.: «Алетейя», 2018. 328 с.
3. Чаадаев П. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 2. М.: «Наука», 1991. 672 с.
4. Nadot P. Les divisions des parties de la philosophie dans l'Antiquité // Museum Helveticum, vol. XXXVI (1979). P. 221-232.

АЖУРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ МЫСЛИ

Выполняя просьбу моего друга, так же, как и я, «старого монтеневца» и просто замечательной женщины Нины Ищенко, взялся я за написание этого очерка о том, что такое для меня Философское монтеневское общество и за что мы его любим. Кстати, именно Нина привела меня, тогда еще молодого студента, впервые на заседание этого клуба мыслителей больше 20-ти лет назад. С тех пор и поныне при каждой возможности стараюсь принять участие в очередном «пиршестве духа» под руководством экстравагантного Атояна Арсентия Ивановича.

Что же такое для меня Философское монтеневское общество? В первую очередь, это клуб, в котором можно отдохнуть душой в обществе любителей мудрости и заодно послушать доклад на одну из тем, касающихся философских, исторических, литературных и социально-политических вопросов. А главная изюминка каждого заседания — это обсуждение доклада, когда каждый может высказаться по предложенной теме или задать каверзный вопрос докладчику. Большое удовольствие вызывают накаляющие атмосферу споры идеалистов с материалистами. Изумляют ажурные филологические конструкции из цитат и ссылок на великих мыслителей, украшенные философскими терминами и логическими коллизиями. А иногда остроту дискуссии неожиданно разряжает ироническое замечание, вроде: «...Извините, а какая от этого польза рабочему классу?»

Короче говоря, для меня Философское монтеневское общество — это место, в котором можно получить новые знания, часто в неожиданном для себя ракурсе взглянуть на казалось бы привычную проблему, и главное, это общество умных, интересных и очень разных людей.

ФМО – ПРОТУБЕРАНЕЦ АФИНСКОЙ ШКОЛЫ ФИЛОСОФИИ

Дорогие читатели!

Мне очень хочется написать о монтеневском обществе. Я вспоминаю его много лет с огромной теплотой. А. И. Атояну удалось то, что не удавалось никому даже в Москве – создать философский кружок. Доктора и кандидаты наук от философии, честно говоря, основательно надоели. Вся эта академическая возня, которая происходит на фоне медленной ликвидации Академии наук как таковой (через недофинансирование, оптимизацию управления и тому подобные вещи), давно стала смешной.

Кому-кому, а философам лучше других ясна истинная цена званий на этой ярмарке тщеславия. Думаю, что именно эта пропасть между живой мыслью и казенной философией вызвала к жизни монтеневское общество. Ведь от того, что отточенный годами истматовско-диаматовский категориальный аппарат слегка дополнили новомодной философской терминологией XX века, а список классиков увеличили в несколько раз, добавив Фрейда и Розанова, Ницше и Бердяева, ничего по существу не изменилось.

Многому научил меня в этом отношении наш луганский философ, с которым я на Монтениевском обществе никогда не пересекался, Владимир Данилович Исаев. Я готовился сдавать тогда кандидатский минимум по социальной философии по только что вышедшему учебнику Карена Хачиковича Момджяна (старшее поколение должно хорошо помнить его папу, Хачика Нишановича Момджяна). Владимир Данилович, желая дать мне добрый совет, сказал, чтобы я не тратил время на современные учебники, а обратился бы к небольшой работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Не удивляйтесь, я сверил новейший учебник и сталинский текст. Результат меня шокировал – я обнаружил в современном учебнике очень похожие идеи и текстуальные совпадения! Такова наша академическая философия сейчас.

Так вот, отдохнуть ото всей этой мертвечины можно было на заседаниях монтеневского общества, куда меня привел Константин Васильевич Деревянко в 1996 году. Там можно было послушать, можно было покрасоваться со своими мыслями, а главное – поспорить. Насколько мне известно – а я уже очень давно не участвовал в заседаниях общества – споры эти до сих пор не завершены: «высокие спорящие стороны» – православные, коммунисты, позитивисты, экзистенциалисты и постмодернисты – все остались при своих. Но личность Арсения Ивановича Атояна, бесконечно любезного, бесконечно общительного, бесконечно щедро дарящего свое свободное время монтеневскому обществу, сумела сберечь этот протуберанец афинской школы философии в нашем провинциальном Луганске.

Но после луганских событий 2014 года я ничего не пишу. И есть причина, веское основание, у которого даже есть имя и фамилия: Глеб Бобров. Его «Эпоха мертворожденных» появилась в 2008 году. Много лет до этого и после этого я занимался социологией, философией, работая в юридическом вузе много общался с правоведами, друзья из пединститута (я по старинке, ладно?) занимались политологией. Смотрите, какой набор дисциплин!.. Так вот, никто из них ни до 2008 года, ни после, ничего подобного не говорил и не предсказывал. Я, во всяком случае, не слышал. А Глеб Бобров думал, как выясняется, лучше всех. Спасибо ему за это. Но после такой поучительной истории я к себе как к философу (социологу etc.) серьезно не отношусь. Я и раньше писал немного, а теперь у меня и вовсе исчезло желание выходить к людям со своими соображениями.

Философ может защитить кандидатскую, и даже докторскую, но ему это, как говорил Фалес, неинтересно. Интересно думать, интересно спорить, интересно каждый день наново отвечать на главный вопрос философии: что значит быть человеком сегодня? Вот такие луганские мыслители и подтягивались по вечерам на заседания Монтениевского общества. И уж как минимум один из монтениевцев, я это точно знаю, был и остается другом и соавтором Глеба Боброва – Константин Деревянко.

Вот и весь мой вклад в копилку размышлений и воспоминаний к юбилею монтениевского общества.

СКЕПТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Я, наверное, единственный из постоянных посетителей Философского монтеневского общества, который никогда не делал докладов. Меня интересовали дискуссии и обсуждения, возникающие на заседаниях. А философией я заинтересовался в 91 году, когда заменили марксистско-ленинскую философию предметом «Человек и общество».

Вспоминается мне вот что, когда философское общество только создавалась в 90-х годах, один из основателей Константин Деревянко был тогда медиком, циником, киником... и когда шло обсуждение, как назвать собрания он предлагал назвать «циническое общество» или «киническое общество», а назвали в честь Мишеля Монтеня. Но, как мне кажется, его бы правильнее было назвать «скептическое общество»!

Монтеневцам желаю, чтобы ФМО и дальше развивалось, чтобы у посетителей и докладчиков была возможность высказывать любые идеи, в том числе политического характера, и чтобы никому за это ничего не было!

Ольга Бодрухина
bodrukhina@gmail.com

ФМО КАК ФИЛОСОФСКИЙ СПЕЦНАЗ

Можно рассматривать Республику как поле, где границы наезжают друг на друга, перехлестываются, и в этих заворотах возникает некое пространство вне обычных законов, место для проведения таинств [1]. В нем еще присутствует трепет, легкий звон утренних колокольчиков, а не назойливый «музак» и голос зазывал. Здесь, без привязки к геополитической ситуации, создается важный резерв как новых, так и позабытых знаний, которые – в это очень хотелось бы верить – в недалеком будущем пригодятся всему Русскому миру. Изоляция – не так уж и плохо, когда мы говорим о сохранении того, что у нас постоянно пытаются похитить. Смысл. Веру. Память.

В этом контексте ФМО видится мне как живая и не чужающаяся новых форм группировка (хотя нет, группировка – это слово с криминальным флером, а здесь уместнее говорить о братстве).

Почти с самого начала основания в нем отсутствует привычная для таких сообществ иерархия. Скорее, это кружок с такими типами связей, которые можно окрестить боевыми: боевые друзья и другини. В этом смысле многие из его членов – больше, чем единомышленники. Если мы говорим о некоем боевом братстве, то можно докрутить эту метафору до определения ФМО как философского спецназа. Чтобы уж совсем по-нашему – философская дружина. Вплоть до того, что все мы пьем из одной чаши, во всех смыслах.

Мое знакомство с этим обществом произошло в... Честно, я не помню. Кажется, это был тот самый первый раз, когда возвращение домой стало вхождением в новый слой – в войну.

Еще за несколько лет до того, как она была развязана, моим постоянным местом проживания стала Республика Индия. Хотя, по факту, еще и вся Юго-Восточная Азия. Но чаще всего – Мумбаи, он же Бомбей. Почему так получилось?

Часто подсознательно мы выбираем для жизни города, или любим посещать именно те места, которые склеиваются с городом нашего детства именно через карту снов и грез. Казалось бы, какое может быть сходство между великим и прекрасным градом-легендой и твоим городком, выросшим некогда вокруг фактории? Но, оказывается, что может, и ты, по сути, не переезжаешь в другой город из своего, а едешь в свой старый добрый город из того места, которое уже перестало им быть. Постепенно и не без помощи «борцов за прогресс и развитие». Приблизительно так.

В общем, мои друзья и по совместительству члены этого общества пригласили на доклад. Концепт такой – я прихожу не как свободный слушатель, но как выступающий. С докладом о ритуалах и жертвоприношениях в современной Индии глазами очевидца и участника. Такое вот боевое крещение – ритуальным огнем.

Впрочем, до последнего были колебания на счет темы. ФМО в лице Лены Заславской передало подпольную просьбу сделать лекцию о растениях Шивы: дурман, каннабис, грибы... Туда же про обожаемую рудракшу (плоды мраморного

дерева, появившиеся из слез сострадания этого бога). В свите Шивы 108 духов-растений, один другого чудесатее. Знание это, главным образом, сохранилось в Непале и на востоке Индии. Но по причине того, что тема слишком специфическая, можно сказать, узконаправленная, было решено остановиться на ритуалах. (В случае, когда ритуал уже начался, остановиться просто невозможно, а иногда и фатально).

Конечно, мне было неведомо ничего о регламенте общества: о времени, отведенном на доклад вопросы-обсуждения. Непонятным образом получилось почти два часа хаотичного перемещения по сакральной карте Индии. Это нелегкое путешествие перенесли все от начала до конца, что внушило веру в сверхвозможности человека. Там было много чего – о трех основных священных реках Индии, они же три богини, которые связывались с тремя Ведами (четвертая – Атхарваведа, более поздняя, больше аюрведическое и алхимическое пособие, сборник заклинаний против нечистой силы). Сарасвати соответствовала Ригведе, Ганга – Яджурведе, а Ямуна – Самаведе. Они же ассоциировались и с тремя видами памяти. Сарасвати была практически ушедшей из нашего мира памятью, неким знанием, которое теперь не на виду. Ямуна – памятью будущего, как множества возможностей, еще не реализованных. А Ганга – памятью настоящего, то есть недалекого прошлого и будущего. Поэтому Сарасвати остается еще под землей (сокрытая истина), согласно ведийским текстам, Ямуна пересохнет раньше, чем Ганга (в какой-то момент у человечества не станет будущего как альтернативных путей). Ганга уйдет последняя, постепенно замутняясь и отравляясь, в то время как люди будут терять веру в ее святость. Там, где эти три все еще живые памяти сходятся в одну, возникает блаженство бытия в моменте. Географически эта зона находится в г. Праяградж (возле индийского Аллахабада) и называется сангам, то есть, «союз». Там же раз в несколько лет проходит самый большой в мире религиозный фестиваль Кумбха Мела. Смысл в том, что вернуть себя память блаженства, вкусить нектар бессмертия, погрузившись в три реки одновременно, в определенный астрологический период, день и час. И это тоже ритуал, который равен многим жертвоприношениям.

Но это так, один небольшой эпизод из того доклада. Там еще было рисование временных кругов, ритуальных кругов

Солнца и Луны, и прочая сакральная геометрия, про янтры и мантры, их сходства, соответствия и различия.

...В общем, вы поняли, как приблизительно проходят там заседания: каждый раз – как последний.

Пока так называемый «цивилизованный мир» пытается сделать всех стерильными и «кошерными», подравняв под одну гребенку, вогнав в один нечеловеческий ритм, ФМО, как философский спецназ, противостоит этим навязываемым актуальностям. Хотя бы тем, что пытается осмыслить их причину и механизмы. Каждый член ФМО по-партизански противопоставляет свою актуальность тоталитарной. При выборе тем докладов «о насущном» преобладает логика божественного, из разряда «увидел во сне, или сильно зацепило – сделал». В ФМО традиционно каждый из докладчиков задавал и задает свой ритм, вызревший внутри, как ответ на колебания инфосферы. Каким-то образом это оказывается более актуально и синхронизирует с интеллектуальными процессами далеко за пределами Республики и Русского мира в целом.

Для меня ярким примером такой синхронии из недавних стал доклад самоотверженного бойца ФМО Нины Ищенко «Трансформация мага в ученого на примере Джордано Бруно», представленный 25 марта 2020 года. Почему в какой-то момент необходимо делать доклад про Джордано Бруно? Потому что его история отражает нынешнее состояние современной философии и науки с целом.

Бруно преподавал итальянским аристократам искусство памяти, основал секту «новая философия» и был сожжен за то, что отрицал основные постулаты христианства – не за идею гелиоцентризма. При этом Джордано был глубоко верующий человек и блестящий мыслитель.

То, что сейчас происходит повсеместно – это явление можно окрестить «свалка в схоластику», а также демоническую герменевтику и прочее. Снова все это вынырнуло из недр коллективного бессознательного по той же причине, по которой и появилось – узкая специализация профессиональных групп. За счет нее (в фашизоидно-информационно-капиталистическом ключе) наука и производство разбиваются на какие-то профессионально-секретные общества, гильдии и кружки с магистрами во главе. Герменевтика цветет пышным цветом, современное чтиво – это «Циклопедии» и прочая лавкрафтовщина, где миром управляют хаос, нефть и де-

моны-стихии. Таким образом, снимается всякая ответственность с человека разумного. Разница лишь в том, что на танцы с бубнами научная мафия получает гранты, но дождик после этого не идет.

Мы можем видеть, как Церковь и Наука поменялись местами, и для нас это не лучше. Посмотрите, что идет за окном (если что – в этот момент, когда пишется текст, за окном – маски-шоу). Старомодный крест поменялся местами с.. – какие там у нынешней науки символы? ОК Google, да пусть хотя бы ядерный гриб, фото вируса под электронным микроскопом (эболы или ковида) или же черный квадрат? Вместе с тем, в потоке передач, статей, комментариев и прочей инфошелухи все меньше и меньше настоящего, которое могло бы изменить качество жизни. Сеть делает это знание сокрытым и точечным, как подземное русло Сарасвати, опять же, препрятывание происходит на основании мнимой актуальности, звездочек, колокольчиков и прочих пальчиков.

На мой взгляд, осмысление, которое в целом происходит в ФМО каждым из его дружины по-отдельности, направлено на разоблачение всей той порочности, которая выдается за прогресс. Прогресс нас ест. Война, которая ведется здесь и сейчас – это символическая война, и можно сказать, что она направлена на разоблачение мифа современного прогресса, стерилизации и комфортазации.

Она – дерево, вокруг которого юнгианская птица облетает все большие и большие круги, она – паутина, которую тклет паук, она – кружева, которые плетет крыса. Те же, кто не хочет комфортазироваться в счет свободы быть собой – вы уже знаете, что было с Бруно. Голодные и покалеченные плохо убаюкиваются, а когда за окном не первый год полыхает огонь массовых человеческих жертвоприношений детей, молодежи и стариков, эпидемией нас уже не запугать.

При этом мы понимаем, что даже ризоматические структуры лишь до определенного момента действуют как антифашистские и антирепрессивные. Постепенно протест превращается в новую ступень подавления, уставая от собственной же необходимости постоянно порождать новые соединения и убегать от самого себя, оставаясь в лабиринтах все того же дискурса. Критика научного, критика капитализма, критика власти, критика безразличия, критика бездействия, критика оккультного, критика списков в целом – в конечном

итоге, рискует обрести тело в таком же списке... И критика тогда станет очередным инструментом самооправдания.

Мы не станем ограничивать себя подобными рамками, на это просто нет времени. Война – это не критика, это действие, направленное на утверждение мира, но не абы какого, а такого, в котором мы готовы жить. Философский спецназ воюет за способность рождать новые жизнеспособные смыслы, не закрепляя эту способность за собой исключительно. Пусть она просто существует, как непрерывная традиция [2]. Традиции, как известно, сохраняются в первую очередь на уровне семьи. «Тоталитарность» в ней может быть ровно такая, какая возможна в любящей семье, где людям нечего скрывать и перепрятывать друг от друга.

В этом смысле перед членами ФМО стоит задача: каждый раз отпрапляться в первый бой, откуда невозможно вернуться, не вынеся новый смысл и опыт.

Собственно, почему мы понимаем, что так должно быть? Почему мы чувствуем силу делать какое-либо заявление, будь то доклад или статья? Почему в нас эта память – о том, как «должно быть», а не как «хорошо бы», неубиваемая? За что она зацепилась, как докучливый репей?

Например, хлебный магазин, который с годами успел побывать и продуктовым, и магазином с компьютерной техникой, и национальным банком, во сне по-прежнему «ХЛЕБНЫЙ». И будет таким всегда. В таких местах можно фиксировать течение времени, там даже могут быть сновидческие часы (циферблатные). Там пахнет сдобой и «Бородинским», а люди не обращают на тебя никакого внимания, занятые своими покупками. Продавщицы сами как булки в чепчиках, используют абак и клеят на витрину рейв-ценники без штрих-кодов, с цифрами, написанными от руки. Это даже не то, каким конкретно был наш город детства – это то, каким мы его видели и ощущали. И ощущаем по сей день.

Репей зацеплен накрепко за отрочество, юность, за начало сознательной жизни. За (пра)бабушкины сказки, за воспоминания (пра)деда о ВОВ, за мечты родителей, за школьную «Хрестоматию» и за «взрослую» библиотеку. Благодаря этому мы не как перекасти-поле, чуть ветер подул – снесло. Укорененность в своем, а не чужом сознании, в своей идее и своем тайном – признаки того, что ты не паразитируешь, а творишь. ФМО желает этого всем.

Теперь, по логике вещей, здесь должна возникнуть сказка.

Однажды, сидя в полном умиротворении неподалеку от городских стен, садху (странствующий йогин) заметил какую-то тень с человеческими очертаниями. Садху позвал ее: «Эй, ты! Да, ты! Поди сюда!» Тень подчинилась.

– Кто ты?

– Я – эпидемия, я – мор, я – чума.

– Зачем ты ходишь под стенами этого города?

– Я собираюсь войти в город и в течение месяца унести жизни 1000 человек. То, что они умрут, решено.

Садху подумал: у каждого существа своя судьба. И махнул тени рукой, мол, иди: я тебя не знаю, ты – меня.

Прошел месяц, и в городе стало на 10 000 человек меньше. Садху уже поджидал тень за воротами:

– Эй, ты! Да, ты! Зачем ты обманула меня, сказав, что забереешь тысячу человек?

Тень, которая стала явно длиннее и темнее, возразила:

– Я не обманывала тебя. Как и сказала, я убила всего тысячу человек. Остальные стали жертвами воцарившегося страха и хаоса, у кого-то не выдержало сердце, у кого-то – нервы. Иные недобрые люди, пользуясь ситуацией, подстроили смерть своих конкурентов, зная, что никто их не заподозрит. Так что не вини меня в том, чего я не делала, – сказав так, тень скрылась, оставив садху в глубоких раздумьях.

Насколько Тень высветила наличие дыр в системе города и разрывов в умах горожан? Жители собирательного, можно сказать, глобального мегаполиса думали, что они в безопасности, сидят по теплым домам и пьют чай с печеньем. Как только появились первые пострадавшие, вера в науку, государство и прогресс начала убывать прямо пропорционально растущему количеству жертв. В каком-то смысле Республики неожиданно наступили везде... Только в нашем обострении «эпидемии» не столь давно люди возили друг другу воду и еду под бомбежкой, готовили трапезу всем двором и предоставляли свои дома для убежищ, записывались добровольцами. А мир, гораздо более цивилизованный, обнаружил недостаток веры, честности и инициативы при всех своих развитых технологиях. Сказать, что паника пополам с корруп-

цией сгубили в мире в десятки раз больше людей, чем вирус, – не сказать ничего.

Мы знаем своего врага, а вы? Способны ли вы сплотиться против него? Ответить ему своей верой, смыслом и ритуалом? Или так и будем жить на всем готовом, до следующего визита Тени?

В следующий раз зайти ей будет намного проще – страх пробивает в человеке дыры, он становится, как худая шлюпка.

Новые смыслы – это не только божественные стрелы и копья, это еще и щиты. Деятельность ФМО приравнивается к магической в военные годы, возникающие в этот период тексты и выступления вдохновляли людей далеко за пределами Республик. Многие члены общества – известные авторы в русской интеллектуальной среде. ФМО не охраняет некие призрачные границы, оно ратует за объединение всего Русского мира, всех, кому не чужды идеи братства. Опыт, который его члены получили и продолжают получать, их местами вынужденный поиск, оформленный в доклады, статьи и прозу, должен быть распространен и взят на вооружение, ведь война, как мы убедились, на самом деле идет везде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее о таких местах проведения ритуалов и таинств – в 7-й серии радиоспектакля «Антиравинагар» Романа Михайлова <https://soundcloud.com/bdtspb/antiravinagar-seriya-7-ruatna-styd>.

2. Благодарность за гуманитарную помощь концепциями порочной критики Кириллу Коннову.

РАЗДЕЛ 2. СПЕКТР НАШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Арсентий Атоян
atoyannn@bk.ru

РУССКИЙ МИР КАК НЕОБХОДИМОСТЬ ОТВЕТНОГО ДЕЙСТВИЯ, ИЛИ В ЗАЩИТУ СООБРАЗИТЕЛЬНОСТИ НА ЛЕСТНИЦЕ

*Русский человек задним умом крепок,
но задний ум еще не есть задняя мысль.*
В.О. Ключевский

Возможно ли, что наши реакции на происходящие постоянно запаздывают? Вот с сентября на Украине закрывают русские школы... И что? Мы хотим мирного исхода, а потому есть смысл защитить то, что до сих пор оставалось на втором плане, а ныне выходит на первый и требует незамедлительной мобилизации сил на противодействие процессам разделения братских народов. А для нас это повод поговорить о праве на самоопределение и восстание против несправедливой власти нынешних киевских национал-сепаратистов. Словом, пришло время писать о том, что французы называют сообразительностью на лестнице.

Занимает ли вас строгость научного анализа ситуации в Донбассе или гложет обличительный зуд ангажированного публициста, а может, и политического писателя, забывшего предупреждение Ролана Барта, что всякая политическая литература (в смысле политического романа в том числе) в сегодняшнем мире является в конечном счете литературой полицейской, – все едино предмет рассмотрения сопротивляется какой-либо одностольной однозначности. Одни утверждают, что с точки зрения международного права Россия агрессор, ибо она отобрала Крым и оккупировала Донбасс; другие рассуждают, что право на самоопределение в условиях начавшегося распада Украины после нацистского переворота, легитимация народных республик в качестве отдельных, пусть и непризнанных государств, были все же реализованы; третьи указывают на то, что после прихода президента Порошенко легальность киевской власти автоматически сводит

право на самоопределение вплоть до отделения к сомнительным юридически резонам.

Вообще, ссылки обеих сторон на право, скажем так, несколько от лукавого. Ясно, что обе стороны вынимали из права только то, что говорит в их пользу и легализует амбиции самоутверждения. Однако, есть вещи, (как нам кажется, а мы не крестимся, ибо в конвенциях с потусторонними силами не участвуем), выходящие и выводящие за границы здравого смысла, юридических формул и фигур по умолчанию. Живая диалектика исторических событий всегда превышает средний уровень понимания сторонников и противников заранее принятого априори, будь оно юридическим, логическим, психологическим, профессиональным или даже нравственным. Наука есть в некотором роде преодоление очевидностей, диалектический метод – преодоление очевидности по преимуществу. Методологически можно положить в основание изучения опыта Донбасса, дабы избежать внутренней цензуры и превращения политической литературы в полицейскую, лишь аспект редукции объективности к субъекту.

Власть олигархии скрывается за фасадом зависимой демократии, существенно урезанной в духе латиноамериканских демократий 50-60-х годов. Застойные явления в экономике и политике активизируют крайне деструктивные силы правого фланга. При помощи СБУ и других структур аппарата власти проводится реорганизация политических движений и партий, деформируются и дискредитируются левые силы, консолидируются крайне правые националистические группировки, рождая известный феномен зависимого фашизма, описанный для Бразилии и Латинской Америки Теотониу Дос Сантосом.

Зависимые рынок, демократия и политикум живут эйфорией ожиданий плодов оранжевых событий. Относительно благоприятная мировая конъюнктура до мирового экономического кризиса конца 2008 года не была использована эффективно. Бесперспективность второго срока В. Ющенко перестроила ряды его сторонников. Десятилетие сползания к перевороту 2014 года было падением не только цифр, но и нравов. Криминал вошел в союз с бизнесом, бизнес купил большую долю власти, начиная от голосов и депутатов до покупки структур госуправления. В этих условиях индустриальный Юго-Восток Украины пострадал более, чем окраинные

регионы остальной части страны. Однако, именно он проявил долготерпение при обострении верхушечных движений, которым не хватало критической массы недовольных, чтобы взять всю власть целиком. В дальнейшем агрессивность возобладали у крайних, искусству бегства поддались умеренные, ничего не сделавшие для предотвращения плановой зачистки Юго-Востока. Остатки демократических процедур можно было использовать для ненасильственной смены власти. Но время ожидания таможенного союза с Россией активизировало понимание, что если спасение придет с востока, то вновь закроется перспектива евроинтеграции. И тогда был взят курс на смещение президента Януковича, проявившего максимум желания договориться и не обострять ситуацию, но одновременно и слабость.

Тогда еще, накануне обвала разлад между регионами призвана была сдерживать правящая партия – Партия регионов. Деграция политикума игнорировала вектор, предложенный Европой: чередование у власти либералов и консерваторов как модель коррекции правительственного курса. Но эта ось в странах третьего мира часто ломается и на первый план выходят силы крайние, маргинальные, неуправляемые. Напряжения центра и периферии, умеренных и крайних подогревались не столько радикалами, знавшими второстепенность своих позиций, сколько европейски ориентированной элитой, которая одновременно была несомненно русофобской. Эта ситуация была использована для активизации Юго-Востока против отрыва от России ради европейского выбора. Для русского человека стремление в Европу после всех жертв, принесенных Россией ради своей сестры, кажется и является формой предательства. Если уж идти в Европу, то вместе на согласованных условиях и не расторгая связей, если не идти, то тоже вместе. Иное дело, что Европейский Союз не готов к единению с Евразией, но это дистанция, надо полагать, временная, то есть во время иное возможны другие решения, надо созреть. Бег же впереди ставит Украину в морально зыбкую позу спиной к тем, кто реально поддерживал ее веками.

Из Русского мира сделали жупел. В информационной сети есть много крайностей определения Русского мира. Создается и распространяется модель того, что это проект, который задуман как культурная политика нынешнего прави-

тельства РФ или, как в украинской версии Википедии: «Русский мир есть, по сути, одно из структурных подразделений Службы внешней разведки РФ».

Стоит вспомнить, что кандидат национально-демократических сил, глава Руха В. М. Черновил, получивший четверть голосов избирателей на президентских выборах 1991 года, выступал за федеративное устройство Украины, заботясь о том, как бы решения Киева не деформировали состояние ожиданий в западных областях. Особенно интересен мотив доказательства от Швейцарии. Почему он забыт сейчас: статус вольных кантонов в формальной конфедерации и фактической федерации устроил бы жителей востока Украины. Позже идею автономии Восточной Галиции и Закарпатской Руси озвучит на левом фланге лидер прогрессивных социалистов Н. М. Витренко.

Кстати, идея федерализации восходит к М. С. Грушевскому, первому употребившему в реалиях первого года революции выражение «Российская Федерация». Трудно не согласиться с его обоснованиями автономности единиц Федерации: «Мы хотим, чтобы местную жизнь могли строить местные люди и хозяйничали без вмешательства центральной власти. Хотим широкого местного самоуправления, объединенного автономной организацией Украины, того же желаем другим народам и областям... Хотим, чтобы автономные края были не простыми провинциями, а членами Российской Федерации, участниками ее государственности». В те времена федералисты Украины мыслили себя в составе Российского Федеративного государства. А разве не такого положения добивался в тех условиях крушения буржуазной демократии Донбасс?

Характерно, что языковая реформа, построенная на галицийских образцах, в 90-е годы сделала старшее поколение украинцев автоматически безграмотным, введя множество локальных слов и вторую букву «Г» в алфавит. В то же время прежний харьковский диалект был понятен большинству советского населения Украины и не только этническим украинцам, но курс на разрыв с прежним сообществом Русского мира обозначился как дистанцирование от всего русского.

Понятие Русского мира сегодня сплошь искажается. Идея Русского мира введена в научный и общественный оборот русско-украинским историком Н. И. Костомаровым, членом

кирилло-мефодьевского братства, тяготевшим к общественной тенденции в историографии, которая постепенно обособливалась от тенденции государственнической, что нашло выражение в таком общеславянском явлении как народничество. Федеративное начало Руси – еще одно из важнейших завоеваний мысли Костомарова – воплощает идею «сочетания в истории русского народа единства и целостности земли с раздельностью ее частей и своеобразностью жизни в каждой из этих частей».

Но проблемы языка, федеративного устройства не были изначальными, они выступали катализаторами рождения того, что можно назвать «новым региональным сознанием» – реакции на игнорирование центром проблем регионов и несправедливое распределение средств центром. Если пятую часть бюджета в ее доходной части давали две восточные области, а Мариупольский комбинат платил налогов больше, чем Львовщина, то в расходах все обстояло не так. Это новое сознание, однако, не было конвертируемо в программу партии регионов, крайне консервативную, ориентированную на клановый олигархический комплекс.

Народные республики, проводившие позднее передачу собственности в государственное регулирование, приняли меры прямой распределительной справедливости, провели другие косвенные меры социальной поддержки населения, однако не были в состоянии отказаться от поддержки этого комплекса. Для ведения войны нужны люди, деньги и оружие как минимум. Помощь Всевеликого Войска Донского была своевременной, но недостаточной. Командир Армии Юго-Востока сержант Болотов первоначально планировал партизанскую войну в пойме Донца, однако, увидев слабость силовых структур в Луганске решил на штурм здания СБУ 6 апреля 2014 года. С этого момента до референдума по созданию Луганской Народной Республики прошло крайне мало времени, и республика оказалась в зоне карательных акций. С ней никто не осмелился вступить в переговоры. Дальнейшие события только подтвердили, что право на восстание было реализовано в урезанном варианте. Право на восстание коренилось в особых условиях весны 2014 года и оно могло быть реализовано гораздо шире. Реальные предпосылки для референдумов в пользу народных республик складывались с различной степенью интенсивности в Одессе, Харькове, Нико-

лаеве, Запорожье, Донецке и Луганске. Напряжение привело к провозглашению отдельными органами Западной Украины, прежде всего Львовской радой статусов самоуправления, то есть не подчинения Киеву Януковича в ожидании смены власти. Жесткая реакция центра после прихода к власти путчистов «пастора Турчинова» ознаменовала панику в правящих кругах.

Реализуя свое право и свою волю к сопротивлению антиконституционному перевороту, разрушавшему государство Украина 22 февраля 2014 года, выражая несогласие с условиями существования регионов Украины под властью незаконного антинародного и пронацистского режима и его местных ставленников, население Юго-Востока создает свои организации – Народный фронт освобождения Юго-Востока, Армию Юго-Востока и другие политические и военно-политические структуры Новороссии. На слуху появляется словосочетание «Русская весна», но размежевание идет не по национальному признаку русский/украинец, а де-факто по линии фашист и профашист или националист/интернационалист. Но это не воскрешение идеи интерфронта, это совсем другое образование на базе плохо изученного явления негосударственного патриотизма (земля и люди, а не флаг, герб, гимн, кабинеты начальства).

Поражение движения в Харькове и Одессе (с ужасом Дома профсоюзов, в сожжении которого замешан будущий спикер парламента Украины Парубий) локализует сопротивление в ДНР и ЛНР, где у власти становятся местные фрагменты общего движения со своими лидерами В. Болотовым, Д. Пушилиным и другими. Провозглашая основание новых государств и намерения народа Донбасса как правового субъекта территориальной общности, опираясь на ранее принятые решения, лидеры спешат заверить в том, что они стоят на позициях необходимости демократического и правового государства. Внешне эта декларация как бы ничему не противоречит. Однако, в условиях вооруженного конфликта она не может стать исходным звеном укрепления законности и отпора противнику.

Следует учитывать сложившиеся обстоятельства. Благодушие оппозиции националистическим кругам было связано на протяжении 23 лет с тем, что крайние силы националистического движения не смогут договориться о сломе консти-

туционного порядка с украинской либерально-популистской правящей верхушкой. Казалось, что такие деятели как В. Ющенко, Ю. Тимошенко и даже В. Турчинов, как бы далеко ни зашли, не пойдут на союз с одиозными фигурами типа Д. Яроша, О. Тягнибока, О. Ляшко. Но все оказалось проще.

Феномен переворота, что легитимизировал феномен организованного сопротивления и военно-политических структур ЛНР и ДНР, как раз и связан с тем, что после соглашения с В. Януковичем при участии блока либералов и ультра, крупного бизнеса и спецслужб то, что было невозможным, стало возможным. Совместными усилиями ряда сил была сломана буржуазная демократия, в рамках которой только и дозволялись крайние националисты при условии их подчинения закону. Националистам ставились условия, на которых их будут терпеть (это признак европейской демократии в частности), но они преступили грань. Вместо превращения в конституционно признанные правые партии они предпочли стать на путь авантюры и отрицания законности для всех. Отсюда элементы террора, изначально заложенные в этих группировках, нет им числа, стали выходить на поверхность.

Феномен военизированных формирований ультраправых, которые игнорируют правительство и армию, открывая огонь по собственному почину и при попустительстве властей, есть признак не европейской демократии, но развивающейся страны зависимого и деформированного капитализма. Такая страна может дополнить не Европу, а балкано-«цыганский» (не в смысле уважаемого этноса, а в смысле представлений о беспорядке) табор подбрюшья Европы, которому молчаливо простили несоответствие стандартам Евросоюза по геополитическим мотивам. Зависимый капитализм, породив зависимую урезанную модель демократии, не удержал и ее. Период пребывания В. Турчинова на посту и.о. президента есть открытая, не легализованная диктатура и прямая узурпация законной власти В. Януковича.

Зрелый классический фашизм – власть, идеология и организация наиболее реакционных, шовинистических и агрессивных фракций крупного монополичестического капитала (П. Тольятти, Г. Димитров, П. Алатри, Ж. Желев несколько расходятся в основном признаке, но можно согласиться с «Лекциями о фашизме» П. Тольятти, что это корпоративизм). Вторичный, поздний, периферийный зависимый фа-

шизм имеет свои центры не внутри страны, а вовне (Т. Дос Сантос). Сломав режим буржуазной (формальной) демократии, оставив его внешние признаки (в конце концов, и Муссолини долго сожительствовал с парламентом), в нетерпении как можно дальше продвинуть даже не европейский вектор, а дистанцирование от России, вступившей за Донбасс, киевские путчисты сломали то, что позволяло им сохраняться в легальном политическом пространстве, что и потопило к замене Турчинова П. Порошенко, избранным без второго тура и с многочисленными нарушениями конституции.

Ввиду сказанного в ЛНР и ДНР возобладала установка на демократическое и правовое государство. Она была неситуативно пропагандистки выгодна, но ее полная реализация сильно подвела бы жителей Донбасса. Можно предположить, что – декларативно – Народные Советы республик воплощают единую неделимую, законодательную, исполнительную, судебную и контрольную власть подавляющего большинства населения республик – мужчин и женщин всех классов и социальных групп, двух коренных этносов нашего единого народа – русского и украинского, – но также и всех национальностей, – сложившихся поселенческих общностей, воинов и ветеранов, горожан и сельских жителей, рабочего класса и крестьянства, всех трудящихся и иждивенцев, их семей, служащих и интеллигенции, лиц физического и умственного труда, мелких и средних собственников, молодежи и студентов, пенсионеров и инвалидов, маргинальных и специфических неолигархических социальных групп, проживающих в Народных республиках, словом, всех людей доброй воли.

Однако позиции крупного бизнеса и олигархов также должны быть усмотрены на заднем плане, а коррумпированная часть госаппарата приносит громадный вред. До сих пор не проведена чистка госаппарата республик от ориентированных на противника и вредящих, в том числе и пассивно, структурам народовластия. Бюрократические явления просто зашкаливают вне всякого прежнего опыта. Пассивный саботаж решений составляет проблему и чреват дискредитацией народовластия. Некоторые черты советской жизни, отмечают граждане ЛНР и ДНР, вернулись, но не только положительные, чего, впрочем, и надо было ожидать. Консолидация су-

веренного народа республик находится в начале пути. Как долго она продлится, зависит и от внешних факторов.

Остается выяснить роль России в ходе конфликта. Несомненно роль Российской Федерации: благодаря ее усилиям война была остановлена (полномасштабные гражданские войны могут варьировать в жертвах от десятков тысяч до миллиона и более погибших); громадная гуманитарная помощь спасла от катастрофы, позволила снабжать ЛНР и ДНР тем, чего они не могут воспроизвести в полном привычном ассортименте от продовольствия и медикаментов до технологий и сетей, позволивших за пять лет только в ЛНР поднять две трети не работавших предприятий. Роль в международном переговорном процессе, не без издержек для самой России, заключалась в твердом отстаивании прав народа Донбасса на самобытность и полноту жизнедеятельности без инициатив из Киева, принижающих регионы и дискриминирующих русское и русскоязычное население, а заодно и ухудшая положение большинства украинцев. Миф национальных предвыборных программ о том, что на Украине только два коренных народа – украинцы и крымские татары – не может стать даже частью фольклора, не говоря уже о государственной политике Украины.

Можно выдвинуть гипотезу, что олигархическим кругам стран СНГ и прежде всего Российской Федерации вовсе невыгодно воссоздание союзного пространства в какой-либо форме, приближающей то, что они бы сочли красным реваншем и другими фантомами праздного чтения в сердцах. Правящие группы Украины не могут пойти на тесное сближение, ибо изменения настроений в России, – а это страна непредсказуемых перемен, – может поставить под угрозу вхождение элиты в европейский клуб и просто сохранение результатов приватизации и других преступлений, если маятник качнется влево или к смене ориентаций государственной фракции правящего слоя. От того «Геть від Москви!». В противном случае усиление интеграции на восток, вступление в таможенный союз, в Евразийский экономический Союз и другие объединения отдалят безопасность правящих групп, построивших свою деятельность на осуществлении зависимого проекта развития под мощный клич толпе «Хотим в Европу!». Восстановив братские связи с Российской Федерацией, отказавшись от враждебности к собственным гражданам, приз-

новая автономный статус новых республик – на федеративной основе, как вариант в рамках Федерации Украины и Новороссии (старая русская транскрипция подчеркивает новизну ситуации, на чем нельзя настаивать). Если же в другом государстве, сформированном по взаимному согласию сторон, то это будет закреплено в конституции и международных правовых актах урегулирования, собственно и есть подлинная перспектива долгосрочного решения.

К сожалению, на Украине пока не возможно формирование переходного антифашистского правительства с участием всех сил, которые не участвовали в перевороте. Правительства, способного к запрету и преследованию антинародных сил обозначенной выше ориентации, а также с возможным участием Комитета спасения Украины и других патриотических и самочинных народных организаций и обязательным участием представителей от республик Донбасса. Однако, нынешняя ситуация не закрывает возможности изменения решений в соответствии с Минскими соглашениями. Только любое решение должно быть принято с участием народа Донбасса, а не только его представителей, а потому то, что основано референдумом, должно быть изменено исключительно по воле самого народа, – путем референдума, организованного в соответствии с компетенцией Народных Советов, конституцией ДНР и ЛНР, международными обязательствами, взятыми на себя государством Украина и Российской Федерацией. Решения вне воли жителей Донбасса чреваты не только разочарованием, но и продолжением геноцида этих жителей в рамках зачистки пространства, о чем говорят намерения Киева ввести в республики военизированные формирования как гарантов восстановления украинского суверенитета.

Выбор пути дальнейшего социально-экономического, политического, правового и иного развития исключительно с согласия большинства жителей Луганской Народной Республики с учетом приоритета общественного способа производства с элементами всех укладов, зафиксированных в законах республики при доступности оценки эффективности и контроля органами народного Совета общих результатов хозяйственной деятельности. В республике допустимы элементы планирования, отчетности и ограничения коммерческой тайны, упомянутые в законах, как на договорной основе, так и без предварительного согласия собственников. В идеале На-

родная республика стремится к наиболее полному из всех возможных воплощений социальной справедливости, равенства перед законом и недопущения отчуждения между классами и социальными слоями, в условиях доступных регулированию наличными у республики средствами с перспективой усиления защищенности трудящихся и ограничения пределов отчуждения продукта от производителя в рамках многосекторной экономики.

И глянem в грядущий день... Что он нам готовит?

Тревожно на внутренних окраинах Русского мира. Простой и тяжелый факт украинского законодательства: с 1 сентября закрываются русские школы у соседей. Этот факт оправдывает задним числом то, что было предпринято ранее для спасения Русского мира в Донбассе. Теперь нам видны ясно и отчетливо разрушительные цели Майдана 2014 года. Разделить народы так, чтобы уже не сшить совместного исторического костюма.

Ведь мы могли предвидеть, куда выведет эта национальная озабоченность тех, кто боится родственной и открытой для диалога культуры. Миллионы русских и русскоязычных граждан будут лишены образования на родном языке. За что это урезанное культурное достояние новым поколениям? Их хотят отчуждать и далее. Не только от языка, но и от собственной самобытности, ибо страна, изгоняющая культуру, обречена. Сколько можно твердить примерами, что у ста тысяч шведов Финляндии шведский – государственный, что Индия, освободившись от английского колониализма, сделала английский государственным, что столица великого народа называется Нью-Дели. Как об стенку горохом. Бессмысленно говорить с теми, кто сам не умеет решать национальный вопрос (ждут, похоже, гауляйтеров из Евросоюза). Бой абсолютен; неизбежен; отняли повестку СНГ, отнимают язык и веру...

Действие есть акт противоборства, и он грядет. Есть, правда, и ловушки. Наступление на украинскую культуру внутри Республик было бы опасной иллюзией адекватных мер. Вспомним, что ДНР и ЛНР создавались не против украинского народа. Забота о сохранении межнационального мира – забота наших Народных республик, но безразличие к происходящему невозможно. Только всенародный сговор в самой Украине может покончить с произволом. Через головы правительств нужно обращаться от народа к народу...

Реакция распада охватывает все больше пластов жизни, консолидация грядет как необходимость действовать в интересах нынешнего и будущих поколений. Как ни странно, в финале мы вынуждены вернуться к исходному поприщу права командой Ельцина в 1990-91 годах, ибо именно там разгадка дальнейших делений, остановить которые не удастся. Империя делится на улусы, улусы на ханства, те на племена, кочевья, рода, дворцы, юрты, подстилки для верных псов... Или хрустальный дом делится на отсеки для европейцев и неевропейцев. Грустная картина.

Необходимость действия против унижающих законов очевидна. Если украинское общество не прореагирует, то шансы для Русского мира на затяжной и изнуряющий конфликт становятся стопроцентными. Нужны солидарные действия всех против дальнейшей фашизации ситуации на запад от Донбасса.

Нина Ищенко
niofterna@gmail.com

ПРИНЦИПЫ СОЦИОЛОГИИ ВООБРАЖЕНИЯ В КНИГЕ ЕЛЕНЫ ЗАСЛАВСКОЙ «ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР»

Попытки интегрировать иррациональное в научные концепции XX века привели к включению огромного материала из сферы мифологии, литературы, искусства разных народов в область научного интереса гуманитариев. На основе этого материала были созданы разные определения человека в социологии, психологии и антропологии. В то же время появление новых произведений поэтического творчества, требует выяснения, действуют ли существующие принципы разбиения мифопоэтического пространства в этих случаях. Рассмотрим применимость принципов социологии воображения, вошедшей в себя большой мифический, поэтический, образный материал, к анализу книги «Донбасский имажинэр» (2020) современной луганской поэтессы Елены Заславской, которая работает в русском культурном пространстве.

Имажинэр – центральное понятие социологии воображения французского социолога, антрополога, философа Жильбера Дюрана. Социология воображения была им разработана

в 1960-е гг. как масштабный синтез антропологических и социологических идей разных ученых XX-го века, которые работали в рамках междисциплинарного семинара «Эранос».

Семинар «Эранос» был создан Карлом Густавом Юнгом (1875 – 1961), творцом теории коллективных архетипов. «Эранос» по-гречески означает «пир, длящийся до тех пор, пока участники добавляют к нему что-то каждый от себя». Семинар начал работу в 1933 по инициативе британской феминистки, исследовательницы эзотеризма и теософии Ольги Фребе-Каптейн (1881–1962). Она открыла свой особняк на берегу Лаго-Маджоре под Асконой для ежегодных собраний ученых различных дисциплин. Собрания продолжались более 70 лет и закончились в 2006 году. По материалам лекций и обсуждений издавались ежегодники общества «Эранос», с 1933 по 2011 опубликовано 70 томов.

Участники «Эраноса» поставили задачу найти альтернативу рационализму и прогрессизму, кризис которых стал очевиден после Первой Мировой войны. В XVIII – XIX вв. в Европе и странах, которые подпали под европейское влияние, например, в России, господствовал исторический оптимизм – представление о том, что человечество последовательно развивается в сторону улучшения нравов, прогресса цивилизации, построения общества на рациональных основаниях. После Первой Мировой войны, когда самые прогрессивные, рациональные и цивилизованные европейские народы 4 года убивали друг друга и уничтожали памятники собственной культуры, этот оптимизм ушел в прошлое. Попытки найти другую концепцию истории и человека шли через критику рациональности, которая оказалась несостоятельной перед лицом иррациональных сил хаоса, злобы и жадности, которые привели к войне. Общим местом теорий, возникающих в то время, является реабилитация сферы иррационального – мистики, визионерства, экстаза, пограничных состояний. Именно в этом направлении работал и семинар «Эранос», в результате чего его деятельность сейчас больше востребована психологами и психиатрами, чем философами и социологами. Книга Александра Дугина «Социология воображения», вышедшая в 2010-м году в издательстве «Академический проект», представляет собой попытку освоить в русской науке именно философскую составляющую идей «Эраноса».

Для того чтобы найти альтернативу рационализму, «Эранос» ставил себе задачу «обмена знаниями между интеллектуалами Запада и Востока, а также исследование значения религий и мистических учений для западноевропейской культуры». Рассмотрим кратко те идеи разных ученых, которые синтезировал Дюран в своей социологии воображения.

В первую очередь важной является концепция коллективного бессознательного Карла Густава Юнга. Коллективное бессознательное для Юнга – «расовый дух, голос крови, видения, передаваемые мистической сопричастностью». Коллективное бессознательное – это совокупность архетипов, первообразов, которые никогда не достигают сознания, но могут воплощаться в конкретных образах. Юнг выделяет следующие архетипы коллективного бессознательного: Мать; Ребенок; Дева; Возрождение; Трикстер.

Синолог Рихард Вильгельм (1873 – 1930) обосновывал идею о том, что европейских структур рационального недостаточно, чтобы адекватно описать китайскую культуру, и требуются какие-то концепции, более общие, чем европейская рациональность и китайская мифология, которые порождали бы оба этих вида человеческой деятельности.

Лютеранский теолог Рудольф Отто (1869 – 1937) сформулировал концепцию сакрального, которая оказала большое влияние на последующее развитие гуманитарных наук. Отто считал, что сакральное – особый человеческий опыт, в котором соединяются высший ужас и высшее блаженство. Кроме того, в опыте сакрального не даются никакие характеристики предмета, который вызывает такие переживания, поэтому сакральное является свойством не окружающего мира, а человека как такового, то есть категорией антропологии.

Важные для социологии воображения идеи можно найти у историка религии Мирчи Элиаде (1907 – 1986). Элиаде развивал идеи французских социологов Э. Дюркгейма и М. Мосса о делении всего пространства человеческой деятельности на священное и мирское, сакральное и обыденное. К сакральному относится все то, что связано с религией, мистикой, экстазом, а к мирскому – рутинная и бытовая деятельность поддержания жизни. Элиаде родился в Румынии, однако в 1957 году навсегда переехал в США, где стал заведовать кафедрой истории религий в чикагском университете. В 1930-е гг. в американской антропологии развивалось направление эт-

нографического исследования жизни современных американцев методами полевой этнографии. Развивая идеи американских антропологов этого направления Роберта и Хелен Линдов, Уильяма Уорнера, Гортензии Паудермейкер и Джона Долларда, которые анализировали ритуалы и верования американцев в маленьких городках и в мегаполисах, Элиаде изучал ритуалы у хиппи, инициацию у панков, и показал, что деление на сакральное и профанное пространство актуально и для современного человека. Элиаде был одним из тех, кто обосновал, что в обществе сосуществует два вида времени – циклическое и линейное, время мифа как вечного возвращения и время истории как линейного движения к будущему из прошлого.

Решающее значение для социологии воображения имеет философия историка религии Анри Корбена (1903 – 1978). Корбен изучал мусульманскую мистику, феноменологию Хайдеггера и софиологию Сергея Булгакова. Как пишет Дугин, «Корбен выдвинул концепцию 'mundus imaginalis' «мира воображения» как особого пространства, где разворачивается специфическая форма мышления, свойственная эзотерикам, визионерам, мистикам, поэтам». Корбен считал, что структура этого мира имажинеля представлена в мифах и традициях многих народов мира, то есть является культурной константой для всего человечества, выполняя роль образца для создания различных культурных явлений.

Важной фигурой среди участников «Эраноса» является специалист по греческой мифологии Карл Кереньи (1897 – 1973). Кереньи существенно расширил круг архетипов и их функций. Он показал, что темы и ритуалы греческих мистерий являются фундаментальной системой архетипов, на основе которых создавались различные культурные нормативы Древней Греции. Все богатство архетипических образов использовал Дюран в своей концепции имажинэра.

Зоолог Адольф Портман (1897 – 1982) ввел в науку «концепцию неотении, социальной утробы, в которой человек, появившись на свет, в первые месяцы жизни проходит вызревание, как плод в утробе других млекопитающих.

На этом мы закончим рассмотрение идей семинара «Эранос», повлиявших на социологию воображения, и упомянем только еще одного ученого, учителя Дюрана, теоретика науки Гастона Башляра (1884 – 1962). Башляр выдвинул идею о

том, что в основе научных открытий лежат системы образов, а с изменением режима образов изменяется взгляд на физическую картину мира. По Башлярю, воображение и образы мифов не противоположны логике и рациональности, но представляют собой основу, базисный структурный элемент логоса.

Жильбер Дюран, активный участник Сопротивления во время войны с Германией, был социологом, но сумел синтезировать достижения психологов, мифологов, историков религии, психоаналитиков, философов, работающих в рамках «Эраноса».

Социологию воображения Дюран изложил в программной работе «Антропологические структуры воображения» (1961), на основе которой появилась новая школа. Однофамилец Жильбера Дюрана профессор Ив Дюран в ходе психиатрической практики разработал тест на архетипы из девяти пунктов (тест АТ9), который повсеместно используется в психологии. В настоящее время существует более шестидесяти Центров исследования воображения в разных странах мира. Основной центр находится в Университете Гренобль-II, где на кафедре социологии работал сам Дюран. Регулярно издается международный альманах «Тетради воображения», основанный Дюраном в 1988 году. В чем же суть социологии воображения Дюрана?

Рассмотрим основные идеи социологии воображения: имажинэр, отношение к смерти, режимы и схемы имажинэра.

Имажинэр – первичное антропологическое свойство человека. Имажинэр включает одновременно следующие аспекты: воображение как способность; то, что воображается; того, кто воображает; сам процесс воображения; общую основу, которая предшествует всем этим аспектам и формирует их.

Пояснить сущность имажинэра можно на примере. В диалоге Платона «Софист» приводится рассуждение о фантазии и эйказии. Платон исходит из того, что есть воспринимающий субъект и есть воспринимаемый им объективный мир. Впечатления от мира передаются познающему человеку с помощью воображения. Если воображение формирует правильные образы мира, ничего не добавляет к ним, прозрачно как стекло и не искажает картину, такое воображение

называется эйказия. Это идеальное состояние, к которому надо стремиться. Если воображение искажает образы реального мира, такое воображение называется фантазия, и этого состояния нужно избегать. В этой концепции воображение – в лучшем случае не мешает познанию, а чаще всего вредит ему. Образным представлением этой ситуации был бы человек, смотрящий сквозь аквариум: если вода в нем прозрачна и в ней ничего нет, человек ясно видит сквозь него; если вода мутная и кишит живностью, ничего не видно. Воображение, имажинэр и есть этот аквариум.

Дюран полностью меняет статус воображения. Воображение более первично, чем субъект и объект. Деятельность имажинэра создает разделение на субъект и объект. Дугин подмечает параллели понятия имажинэра и понятия дазайн Хайдеггера, для которого присутствие, вот-бытие, создает режимы восприятия мира и принципы разделения на субъект и объект. Сходство концепций обусловлено общим состоянием европейской гуманитарной науки того времени.

Центральное положение социологии воображения следующее: имажинэр всегда взаимодействует со смертью. Воображение работает только потому, что впереди него, вокруг него существует смерть. Символом смерти является время. Именно способы воображать смерть и относиться ко времени становятся основой всех мировых мифологий. Совокупность всех мифов данной культуры называется мифос, а способы рациональности, существующие в той же культуре, называются логос. Социология воображения утверждает, что логос определяется мифосом, то есть структуры рациональности порождаются структурами имажинэра.

Мифос как содержание имажинэра можно классифицировать. Дюран делит все содержание воображения на три большие группы и два режима.

Группы имажинэра называются также схемами и структурными полюсами. Это героические мифы, драматические мифы и мистические мифы. Два режима имажинэра называются дневной и ночной, то есть диурн и ноктюРН. Диурн включает в себя только героические мифы, ноктюРН включает две группы мифов – драматические и мистические. Основанием этой классификации Дюран считает рефлексыв новорожденного человека – каждой группе мифов соответст-

вует свой доминантный рефлекс. Рассмотрим режимы имажинэра подробнее.

В основе героических мифов режима диурна лежит движение разделения. Базовый рефлекс, формирующий эту группу мифов, – рефлекс вставания, который реализуется в том, что в полгода, в год ребенок начинается садиться и вставать. Отношение к смерти в режиме диурна – резкое неприятие. Смерть – антагонист, вечный враг, с которым невозможно существовать в одном мире, смерть должна быть отторгнута, побеждена. Классический носитель диурнического начала – герой. Его действия – прорывать, разделять, отсекать, вставать и бороться до конца без компромиссов. Режим диурна воплощается в следующих образах-архетипах: свет, день, блеск, залитое светом пространство, полет, стрела, крылья, птица, меч, скипетр. Противоположность свету – тьма, которая воспринимается как нечто абсолютно враждебное, с чем не может быть примирения. Тьма и ночь – абсолютные враги. Главное в режиме диурна – подняться и встать на борьбу, но подъем чреват падением в бездну. Поэтому бездна, страх и ужас перед ней, выход из бездны – важнейшие образы режима диурна. Бездна в диурне также означает смерть, и в ней не может быть найдено ничего хорошего. С тьмой, ночью и бездной в режиме диурна ассоциируется женщина, которая воспринимается как абсолютная противоположность герою, жизни и свету.

Ноктюрн, который объединяет две группы мифов – драматические и мистические – основан на эвфемизме. «Эвфемизм» по-гречески означает «благое имя». В режиме ноктюрна главный враг человека, смерть, получает благое имя. На практике реализуется радикальный эвфемизм, когда смерть прямо называется благом, даром, радостью, и нерадикальный эвфемизм, когда смерть воспринимается как зло, но зло терпимое, выносимое, необходимое, имеющее полезные, светлые, приятные стороны. Этим видам эвфемизма соответствует мистический и драматический ноктюрн.

В основе мистического мифов режима ноктюрна лежит антифраза – название явления его антонимом и присвоение его в таком качестве. Базовый рефлекс, который формирует эту группу мифов по Дюрану – дигестивный, поедательный. Съедая что-либо, младенец приобретает опыт поглощения иного, превращения чего-то другого, чужого, враждебного, в

себя самого. Мистические мифы позитивно переосмысливают женское начало, базовая фигура этого режима – мать. Отношение к смерти в мистическом ноктюрне – всецело позитивное. Смерть приемлема и является благом. Основные образы-архетипа мистического ноктюрна: насыщенный цвет, подземный мир, чаша как замена бездны, царство ночи. Дугин приводит целую номенклатуру символов ночи: глина, земля, почва, пища, напитки, питание, кормление, обладание, богатство, деньги, драгоценности, жилище, очаг, пещера, вода, море, влага, могила, колыбель, корабль, яйцо, молоко, мед вино, покрывало, мантия, живот, дети, карлики, эльфы, большинство женских образов как образов матери.

Драматический ноктюрн действует как нерадикальный эвфемизм. Этот режим имажинэра основан на сексуальном рефлексе, проявления которого, следуя Фрейду, Дюран находит уже в младенчестве. Отношение к смерти в этом режиме проявляется в мифах о смерти и воскресении. Смерть есть, но она не окончательна, не абсолютна, за ней последует жизнь. Базовая фигура драматического архетипа – танцор, шире художник, ремесленник, то есть человек, занятый повторяющимися действиями. Самое яркое выражение повторяющихся действий, сменяющих друг друга частей цикла – это танец, который присутствует во всех обществах. Образы-архетипы драматического ноктюрна: крест, круг, колеса, спираль, лабиринт, прорастающее зерно, дерево, куст, стебель, цветок, созревание, все виды циклов – сезонные, астрономические, искусства и их атрибуты, маски, огниво, эротический символизм, улитка, раковина, колесница, средства передвижения, дуальная симметрия, близнецы, удвоение.

Согласно Дюрану, все три режима выражаются не только в образах, заполняющих мифос, но и в религиозных, философских, политических учениях, заполняющих логос любого общества. Наряду с этим образы разных режимов имажинэра могут быть выражены в искусстве.

Книга луганской поэтессы Елены Заславской «Донбасский имажинэр» опубликована в 2020 году, в Луганске, однако была создана в 2018 году под влиянием идей Жильбера Дюрана в изложении Александра Дугина. «Донбасский имажинэр» – первая в Луганске книга-аллигат, то есть две книги под одной обложкой, которые так и называются «Режим Диурна» и «Режим Ноктюрна». В сборнике сделана

попытка структурировать образы стихов разных лет с помощью теории имажинэра.

В части «Режим Диурна» представлены стихи, в которых выражено представление о том, что время – враг, а смерть абсолютна. Герой противостоит времени, злу, смерти, всему чужому. Он поднимается на борьбу, чтобы победить или погибнуть.

Рассмотрим образы времени и героя в этой части книги.

Из поэмы «Орфей и Эвридика» (2007) в разделе «Режим Диурна» содержится часть «Орфей», который говорит: «я пришел за тобой, чтобы вместе с тобой подняться в мир, что яркое и светлое, из душного морока смерти», «я хочу... войти в это утро, но только не в вечность», «я хочу, чтобы ты не боялась и знала: есть выход из Ада», «Жизнь абсолютна» [Там же]. Итак, для героя, Орфея, жизнь абсолютна, смерть неприемлема до такой степени, что Ада нет, используется образ подъема, входа на яркий свет.

Из поэмы «Бонни и Клайд» (2007) в раздел «Режим Диурна» помещена часть «Клайд». В этой части грабитель Клайд проходит через торговый центр: «квартал вещей, лавки сделаны в виде пещер. Тут продается постель, там шторы...». Образы режима ноктюрна – пещеры, шторы – воспринимаются как нечто абсолютно неприемлемое. Герой говорит: «Я хочу жить... Жизнь – это весело», «есть еще время, и я вам открою секрет – есть, что нельзя купить за гривны, есть то, что нельзя купить за евро: жажду жизни и верность смерти». Время воспринимается как короткое, истекающее, ведущее к смерти, однако абсолютную ценность имеет только жизнь.

Из поэмы «Пенициллин и Калашников» (2012) в раздел «Режим Диурна» помещена часть «Калашников», написанная от имени парня, который хочет изменить мир с помощью калаша. Диурнический мотив восстания, борьбы, героизма и мужества главный в этом стихотворении.

Если предыдущие поэмы были созданы в мирное время, то цикл стихов «Последняя обойма» написан уже в ходе текущей войны с Украиной, в 2017 году. Война – это время героизма, борьбы, преодоления смерти и торжества жизни вопреки всемогуществу смерти. Война – священное действие героя. Эта тема раскрыта с таких строк:

*И древнее «иду на вы»
Из тьмы столетий
Достаю нам на потребу...
Вершится дело величавое войны!
Вершится треба!*

Герой этой части описывается следующим образом:

*Сержант не знает то, что он покойник.
Еще он жив. Смеется. Занял стольник
До выходных.
Несказанная речь стекает глоткой.
И ненависть течет по веткам жил.
И корка серого над горькой стопкой:
Не дожил.
А из спины, куда вошел осколок,
Вдруг – пара крыл.*

Крылья – один из базовых архетипов диурна.

Поэма «Последняя обойма разрывных» завершает «Режим Диурна». В центре книги находится еще поэма «По ту/эту сторону Черного квадрата», о которой будет сказано ниже.

В части «Режим Ноктюрна» представлены стихи, в которых выражено представление о том, что время побеждает, смерть абсолютна. Здесь больше женских образов, которые доминируют в мифах группы ноктюрна.

Рассмотрим образы смерти и героини в этой части книги.

«Эвридика»: «глубоко под землей... воет ветер как Цербер, и выхода нет» – центральный для ноктюрна образ пещеры, из которой нет выхода. «это не пояс смертницы, это же пояс верности» – радикальный эвфемизм: смерть выступает как что-то ценное, хорошее, приемлемое. «Остается здесь в подземке твоя Эвридика» – женщина остается в темноте пещеры, в темноте ночи. Смерть абсолютна.

«Бонни»: «Маленький человек-функция, в бейсболке и белой маечке, как только мы поцелуемся, он превратится в мальчика» – сексуальная символика и типичные образы ноктюрна: ребенок, одежда, ткань, маленький человечек. «Смерть – это только песня. И если есть – пой, покуда не поздно» – смерть выступает как часть жизни, приемлемая и ва-

жная часть – песня. Образы музыкального искусства относятся к драматическому ноктюрну.

Часть поэмы «Пенициллин и Калашников», помещенная в разделе «Режим Ноктюрна», написана от имени девушки, которая идет за своим парнем-повстанцем, а потом ухаживает за ним. Хотя здесь есть и диурнические образы «сердце – ты главная мышца бойца! Будь себе верным, иди до конца», но образы драматического ноктюрна преобладают.

Далее в сборнике помещается цикл стихотворений, написанный уже в военный период, в 2017 году. Это «Заметки на полях войны (связка писем другу для поднятия боевого духа)». Лирическая героиня этого цикла – девушка ополченца, которая ждет любимого с войны, следит за военными сводками, мечтает о встрече. Поэма насыщена ноктюрническими образами любви, прямо появляется чаша, степь сравнивается с морем, в рамках самоосмысления упоминается поэтическое искусство.

Центральное место в аллигате занимает стихотворение «По ту/по эту сторону Черного квадрата». На этом стихотворении встречаются две части книги, оно финальное в каждой части и узловое в композиции книги как целого. По ту сторону Черного квадрата лирическая героиня видит мир, который ей противостоит, отражая базовую дуальность режима диурна. По эту сторону Черного квадрата бездна становится частью самого человека: «Хочешь увидеть бездну? Тогда загляни в себя».

Подводя итоги анализу книги Елены Заславской «Донбасский имажинэр», следует сказать, что антропология воображения Жильбера Дюрана дает принцип анализа поэтических произведений, который может использоваться для создания предварительного образа поэтического пространства книги. В то же время реальный текст оказывается богаче схемы, образы разных режимов в поэмах нельзя строго изолировать. Так, в «Последней обойме разрывных» наряду с образами диурна есть и яркие однозначные образы ноктюрна:

*Последняя обойма разрывных...
Гремят артиллерийские дуэли,
И нас отпетых уж давно отпели
Степные суровеи. Как шмели,
Жужжат шрапнели.*

*И шмели
Плюют огнём. Нет ни земли,
Ни неба.*

Действие диурнического героя – разрывать, разделять. В этом же стихотворении земля сливается с небом. Герои еще живы, но их уже отпели – жизнь сливается со смертью. В диурническом пространстве присутствуют и образы ноктюрна.

Итак, в книге Елены Заславской «Донбасский имажинэр» можно найти архетипы и диурна, и ноктюрна. Архетипы диурна: яркий свет, подъем к свету, война как священнодействие, абсолютность жизни, крылья, бездна. Архетипы ноктюрна: пещера, ребенок, карлик, занавес, деньги, возлюбленная, степь как море, бездна внутри человека. Базовый принцип имажинэра – отношение к смерти – проявляется и в диурнической группе образов, и в ноктюрнической. Образы разных режимов непрерывно взаимодействуют. Тем не менее, концепция имажинэра дает возможность на первом этапе анализа структурировать поэтическое пространство, определить центральные архетипы и связи между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nakl, H. Th. Eranos, An Alternative Intellectual History of the Twentieth Century / H. Th. Nakl. – Sheffield : Equinox, 2013. – 440 p.
2. Дугин, А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию / А. Г. Дугин. – М.: Академический Проект; Трикста, 2010. – 564 с. – (Технологии социологии).
3. Заславская, Е. А. Донбасский имажинэр. Режим Диурна / Е. А. Заславская. – Луганск : Блиц-информ, 2020. – 23 с.
4. Заславская, Е. А. Донбасский имажинэр. Режим Ноктюрна / Е. А. Заславская. – Луганск : Блиц-информ, 2020. – 23 с.
5. Кереньи, К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни / К. Кереньи. – М. : Ладомир, 2007. – 319 с.
6. Клейн, Л. С. История антропологических учений / под ред. Л. Б. Вишняцкого. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. – 744 с.
7. Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. – СПб.: Издательство С. – Петербургского Университета, 2008. – 272 с.

8. Платон. Софист / Платон Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та : «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 329 – 419.

9. Элиаде, М. Космос и история / М. Элиаде. – М. : Прогресс, 1987. – 312 с.

10. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

11. Юнг, К. Г, Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – М. : АСТ, 2019. – 496 с.

Елена Заславская
zaslavskaja@gmail.com

ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР

Режим Диурна

Орфей

1

Глубоко под землёй
скорый поезд метро
разрывает пространство.
Я пришёл за тобой,
чтобы вместе с тобою
подняться
в мир, что ярк и светел,
из душного морока смерти.
Мы с тобою уйдём
только вместе!

2

Я строкой стихотворной
творю тебя
в памяти сердца.
Я ищу тебя в мире, в котором
ты хочешь исчезнуть.
Вместо лиры –
губная гармошка,
и некуда деться
от звучания ~~Смерти~~ Жизни!

Раскатистым эхом
звонит твоё имя
по извилистым веткам
подземки.

3
Ты помнишь?
Ведь что-то ты помнишь, родная?
У берега Леты,
у кромки,
у самого края,
волна за волной набегают,
и скоро
нас с головою,
будто зелёным брезентом,
накроет.

4
Нас двое,
беспутных,
беспечных.
Я хочу оглянуться,
чтобы взглядом с тобой пересечься,
и войти в это утро,
но только не в вечность.

5
Я хочу, чтобы ты не боялась
и знала:
есть выход из Ада.
Чёрный мальчик Танатос
хочочет. Тебе он не пара.
Эвридика, не надо
бесмысленных жертв,
фейерверков, салютов.

В тонких пальцах дрожит детонатор.
~~Смерть~~ Жизнь абсолютна.

2007

Клайд

1

Я делаю тебе больно
и говорю: так надо.
Ты будешь моею Бонни,
а я твоим Клайдом.
Ты возьмёшь папин кольт,
а я – парабеллум
и вместе с тобой
махну на дело.

2

Мы грабим «Глобус».
Девка на кассе
в трансе.
– Бегом, чулки неси чёрные,
в следующий раз я
натяну один на голову,
как Фантомас и...
опадут на пол
твои накладные ногти
и твои накладные ресницы.
Жаль, что внутри ты полая,
милая моя продавщица.

3

Квартал вещей.
Лавки сделаны в виде пещер.
Тут продаётся постель,
там шторы...
Когда-нибудь продавец,
схватившись за сердце,
поймёт: конец.
Здесь его и похоронят.
Нетленным телом
окаменев,
он превращается в манекен.

4

Человек-банкомат
шептал, – с него нечего взять!
Пластиковые карточки,

печатка,
бриллиант в 5 карат
и только.
Он улыбался невпопад,
стекая юшкой свекольной.

5

Я хочу жить.
Я хочу весело жить.
Я хочу тебе делать больно.
Я хочу этой битой бейсбольной
разбить этот чёртов Джип,
а этому – с рожей самодовольной –
выпустить жир.
Бонни, а давай в твоей утробе
заложим бомбу –
развеселим этот скучный мир!

6

Это слаще, чем месть,
горячее, чем секс,
сильнее, чем норд-вест.
Это напоминание, что ты – есть!
Моя классовая ненависть
достигает апогея.
Жизнь – это весело.
Смерть – веселее.

7

Завтра мы станем мишенью в тире,
завтра нас будут мочить в сортире,
за то, что мы весело покутили!
Но есть ещё время
и я вам открою секрет –
есть то, что нельзя купить за гривны,
есть то, что нельзя купить за евро:
жажду жизни
и
верность смерти.
Веселитесь – сегодня оплачен банкет!

2007

Калашников

*Пенициллин и Калашников –
два символа борьбы.*

Сергей Жадан

1

Прилетел ко мне ангел и спросил,
распаковывая багаж:
– Чем хочешь изменить ты этот мир?
Вот крест, а вот калаш...

2

Они говорят – бандформирование,
а я – профсоюзная ячейка,
бойцовский клуб, как у Чака Паланика.
И близится время Че.

3

Что мне, Родина, от нежных твоих подсолнухов,
от жарких твоих чернобрывцев?
Сквозь зубы шепчу я: Господи,
раньше наши молитвы навзрыд
к тебе доходили, вроде бы,
а сейчас адресат будто выбыл,
оставив свои чертоги.
И думаешь, а был ли Бог?
А может и не было никакого Бога!

4

Разрастаются супермаркеты,
разрастаются, как грибы,
эти храмы капиталистического патриархата.
Под штрих-коды подставим лбы.
Что не продано, будет пропито,
что не пропито, будет просрано.
Думалось – будет независимая и соборная,
оказалось – босая и голая.

5

А у власти сейчас засранцы,
Мыслящие в одном ключе,
Они говорят – бандформирование,
А я – профсоюзная ячейка.

6

Родина, мне казалось у тебя молоко на губах не обсохло,
а теперь мне видится – это сукровица.
и я бы сказал, что сука ты,
да скорее язык отсохнет,
люблю я твои подсолнухи,
и жаркие чернобрывцы,
но зачем ты сердце мне начиняешь порохом,
неужели ты не боишься взрыва?

7

Мне снилась Повстанческая армия
во главе с Комданте Че,
они говорят – бандформирование,
а я – профсоюзная ячейка.

8

Наши заводы стоят,
наши фабрики разворованы,
легкокрылые эльфы – давно в Европе,
а родину называют Мордором,
где же ты, око Сауриново,
затерялось среди подсолнухов,
среди чернобрывцев?
В топку Толкиена!
Пока мы молоды,
перепишем эту историю
или впишем свои страницы.

9

Помните: «Мама – Анархия,
Папа – стакан портвейна»!
Они думают: мы – бандформирование,
а мы – народное сопротивление.

10

«Як умру, то поховайте»
среди подсолнухов,
среди чернобрывцев.
С чем тебе однозначно повезло, моя Родина,
так это с народом,
многотерпеливы мы, украинцы.

11

Они говорят: не надо крайностей,
зачем тебе калаш на плече?
А я говорю о солидарности
и о том, что не хватает нам профсоюзных ячеек.

2012

Донбасский имажинэр. Последняя обойма

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны...*

Николай Гумилев

1

Последняя обойма разрывных...
И умирать, наверное, не больно,
Но выстрелы пока что не слышны
И степь ковыльная колышется как море...
Пишу заметки на полях войны,
Обрывки дневников и хроник.
Здесь у обрыва обнажились корни, –
Вот так и мы
Цепляемся за пядь родной земли,
В которой нас однажды похоронят.
Пока мы живы. Молоды. Пьяны.
Надеемся и держим оборону.

2

Последняя обойма разрывных...
А как без них родится новый топос,
Когда мечта в проекции на плоскость
Не знает политических границ.

Мы повзрослели в 90-х,
Мы постарели в нулевых,
Но новый русский станет новоросским,
Чтобы остаться у контрольной высоты,
И звёздную отряхивая пыль
С солдатских берцов и берёзки
Шагнуть в бессмертие, где русские берёзы,
Как сестры не наплачутся над ним.

3

Последняя обойма разрывных...
Сержант не знает то, что он покойник.
Ещё он жив. Смеётся. Занял столик
До выходных.
Несказанная речь стекает глоткой.
И ненависть течет по веткам жил.
И корка серого над горькой стопкой:
Не дожил.
А из спины, куда вошел осколок,
Вдруг – пара крыл.

4

Последняя обойма разрывных...
Прошу тебя, пиши мне, если сможешь,
Знай, для меня, нет ничего дороже
Связавшей нас мечты,
И русской неожиданной весны.
Здесь на войне, я ощущаю кожей
И смерть, и жизнь!
Здесь каждое мгновение – возможность,
И говоря быть может,
Мы понимаем: может и не быть.

5

Последняя обойма разрывных...
Последний для себя, коль карта бита.
Наш старый мир исчез, как Атлантида –
Чёрт с ним.
Сомкнутся волны трав. Утихнут битвы.
Останутся лишь песни и молитвы,
И в них

Упомянуты имён и позывных,
И наша память, как кариатида –
Опора человеческого вида,
Их сохранит.

6

Последняя обойма разрывных...
Кто выживет, тем долго будет снится
Война, однополчане-пацаны,
И скифских баб обветренные лица.
Со школьной нам известная скамья
Строка сегодня, как БЛОКбастер, повторится:
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы...
А может евразийцы.
Для вас, Европы сытой холуи,
Зажглись артиллерийские зарницы!

7

Последняя обойма разрывных...
Гремят артиллерийские дуэли,
И нас отпетых уж давно отпели
Степные суховеи. Как шмели,
Жужжат шрапнели.
И шмели
Плюют огнём. Нет ни земли
Ни неба.
И древнее «иду на вы»
Из тьмы столетий
Достаю нам на потребу.....
Вершится дело величавое войны!
Вершится треба!

2017

По ту сторону Чёрного квадрата

1

Вглядываюсь в чёрный квадрат окна,
вижу бездну, в которой не видно дна,
супрематичные звезды касаются лба,
я шевелю губами, шепчу слова.

2

Этот звёздный венец, как цветущий тёрн.
Рождённый от боли, рождает боль.
Для меня значит быть – это быть с тобой.
Кто ты, бездна? Имя своё открой.

3

А цветущий тёрн корнем в сердце недр,
А верхушкой тёрн в центр небесных сфер.
И стоит вопрос, а ответа нет:
Как твое имя, бездна? И клином свет?

4

Или клином тьма?
Не нахожу ответа, схожу с ума.
Нужно выйти за рамки тела, сознания или окна,
за рамки квадрата, в котором заключена
разгадка, ответ на вопрос.

5

И остаётся
взглянуть в лицо чёрной бездны,
встать во весь рост,
смешать этот космос с маслом
и нанести на холст!

2013

Режим Ноктюрна

Эвридика

1

Глубоко под землёй,
там, где поезд метро
разрывает пространство,
мы с тобою вдвоём,
наши руки сплетаются пальцами,
губы склеены,
бледен искусственный свет,
воет ветер, как Цербер
и выхода нет.

2

Ты набирал мой номер,
а в ответ:
«абонент
вне зоны».
Строкой стихотворной,
меткой, как смерть,
сложив из ладоней
рупор тянулся ко мне.

3

Нас двое,
нас только двое,
с такой паранойей,
с горячечной кровью,
разбавленной алкоголем!
В подземном стоим переходе,
курим последнюю «Мог»,
Курение убивает!
Memento mori.

4

Это – не пояс смертницы,
это же пояс верности.
Таймер ведет отсчёт.
Мне осталось до вечности
взглядом с тобою встретиться.
и всё!

5

~~Жизнь~~ Смерть – это фейерверк!
Время прервёт свой бег.
Сумрак проглотит свет.
И будет толпа реветь,
а может, не будет крика...
Прощай, мой Орфей,
но остаётся здесь,
в подземке,
твоя Эвридика.

2007

Бонни

1

Я делаю тебе больно
и говорю: так надо.
Я буду твоею Бонни,
а ты моим Клайдом.
Я возьму папин кольт,
а ты – парабеллум.
И вместе с тобой
махну на дело.

2

Мы грабим «Глобус».
Девка на кассе
в трансе.
– Бегом, чулки носи чёрные
(предпочитаю классику,
на моих стрелка).
Нет, я не беспредельщица.
Просто
я – жертва моды.

3

Свидетель Манекен,
без лица и без имени,
но сновидения
у него цветные.
Сейчас я его раздену,
разбив витрину.
Маленький человек-функция,
в бейсболке и белой маечке,
как только мы поцелуемся,
он превратится в мальчика.

4

Мигом на улицу,
садимся на «Хонду»,
мчимся по городу,
летим по городу,
ты будто Вакула,

оседлавший чёрта.
– Здорово!

5

Успели.
И на сегодня хватит.
В пустом мотеле
снимаем номер
с одной кроватью.

6

Вчера
мы пили «Три топора»,
сегодня – «Dom Perignon».
А впрочем, какая разница,
что мы пьём.
Зелёной ладонью каннабиса
Клайд гладит лицо моё.
– Хочешь поцелуй валькирии?
Зрачки расширены,
и я бесстрашно
всю прелесть мира
сосу без фильтра.
В затяжку.

7

Ах, господин Порошенко,
обожаю я ваш шоколад.
«От сердца к сердцу» – лозунг Рошена,
«От сердца к сексу» – наш!
Это не горечь какао,
это губы мои горчат.
Я целовала Клайда,
Горячо, а ещё сгоряча.
Вовсе распоясалась я.
Он входит в меня и в раж.
Рыхлое мясо матраса
мы размололи в фарш.
А после, счастливые оба,
в поту и следах любви,
покаялись – быть вместе до гроба,
кольца одев из фольги.

8

Мне Клайд
открывает тайну:
наблюдает за нами
небесный снайпер.
Когда же ему надоест,
он спустит курок, затаив дыхание.
~~Жизнь~~ Смерть – это только песня.
И если ты есть –
пой, покуда не поздно.
Скоро мамой
станет анатом,
из сердца достанет занозу
весом 9 граммов.

2007

Пенициллин

*Пенициллин и Калашников –
два символа борьбы.*

Сергей Жадан

1

Прилетел ко мне ангел и спросил,
распаковывая багаж:
– Чем хочешь изменить ты этот мир?
вот крест, а вот калаш...

2

У милого глаза как незабудки,
и капельницы в две руки,
я с ним сижу уже вторые сутки
и по часам меняю «проводки».

3

Сказали мне, бандитская разборка,
а он шептал, что это был протест,
лишь с площади сошла волна народа
и оказался рядом Красный крест.
Потом его всего в крови на скорой
в ургентную, где нет свободных мест.

4

Сердце, лучше бы ты оглохло,
а не сочилось болью и сукровицей,
я знаю, как тебе плохо,
но что тебе прописать? Революцию?
Чтобы пылало подсолнухом,
пламенело чернобрывцем!
Или зажмуриться,
закрыть глаза – не видеть, не слышать, не
знать,
винить правительство, масонов, Путина,
эпоху,
но не себя,
пить валерьянку,
сидеть на инъекциях,
сердце, зачем ты сочишься страданием,
от этого ведь ничего не изменится!

5

Сказали мне, бандитская разборка,
а он твердил, что это был протест,
когда пустили после остановки
мы его сердце – это не конец.
На раненой груди татуировка –
Девиз забытый: Воля или Смерть.

6

Я капаю ему антибиотик
и слезы тихо капают с ресниц,
с каким сражался Молохом
мой Дон Кихот,
за что он отдал жизнь?

7

Шептал он мне –
сестра, моя отныне,
в несчастной и больной нашей стране
в родимой неньке Украине
в неравной изнуряющей борьбе
в сраженьи с мельницами ветряными,
что есть у нас?

Как говорил поэт,
калаш и куб пеницилина?
Нет ничего. Лишь верность есть
себе,
нашим Подсолнухам
и Чернобрывцам!
Так помоги мне
снайперша со шприцем!

8

Эх, подсолнухи мои,
Да чернобрывцы!
Сердце, чому ты нэ твёрдая крыця?
Будь ты в броне,
Как легко бы жилось мне
в этой стране,
что как та «простигосподи».
Сердце, чому ты нэ твёрдая крыця?
А мягкое тёплое, будто синица.
Сердце – ты главная мышца
Бойца!
Будь себе верным, иди до конца.

2012

Донбасский имажинэр. Заметки на полях войны
(связка писем другу для поднятия боевого духа)

*На свете счастья нет.
А есть покой и воля.*

А. С. Пушкин

1

Заметки на полях войны.
Окопная строка, в которую вписали
Солдат, как буквы. Ты
Один из них.
И мой эпистолярый
Прочтёшь едва ли.
Может быть,
Потом.
Вернись живым.

84

И мы друг друга снова прочитаем
И перечтём.

Пусть память сохранит,
Как вырываясь из глубин гортани,
Как поцелуй, как легкое дыханье,
Живое слово нас соединит.

2

Заметки на полях войны.
Ты полон злой решимости, отваги,
Ты пишешь их, а я пишу стихи
Тебе, традиционно на бумаге,
И письма, не e-mail, а от руки,
Забывтое искусство древних магий
Творить из рифм и ритмов
Новый мир.
Ты воссоздашь его из словосочетаний,
Из почерка, как кружевной узор,
La lettre ouvre le secret du coeur.

3

Заметки на полях войны.
Что написать тебе, наследник Титуреля?
Ты думаешь, приходит наше время
Осуществить увиденные сны,
Но будем до конца честны,
Всё то, о чём нам ангелы напели,
Как гули, в изголовье колыбели,
Лишь гул, который мы
Разбить пытаемся на ямбы и хорей,
А разбиваем лбы.
Здесь Монсальват – громада террикона.
А чаша – это банка самогона.

4

Заметки на полях войны.
Жизнь, сделав поворот, меняет вектор,
Ты был филологом, поэтом,
А стал солдатом. Боевик
И террорист, как пишут СМИ,
Им в тон гудит Ахметка,

И мне на ум одна приходит мысль,
Что, если ты стреляешь так же метко,
Как пишешь, – будет в этом смысл.
Умолкла муза. Снова перестрелка.
И я пишу тебе: «Держись.
Post scriptum. Обнимаю крепко».

5

Заметки на полях войны.
Во имя новорожденных республик.
Заметки на полях весны
И революции, объединившей наши судьбы.
Здесь ломоть развалившейся страны,
Который Родиной зовем и я и ты,
Как хлеба шмат, в зубах голодной хунты,
Но рифма просится, прости,
Что не сдержалась: ... им.

6

Заметки на полях войны.
Жизнь набело. Её не перепишешь.
Людская кровь не сок пунцовых вишен
И не чернила. Некого винить,
Кроме себя. Храни тебя Всевышний.
Мечтаю я: мы сядем визави
И скажешь ты: «О нас напишут книжки.
И фильмы снимут, тоже может быть,
О том, как познают мальчишки
Кровавый жаркий вкус борьбы,
А девочки уже не понаслышке,
А наяву боль узнают любви».

7

Заметки на полях войны.
Ты говоришь мне, что у вас спокойно,
И выстрелы пока что не слышны,
И умирать, наверное, не больно,
Ты говоришь, у вас там соловьи,
И степь ковыльная колышется, как море,
А я читаю хроники в Сети:
Тот ранен, тот убит, тот похоронен.

И счастье, не успевшее войти
В мой дом, готово обернуться горем.
И я твержу любимые стихи:
«На свете счастья нет. А есть покой и воля».

2014

По эту сторону Черного квадрата

1

Вглядываюсь в черный квадрат – айпад,
сейчас я коснусь его, и пойдет игра.
У героя в запасе жизнь, но она одна.
Герой ищет смысл, стоит у окна.

2

Это только иллюзия, фата-моргана, мираж,
чистая ложь превращённая в блажь,
19-й век, 20-й, а может наш, не важно,
герой готов совершить оммаж,

3

Но перед этим хочет узнать: кто я? –
Вопрос, что сводит его с ума.
Он видит своё отражение в раме окна.
Хочешь увидеть бездну? Тогда загляни в себя.

4

Каждый из нас играет и создаёт свой мир.
У героя есть краска и холст, и
зовут его Казимир.
Истина – это просто!
Знаешь? Изобрази!

2013

ФРАНЦ КАФКА: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛАБИРИНТА

Прямолинейность геометрии с предельной ясностью очерчивает искомые трассы от одного пункта к другому, делая поиск предсказуемым и прозрачным, с видимой конечной целью. Жизнь предлагает совсем иные пути – запутанные по своей сути или кажущиеся таковыми. Мир художественных образов добавляет сумятицы в осмысление и без того не простого, а изобилующего лабиринтами смыслов состояние человеческого бытия. Что сложнее – сама жизнь или ее отражение в фантазийных осмыслениях – извечный вопрос для проживающего жизнь человека и отражающего ее в своем мышлении.

Франц Кафка, живший в Чехии, писавший на немецком, пребывал в вечном лабиринте, порой без надежды выхода из него или даже надежды на поиск оного. Писателя, которому отведено было всего сорок лет земного пребывания, поглощали запутанные линии власти, семьи, любви, болезни, снов, творчества, службы. Заблудившийся человек-писатель Франц Кафка порождает заблудившихся героев. И не столь важно, где находится лабиринт (это может быть Замок, новая страна Америка, отношения с семьей, пресловутые любовные треугольники), а более важно как герои пытаются распутывать пути выхода из лабиринта, не имея, безусловно, золотой волшебной нити Ариадны, оказавшейся в руках Тесея.

Каждый писатель счастлив тем, что мигрирует во времени и пространстве без помех. Спокойно и свободно. Но эти философские метакатегории – время и пространство – своего рода лабиринты, которые втягивают, и, казалось бы, с легкостью позволяют путешествовать в себе, но с трудом отпускают. Да и разве возможно выйти за пределы пространства и времени физически вне мышления? Мышление Франца Кафки не выходит из этой лабиринтности, бросая героев в тупиковые ситуации, из которых они пытаются выбраться. Успешно или нет – в зависимости от того, куда поведет логика часто обрывающихся рукописей. Это относительно вбрасываемости героев в тупики по воле писателя. Но жизнь самого Франца Кафки представляет собой вечное преодоление

загнанности иногда в силу обстоятельств, а иногда в силу собственного создания лабиринтов. Причем загнанности самого себя безо всякого вмешательства извне. «Я» писателя переносится на тех, кто по воле его воли (тавтология здесь очень даже уместна) оказывается в таком же положении, как и он сам.

Одна из ключевых, наиболее часто встречающихся ситуаций в прозе Кафки – ситуация заблудившегося человека, как отмечает Михаил Рудницкий в предисловии к роману «Америка». Это еще один мотив, который роднит его поэтику с поэтикой сказки. Но если сказочные герои блуждают в дремучем лесу, символизирующем первичный хаос мироздания, то у Кафки они теряются в рукотворных лабиринтах человеческой цивилизации – в переулках и дворах большого города, в недрах гигантского корабля, в коридорах и закутках нескончаемых многоэтажных зданий. Внешняя геометрическая правильность этих сооружений обманчива, стоит свернуть за угол, отворить какую-нибудь неприметную дверцу, и человек вступает все в тот же первобытный хаос, где хищник поджидает добычу, сильный унижает слабого, палач истязает жертву [9, с. 8]. Это в Римской империи дети играли в лабиринтах, выложенных прямо в полях или на мостовых. А у самого писателя и его героев игра в лабиринте (или с лабиринтом?) приобретает трагическое звучание. Лев Копелев предполагает, что Кафка, умирая, именно потому и хотел уничтожить свои рукописи, что чувствовал и сознавал, как, создавая все новые причудливые плоды своего трудного, болезненного творчества, он в каждом из них вырывает корни искусства как такового – разрушает основы, самые возможности художественного отражения живой действительности. И в творчестве все тот же лабиринт.

Любимым произведением Франца Кафки была повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», в которой в художественно-образном воплощении до атомарного уровня проявилась коллизия, где физические страдания обнажили духовные противоречия самого простого человека. Повесть, по своему интеллектуальному и эмоциональному насыщению, о жизни героя, а не о его смерти, которая явилась только лакмусом для проявления оценки правильности самой жизни. Абсурдно и нелепо давать советы гениальному писателю, тем более через добрую сотню лет после написания произведе-

ния, но повесть следовало бы назвать не «Смерть Ивана Ильича», а «Жизнь Ивана Ильича», поскольку она есть ответ на призыв, думая о смерти, думать о жизни. Иссякание тела – восхождение духа... Для писателя и человека Л.Н. Толстого проблема собственной жизни была обнажена в период его кризиса, и доводила до мысли о добровольном уходе и прерывании ее. В этом Л.Н. Толстой сродни Францу Кафке – поиски выхода из лабиринтов судеб, с болезнями души и тела, с нерешенным и нерешаемым вопросом о смысле пребывания в этом безумном, но таком прекрасном мире. Для Франца Кафки экзистенциальные проблемы, как и для Л.Н. Толстого, пребывали на кончике пера и нерва. И зачастую герои вбрасываются писателем именно в такие пограничные ситуации, которые выступают своего рода лабиринтом. Даже не находя выхода из него, герои обретают опыт (при условии, что в итоге повествования они остаются живы). А если уход предопределен, то автор показывает, как ощущает себя герой повествования в ситуации выбора, как он преодолевает или нет пиковые ситуации.

Герои погибают во всех трех незавершенных романах Франца Кафки. Но в «Процессе» гибель героя явна, а «Замок» и «Америка» прямо не декларируют гибель, но дают логическую линию повествования, из которой следует уход героя.

Роман «Америка» – первый опыт Кафки в этом жанре. Как и два других романа писателя, он остался незавершенным. «Америка» более, чем «Процесс» и «Замок», насыщена плотью социальной жизни. В Америке Кафка никогда не был, о жизни в Соединенных Штатах он знал немногим больше любого читающего газеты европейца. За внешними приметами американской жизни, за экзотикой небоскребов и нескончаемых городских ландшафтов, за чудесами техники и комфорта, описанными со смесью веселого ужаса, в романе проступает некий собирательный образ мира, загроможденного достижениями цивилизации и, тем не менее, опасного, как и первобытные джунгли [10, с. 371 – 373].

Франц Кафка прокладывает мост между Европой, где остались грехи героя романа «Америка» Карла Росмана, и набирающей силу культурой Америки. Дыхание заката Европы, по Освальду Шпенглеру, соединено с дыханием энергичной поднимающейся Америки, по Францу Кафке. Правда, статуя

Свободы в романе не с факелом, а с мечом в руке. Умышленная описка, невнимательность, незнание (ведь все-таки писатель не был на Манхэттене), художественная правда, отличающаяся от правды жизни или очередной рукотворный лабиринт писателя? Все начинается с лабиринтного символа свободы, а продолжается в реальном лабиринте молодой, динамичной Америки, сулящей беспечное богатое существование. Но поглощение таких неискушенных, доверчивых, открытых, дающих себя обмануть молодых людей, как Карл Росман, и есть лабиринт реальности. Одних он оттачивает, дает энергию, выводит, в конце концов, за собственные пределы. Но это для людей сильных. Первые дни европейца в Америке – все равно что второе рождение, и, хотя обживаешься здесь куда скорей, чем при вступлении в наш мир из небытия, – так что слишком пугаться тоже не стоит. Так, встретивший случайно Карла Росмана, его дядя поучает племянника и, опекая его, покупает ему пианино, обучает английскому языку, верховой езде. У самого дяди тридцать лет назад была только маленькая контора возле порта. А сегодня его склады – третьи в порту по вместимости. Для изумленного Карла – это чудо, но для дяди – это естественно, поскольку в Америке все делается быстро. Но это не для всех, и Карл Росман видит, как все главные улицы заняты демонстрацией бастующих рабочих-металлистов, как автомобиль пересекает какую-нибудь из этих улиц, шириною с целую площадь, как полицейский восседает на неподвижно застывшем коне, как идут люди с флагами или протянутыми через всю улицу транспарантами, то какого-нибудь рабочего вожака в окружении соратников, то ординарцев, то вагон электрического трамвая, который недостаточно шустро убежал от демонстрации и вот теперь, настигнутый, стоял с темными, пустыми окнами.

Америка поднимает людей сильных, энергичных до высот благополучия: из глубин лабиринтов они восходят до хозяев жизни, наслаждаясь ею и благословляя эту страну. Но можно остаться в отчаянном положении тупика, даже без какой-либо маломальской надежды на выход из него. После всех американских приключений, испытывающих героя, Карл увидел объявление: «Производится набор в театр Охлакомы! Великий театр Охлакомы приглашает вас! Приглашает только сегодня, сегодня или никогда! Кто упустит свой шанс

сегодня, упустит его безвозвратно! Если тебе не безразлично собственное будущее – приходи к нам!.. В нашем театре каждому найдется дело – каждому на своем месте! Если ты остановил свой выбор на нас – поздравляем. Но торопись, чтобы успеть до полуночи! В двенадцать прием заканчивается и больше не возобновится! Кто не верит – пусть пеняет на себя! Все в Клейтон!» [5, с. 342]. Вот он – выход из лабиринта, который преподнесен с американским запалом, с настойчивым предоставлением выбора – сейчас или никогда. Риск, безусловно, имеется, но выбираешь именно ты и отвечаешь за успех или неуспех опять-таки ты. Настойчивый и навязчивый призыв к прекрасному будущему. Но осуществится ли оно? Главное упущение призыва к работе в этом театре – ни слова об оплате. Это обещание новой жизни для таких, как Карл Росман.

«Во всеуслышание обяжутся принять! Больше ему и не надо, он давно мечтает отыскать достойную дорогу в жизни, может, именно сейчас она ему открылась! Пусть даже все зазывные слова в объявлении – сплошное вранье, пусть это не Великий театр Охлакомы, а всего лишь маленький бродячий цирк, – там требуются люди, этого довольно» [5, с. 343]. Но приглашение в театр преподнесено с американским размахом, с грандиозными обещаниями счастья, с иллюзией того, что никогда не сбудется. А в театр так хочется верить! Не те же чувства испытывает попавший в лабиринт, надеясь на, пусть даже иллюзорный, выход из него?

Карла Росмана в этом приглашении потрясает все, и он, воспринимая призывную сторону, лишается критического осмысления того, что стоит за мишурной стороной рекламы. «Такого размаха он вообразить не мог, что за предприятие, способное только ради вербовки персонала пойти на такие несусветные расходы. Перед воротами ипподрома был выстроен длинный невысокий помост, на котором, переодетые ангелами, в белых хитонах и с крыльями за спиной, сотни женщин дули в длинные золотистые трубы... Во избежание однообразия пьедесталы сделали разной высоты, поэтому и среди женщин одни были низкие, немногим выше нормального человеческого роста, но рядом с ними другие взмывали в такую высь, что при малейшем дуновении ветерка за них становилось боязно. И все они дули в трубы» [5, с. 344]. Как глас ангелов с небес, как обещание небесной благодати. Театр

– великое лицедейство. Ведь берут в Охлакому всех, независимо от пола, возраста, социального статуса и религиозного вероисповедания, и обещают все, независимо от того, сбудется или нет. Даже те, кто всерьез желал получить работу, сбивались с толку от трубного призыва в великий театр.

Те, кто уже побывали в Охлакоме, говорят, что театр почти не имеет границ. Это очень старый театр, но почему-то люди не валят в него толпами. Опять иллюзорность выхода из лабиринта: театр, казалось бы, есть, но призрачный, без гарантии стабильности. Карл Росман все-таки, подверженный магии рекламы, через контору становится Нэгро – техническим сотрудником, готовым к тяжелой физической работе, хотя в театре он хотел быть артистом. «Они ехали два дня и две ночи. Только теперь Карлу открылось величие Америки» [5, с. 369]. Так заканчивается незаконченный роман.

Всякая удача, любое, даже минимальное восхождение по социальной лестнице обеспечивается только утратой человечности. Логика развития повествования не сулит Карлу Росману счастливого конца. Трагический финал романа предсказан и в его авторском названии – «Пропавший без вести», и в дневниковой записи Кафки от 30 сентября 1915 года, где прямо говорится о смерти героя. По свидетельству Макса Брода, Кафка в «загадочных выражениях, со странной улыбкой давал понять», что, в конце концов, его юный герой «будто по мановению райского волшебства снова обретет дело по душе, свободу, чувство опоры – и даже отчизну и родителей». Незавершенность романа позволяет читателю разделить с Максом Бродом эти надежды [10, с. 374 – 375]. Но можно развить совершенно противоположную линию, обозначенную в первоначальном названии романа. Пропавший без вести в лабиринтах Америки, с ее абсолютизацией энергичных, предприимчивых, вечно молодых и здоровых людей, Карл Росман не только не достигает вершин благополучия, а растворяется в этом непринятом ими не принявшим его мире. Непонимание друг другом героя и общества, скорее всего, ведет к исчезновению наивного юного европейца в лабиринтах энергичной американской жизни.

Еще один герой кафкианского мира, старший прокуратор банка Йозеф К. погибает в лабиринтах отчужденности, так и не осознав – почему. Над «Процессом» писатель работал до 1918 года, и как два других романа он остался незакончен-

ным, но совершенно определена и закончена линия жизни главного героя. Непонятный для Йозефа К. его разрыв размеренности жизни, арест, канцелярская тяжба и бесславный, бессмысленный уход. А разве понятны социальные катаклизмы: войны, революции, преступления? Их истоки не подвержены постижению, как и события жизни отдельного человека, составляющего предельно делимую единицу социума. Начала всех событий многоточечны, противоречащие здравому смыслу, находящие противоречивые оценки в будущем.

Если воспринимать жизнь как суд, то всегда можно найти повод для совести напоминать о себе, не давать безмятежно пребывать. Независимо от того есть преступление или нет. Суд от имени общества над «Я», суд «Я» над «Я». Лабиринт собственного «Я», где судьей выступает совесть самого человека, поглощает, как и любой другой лабиринт. Человек ввинчивается в социальные связи от рождения и до смерти, но он не может управлять ими, поскольку отчужден о них. Для Йозефа К. отчуждение произошло зримо, поскольку от, ведя собственное расследование, произносит правильные речи, ощущает свою правоту, близкую помощь. Но притом, что все стараются помочь, помощь ускользает каким-то непостижимым образом. Такой же непостижимой является и сама жизнь общества.

Как и в «Замке», в «Процессе» вершит делами невидимая и неведомая сила, которая не персонифицирована. Ей нельзя задать вопрос за что, почему, в чем вина. Они просто прогружают и погрязают как в вате, оставаясь без ответа. Их некому задавать и на них некому отвечать. Но, тем не менее, Йозеф К. втягивается в процесс, в котором никто не против него и даже наблюдается желание помочь. Судопроизводство вбирает в себя героя как лабиринт системы и личности, где проигравшей стороной выступает личность. Лабиринт заставляет примириться с мыслью о виновности. Ведь даже сама мысль «Я безгрешен» свидетельство о греховности и априорно каждого есть за что судить. Наверное, это оттого, что сам Франц Кафка находится под вечным судом вины за то, что живет.

Йозеф К. пребывает в иллюзии свободы, поскольку его сдавливает лабиринт, блуждая в нем, герой запутывается еще больше. В поисках здания суда, Йозеф К. блуждает по лестницам, которые, не выполняя своего прямого назначения

связывать точки пространства, приводят в тупик или разъединяют его. Не равенство преступления и наказания

«И как вспыхивает свет, так вдруг распахнулось окно там, наверху, и человек, казавшийся издали, в высоте, слабым и тонким, порывисто наклонился далеко вперед и протянул руки еще дальше. Кто это был? Друг? Просто добрый человек? Сочувствовал ли он? Хотел ли он помочь? Был ли он одинок? Или за ним стояли все? Может быть, все хотели помочь? Может быть, забыты еще какие-нибудь аргументы?

Несомненно, такие аргументы существовали, и хотя логика непоколебима, но против человека, который хочет жить, и она устоять не может. Где судья, которого он ни разу не видел? Где высокий суд, куда он так и не попал? К. поднял руки и развел ладони. Но уже на его горло легли руки первого господина, а второй вонзил ему нож глубоко в сердце и повернул его дважды. Потухшими глазами К. видел, как оба господина у самого его лица, прильнув щекой к щеке, наблюдали за развязкой. – Как собака, – сказал он так, как будто этому позору суждено было пережить его» [7]. Абсурдный итог жизни молодого человека, не нашедшего выхода из лабиринта непонимания судебного процесса, ставшего лабиринтной проекцией социальной жизни. Сам абсурд не вызывает удивления, так же, как и смерть, которая неизбежна для человека. Вопрос только времени, способа и причины. Мир становится все более абсурдным и когда он завершится? Состояние перманентного социального абсурда заключено и в том, что люди не могут существовать по отдельности, но каждый одинок и вынашивает свое собственное чувство вины. Человек в окне, которого видит Йозеф К., протягивает к нему руки с желанием помочь, но это слабый конечный проблеск человеческого участия, поскольку у каждого свой лабиринт и пройти его он должен самостоятельно.

Предчувствие обреченности и безысходности заключено уже не в векторе «Замок – Деревня», а в лабиринте следующего романа «Замок». Ситуацию Замка можно приложить к любой эпохе и системе без указания конкретного места и времени. Она приложима ко всем ситуациям, где есть Замок. А Замок есть повсеместно при наличии власти и личности, ей противостоящей. В 1924 году Франц Кафка покидает этот мир, что означает его не присутствие в качестве конкретного фиксатора социальных тектонических подвижек: издержек

социализма в России, прихода к власти национал-социалистов в Германии, начала второй мировой войны. Но есть предчувствие, предвидение писателя, сфокусированные в строках, которые читатель вправе продолжить в применении к собственному опыту, месту нахождения, социальной ситуации.

Душеприказчик и друг писателя Макс Брод восторгается его умением предвидеть. Кафка умер еще до кошмара неограниченных диктатур и атомной бомбы, до апокалипсиса поработанного индивида, – но он предчувствовал эти ужасы, пророчески предвосхитил их. Отсюда призрачно-бедственная, стесняющая дыхание мрачная атмосфера, которая ощущается в его романах. Именно предвосхищение страшного времени, наставшего намного позже, чем окончился жизненный путь поэта (например, сцена ареста, тайный судебный процесс в «Процессе»), отчасти объясняет сегодняшнее воздействие Кафки (в той мере, в какой оно объективно, а не связано со смятением чувств читателя). Франц Кафка словно бы пишет на злобу дня. Совесть этого дня нечиста перед ним. Ведь он уже заранее все описал и предостерег. Тем не менее, мы и дальше бездумно пошли по ложному пути, по пути поработания и безлюбости.

Другой пример такого предвидения, для которого у Макса Брода нет рациональных объяснений, можно найти в «Дневниках» Кафки, где в записи от 6 июня 1914 года в форме рассказа излагается история, происшедшая с чиновником магистрата Брудером, живо напоминающая сцены войны, которая разразилась только через два месяца. Далее, среди «Фрагментов» к «Приготовлениям к свадьбе в деревне» описана сцена депортации, каких при жизни Кафки на широтах Австро-Венгерской империи не происходило. Поражает обилие точных деталей, с которыми Кафка прозревает печальные события. В неоконченной рукописи романа «Замок» сила власти осмыслена и преподнесена как осязаемая и в то же время ускользающая сущность, подавляющая, диктующая, властвующая, но эфемерная. Писателем предугаданы грядущие Замки, которые в едва обозначаемых контурах прорисовывались в Европе при его жизни. Замок (в данном контексте олицетворения Замка с властью кавычки снимаются) приобретает символ отдаленности/отчужденности/лабиринт-

ности силы от всего, что противостоит, находится по другую сторону от него.

Герой романа К. в «Замке» – самый мужественный из всех созданных Кафкой образов. Мужественный, а значит, и драматичный: ведь он противостоит судьбе, которая его сокрушает. Сам герой – не сеятель счастья и стабильности. Его, как и любого другого персонажа, нужно обойти, чтобы зримо представить невидимую сторону.

«Замок» – не только самое позднее по времени, но и самое многоцветное, значительное, наиболее справедливо распределяющее свет и тень произведение Кафки. Пространство между Замком и Деревней пронизано снежнопогодной графикой, холодом, неприкаянностью. Это снежность жизни и самого героя, оторвавшегося от родных мест, то ли нужного, то ли ненужного власти. Башня Замка его родины, бестрепетно идущая кверху, с широкой кровлей, крытой красной черепицей, вся земная, но устремленная выше, чем приземистые домишки, более праздничная, чем эти тусклые будни [9, с. 12]. В той жизни окрас пространства иной, но землемер отторгается от праздничности и вторгается в сумеречную, метельную жизнь, где обретает нелюбовь. Непроницаемая и непреодолимая даль Замка так и остается далью, а иссякающая надежда на оседлость вряд ли оставит желание противостоять силе. Служить – да, но бороться – нет: ни с Замком, ни с Деревней.

Сравнивая два романа о силе власти «Процесс» и «Замок», Макс Брод различает героев по их отношению к Левиафану таким образом: в «Процессе» герой все время бежит от высшей инстанции, она шлет ему повестки, преследует во множестве обличий, он пытается скрыться. В «Замке» же герой постоянно сам стремится к высшей инстанции, он, напрягая все силы, ищет путь к Замку, и его усилия напоминают еще об одном персонаже, ищущем во многочисленных блужданиях путь к Замку Спасения, к Монтсальвачу, – о Парсифале, который уже побывал в Замке, из-за одного промаха (кажущегося нам столь простительным в его тогдашнем состоянии духа) был изгнан оттуда и десятилетиями не может вновь отыскать тропу восхождения. словно по волшебству путь в Замок для него закрылся. Отчаянные, долгие попытки все-таки найти путь, даже вопреки воле властей Замка. И, наконец, милость. Ведь и Кафка хотел под конец даровать ми-

лость своему К., пусть даже на смертном одре, – за героем романа «Замок», в конце концов, признается право на жительство, правда, не де-юре, а из милости. Кафка не завершил роман, но пересказывал Макс Броду в разговоре задуманный им конец, как тот сообщал в послесловии к первому изданию «Замка».

Таким образом, в романе «Замок» в определенном смысле присутствует более позитивный взгляд на мир, чем в «Процессе». Но все-таки теснит душу, когда читаешь, как в «Замке» при всей доброй воле, которой преисполнен К., он все-таки остается для крестьян чужаком, и в какой-то мере признают его только колеблющаяся Фрида да семья деревенских изгоев, – когда видишь, как все его стремления, сколь бы упорен он ни был, приносят ему мало пользы. Если смотреть с этой точки зрения, то поражение приемлющего жизнь человека еще прискорбней, чем гибель того, кто неспособен жить и любить. Поэтому утверждение, что роман «Замок» в большей степени обращен к жизни, более оптимистичен, чем «Процесс», все-таки нуждается в некоторых оговорках. При любой попытке логического упорядочивания произведений Кафки понимаешь, какая это тонкая и дифференцированная материя. Любое неуклюжее слово нарушает созданное автором зыбкое равновесие [8].

26 января 1911 года Макс Брод записывает следующий разговор с Кафкой: «Я каждый день хочу исчезнуть с лица земли», – говорит он. – «Чего тебе не хватает?» – «Мне хватает всего, кроме самого себя» [3]. Едва внятный инициал «К.» проявляет самого Франца Кафку, которому не хватает себя. А хватало ли землемеру самого себя подобно автору, его сотворившему, для усиления смещения силы?

В предисловии к роману «Замок» Дмитрий Затонский отмечает контраст между безликостью и ужасом – вот формула кафковского стиля [6, с. 4]. Безликость власти и ужас ее реального присутствия сжаты в противостоянии Замка и Деревни, которые живут за счет друг друга, подпитываются людьми и событиями. Но если бы Макс Брод не оставил такого завершения, легко можно прийти к заключению гибели землемера. Ему нет места ни в Замке, ни в Деревне. Обитая в Деревне, он для нее чужой. А к Замку ему тем более не добраться, даже физически. Исключается сама возможность проникновения землемера в его структуру и сущность. Пос-

кольку жизнь или не жизнь – взаимоотрицающие понятия, а выбирать нужно или приходится между ними. Но в контексте Замка выбор падает не на жизнь, а на ее противоположность – на смерть.

В вертикали Деревня – Замок К. опускается ниже точки Деревни, хотя Деревня располагается ниже Замка, но дальнейшее продвижения К. не вверх, а вниз. Сюжетность романа низвергает К. по вертикальному перемещению от Замка (он вверх, пусть и недостижим) к Деревне (она внизу, хотя имеет свои уровни, в которых можно обитать), и ниже по тексту перспектива уводит землемера в подвал, куда его приглашает экс-буфетчица Пеппи, которая обещает радости существования с ее подружками-горничными. «Зима у нас длинная, очень длинная и однообразная. Но мы там, внизу, не жалуемся, мы хорошо защищены от холодов. Ну, а потом придет и весна и лето, всему свое время, но, когда вспоминаешь, и весна и лето кажутся такими коротенькими, будто длились два дня, не больше, да и то в эти дни, даже в самую распрекрасную погоду, вдруг начинает падать снег» [6, с. 276], – увещевает землемера Пеппи. Снег, метель, холод, темнота – сопричастные маркеры романа, создающие графику расчертанности/иссечения/рассечения пространства неприкаянностью и нелюбовью.

У Мориса Бланшо землемер мерит не воображаемые земли, еще не возделанные, но огромное пространство литературы и не может удержаться от того, чтобы имитировать – и тем самым отражать – всех персонажей, которые предшествовали ему в этом пространстве, так что Замок – это уже не отдельное произведение единичного писателя, а как бы палимпсест, на котором проступают, одна сквозь другую, спутанные, но иногда различимые, все версии тысячелетней авантюры, как бы итог и краткое изложение Всемирной Библиотеки, на фоне которой Кафка предстает то, как герой нравственного романа (неудачник, пытающийся выкарабкаться с помощью женщин), то романа-фельетона (персонаж с добрым сердцем, защитник слабых против тирании господствующего слоя общества), то легенды, а точнее, нового цикла приключений короля Артура, – пока не обретет, наконец, свою подлинную роль [5].

Загадочность Замка неоспорима. Но не менее загадочна и Деревня. Ее смысл – подчиняться Замку, улавливать настро-

ение этого строения, возвышающегося над: над местностью, над судьбами, над будущим, над самой жизнью. Деревня кормит Замок, содержит и обслуживает его. И боится. Даже не высказанного неудовольствия, но боится уже самим предчувствием немилости. Хотя прямых-то угроз нет. Но Деревня уже отворачивается от того, кто чем-то омрачил Замок. Противоположности расходятся, на то они и противоположности. Как Замок и Деревня, которые нуждаются друг в друге. Но в отличие от Замка, Деревня обречена на страх и несвободу.

Но К. принадлежит третьему миру. Он вдвойне и втройне чужой: чужой чуждости Замка, Деревни, чужой самому себе, ибо по необъяснимым причинам решает порвать со всем близким себе, как бы влекомый к этим, казалось, непривлекательным местам какой-то силой, которая ему не доступна. В этой перспективе было бы соблазнительным сказать, что весь смысл книги заключен уже в первом абзаце, сосредоточенный на том деревянном мосту, который ведет от большой дороги к деревне, где К. простоял долгое время, устремив взгляд в кажущуюся пустоту [7, с. 16]. «К. прибыл поздно вечером. Деревня тонула в глубоком снегу. Замковой горы не было видно. Туман и тьма закрывали ее, и огромный Замок не давал о себе знать ни малейшим проблеском света. Долго стоял К. на деревянном мосту, который вел с проезжей дороги в Деревню, и смотрел в кажущуюся пустоту» [6, с.7].

Графика белого снега и черных очертаний строения схлестнулись в бесконечности снега и конечности Замка. Эта Деревня принадлежит Замку, и тот, кто здесь живет или ночует, фактически живет и ночует в Замке. Но К. даже не знал о существовании Замка и Деревни, спрашивая в какую это Деревню он попал и разве здесь есть Замок? К., человек лет тридцати, весьма плохо одет, носящий рюкзак, и опирающийся на суковатую палку. Он хочет быть востребованным, вжиться в Замок. «Говорят, он за хорошую работу хорошо и платит, верно? Когда уедешь, как я, далеко от семьи, хочется привезти домой побольше», рассуждает К. о графе Вествесте, поскольку у него есть семья, и в Замке он ради денег. – «Да я и не робкого десятка, сказал К., – мог настоять на своем и перед графом, но, конечно, куда лучше поладить миром с этим господином». Изначально К. не пресмыкается перед властью, он готов к эластичной взаимосвязи с той силой, от которой зависим в плане получения денег.

Логика, но в поле алогизма, начинается с первых часов нахождения К. в Деревне. Для того, чтобы ночевать в ней, необходимо разрешение графа, но получить разрешение графа нет возможности, потому что его нельзя беспокоить. Все дела проваливаются как в трясине и все, казалось бы, стараются помочь землемеру и помощь близка, она на расстоянии вытянутой руки, стоит только ее нащупать/ощутить, но в том-то и дело, что рука не опредмечивается, она растворяется в последний момент. Землемер нужен Замку, как оказалось, потому что Замок оплачивает и еду, и пребывание К. в гостинице, хотя и не подпускает к себе.

Замок не средневековый: есть телефон, электричество, фото. То есть Замок наличествует в любом измерении, объедает любое время. Власть Замка повсеместна без учета места и времени.

В Замке проходили некую первичную дипломатическую подготовку для проведения переговоров даже незначительные чиновники, главная канцелярия была открыта и днем и ночью. Вернее – ночью и днем, потому что чиновники работают интенсивнее в ночное время суток. Сила Замка проявлялась круглосуточно – это готовность ежеминутного участия в жизни Деревни и ежеминутного контроля над нею.

К. хочет всегда чувствовать себя свободно, но это иллюзия, поскольку от власти нельзя абсолютно освободиться. «Не знаешь ты Замка, – тихо сказал хозяин» [6, с.11]. Желание К. быть независимым не только от Замка, но и от Деревни, но он заверчен снегом, метелью, голодом, холодом, усталостью, любовью. Мечтая о свободе, К. не ощущает ее.

Замок находится в двух измерениях: он здесь, в реальности и он там, в ирреальности. Он есть: от Замка исходят нити в виде курьеров, чиновников, дающих распоряжения от имени графа Вествеста, он следит за событиями в Деревне. Но его и нет, он ускользает, меняет форму, до него невозможно добраться, хотя явственно видна дорога к нему.

Деревня знает о землемере, информационное поле вокруг него плотное, непроницаемое, всезнающее. Он нужен в Замке и одновременно отторгается им никак, не вторгаясь в его пространство. Да и для Деревни он – инородное тело, бесцеремонно вторгающееся в сцепление судеб, традиций, отношений. И видит он все происходящее через свое восприятие, свой мозг не то и не так, что и как воспринимает Деревня. За

К. присматривают и Замок, и Деревня. Но он, не вмещаясь в Замке, К. вырастает за пределы Деревни. Землемер меньше Замка, но больше Деревни.

Все, что происходит в Замке, совершается по логике, но в поле алогизма. Наиболее широкое воплощение этого проявилось в том, что тоталитарная система тем и сильна, что защищают ее даже жертвы системы [9, с. 8]. Предчувствие Замка проникает в умы уже на расстоянии без его непосредственного влияния: ему подчиняются без прямого указания на подчинение. Одновременный страх власти и священный ужас перед неугодием Замку и желание быть приближенным к этой власти обретают в Деревне нерасторжимое переплетение. Вертикаль, горизонталь и диагональ соподчинения удерживаются связью «верхов» и «низов». В Деревне возвращено чувство вины перед Замком без видимых установок. Оно есть и принимается как данность. Замок трансцендентен, немилостив, непрощающий, абсурден в своем противоречии. Сама искривленность пространства предполагает не просто зыбкость вхождения в него, но и смещение правильности поступков: они влекут за собой противоположный результат. Пространство выстраивается в линейном измерении Замок – Деревня, но линейность превращается в сферичность, которая не дает возможности проникновения в Замок. Это другая организация пространства, непостижимая Землемером. Но если бы осуществилось проникновение К. в Замок, то расстояние между двумя противоположностями сократилось. Но это по сути своей невозможно, поскольку две полярности – власть и подчинение ей – несовместимы. Замок истязает дух через изматывающий тело абсурд.

В 1917 году Рудольф Панвиц применяет термин постмодерн, который маркерами ситуации сделает иронию, непредсказуемость, ризомность, децентрализацию, отсутствие истины. С линейкой времени бессмысленно высчитывать как по годам творил Кафка, и какое произведение писалось до или после старта постмодерна. Но сам воздух постмодерна заключен в фантазмагориях, балансировании между реальностью и ирреальностью, незавершенностью сюжета, возможностью читателя самому творить текст.

Сценарий романа «Замок» спроецирован на социальные системы, которые еще пребудут в покрывающихся тотальным страхом европейских странах. Говоря о героях Франца Кафки,

Жорж Батай отмечает, что они слишком велики, большие по размерам, выходящие за пределы обозначенного сюжетом пространства. Но та же несоразмерность применима и к самому Кафке, который, не вмещаясь в обозначенное для физической жизни время, выплескивается в общечеловеческий гераклитовый поток, входя в него не просто дважды, а бесконечное количество раз.

Жорж Батай, проникая в ощущение Францом Кафкой власти, отождествляет его с ничто. Вот почему он низко склоняется перед отрицающей его властью, хотя его поклон сильнее и жестче выкрикнутой фразы; он склоняется любя, умирая и противопоставляя молчание любви и смерти тому, что не смогло бы заставить его уступить, ибо то ничто, которое не смогло бы уступить, несмотря на любовь и смерть, как раз и есть он, во всей своей самовластности [1].

Афоризм Элиаса Канетти «Кафка – главный эксперт в вопросах власти» удачен, удал и чрезмерен. Сам Кафка никогда бы не согласился с этим, ибо он – напоминатель. Он с точностью и постоянством минутной стрелки напоминает о наших неразрывных связях, о связях, которые мы стремимся обрести, установить – ко благу или наоборот, дело иного рода.

Интеллектуальная перспектива, оторвав край неба от края земли, предугадывает, что за горизонтом, какие социальные потрясения вздыбят судьбы отдельно взятых людей в отдельно взятых странах. Франц Кафка предчувствовал Замок – это не удивительно для писателя, который обречен на предвидение тонкостью кожи и складом ума.

Вброшенность в лабиринт без заведомого выхода из него проявится значительно позже в романе Умберто Эко «Имя розы» (1980 год), где герою уготована обреченность блуждания в лабиринте за грехи, в качестве наказания, как предостережение. Но из него не выйдешь, поскольку за его пределами еще трагичнее. Погибни в лабиринте. Логика Замка уводит к смерти землемера, поскольку она – спасение и от Замка, и от Деревни. Над романом «Замок» Франц Кафка работал в феврале – августе 1922 года и оставил незавершенным, но история оборванной рукописи имеет логическое продолжение. Но уже без автора.

Додумывать за писателя развитие сюжета – дело неблагородное и неблагодарное. Но, все же, разрешая себе воль-

ность полета мысли, можно предположить, чем заканчивается его попытки выхода из лабиринта. По свидетельству Макса Брода, которому Кафка поведал, чем вся история должна была завершиться: мнимый землемер получит, по крайней мере, частичное удовлетворение. Он не прекращает борьбы, но, истощенный ею, умирает [3]. Община собралась у его ложа, а из Замка спущено решение, гласящее, что хотя и не существует юридического основания разрешить К. проживание в Деревне, с учетом определенных привходящих обстоятельств ему дозволяется тут поселиться и работать. Согласно Макс Броду, Замок олицетворяет божественную справедливость, поэтому такой финал представлялся ему оптимистическим. Но на это можно взглянуть по-иному: увидеть в запоздалом решении замковых канцелярий если не насмешку над героем, то хотя бы знак некоей вселенской иронии, как заключает Дмитрий Затонский [6, с. 364]. Знакомая ситуация востребованности после смерти, хотя К. проигрывает в борьбе с Замком, с его универсальностью бюрократии, с особым миром, всасывающим высасывающим Деревню. Замку необходимо, чтобы К. умер, утратил способность к сопротивлению, рассуждению, анализу. Должно произойти обезличивание К., так же, как и чиновников.

Ситуация лабиринта, причем вне видимого влияния ирреальной силы, в произведениях Кафки наявна. Образ Замка получил самые различные толкования (по Макс Броду – символ Божественной благодати; по Альберу Камю – проекция собственных тенденций и устремлений изолированного человека, и т. д.); однако, отвлекаясь от его символики, обоснование которой всегда условно и не бесспорно, нельзя не увидеть его первичного, наглядного смысла: нечто постоянно отдаляющееся, уходящее вдаль, то, к чему землемер К. никак не может найти правильную дорогу, так как всегда сбивается и отклоняется в сторону [8].

Мир Кафки, – поясняет Альбер Камю, – поистине невыразимая вселенная, в которой человек предается мучительной роскоши: удит в ванне, зная, что из этого ничего не выйдет [4, с. 312]. Значит, герои Кафки в тайниках души сознают абсурдность окружающего и не такие уж сумасшедшие? Как бы то ни было, но они при этом самозабвенно предаются алогичным и бесцельным занятиям [8].

Подвластен ли выход из лабиринта человеку, находящемуся в разладе с реальным осознанием мира? Ведь для поиска разуму крайне требуется здравый смысл, а отчаяние и бессилие постигнут непременно тогда, когда ощутится тупик безнадежности выхода, граничащий с осознанием смерти. Если в социальной жизни лабиринт хоть каким-то образом можно оправдать, то для семьи он – истязание и не оправдан никакой мерой. Семья – не лабиринт и человек, ища в ней опору, не должен даже мыслить о запутанности отношений, отчуждении себя от тех, кто одной с ним крови. Но – это идеал. А жизнь преподнесла Францу Кафке лабиринт семейных отношений, выхода из которого он искал от момента осознания себя до собственной кончины.

В семье происходит первая социализация ребенка, где авторитет старших является непререкаемым, а образцами поведения и моделью всей последующей жизни – пример родителей. Причем с такой силой, которая поглощает тело и мысли тех, кто попадает в поле влияния. Слабыми оказываются, прежде всего, дети, для которых власть отца незыблема. В таком ощущении паттерновского начала проживает свою жизнь Франц Кафка. В «Письме отцу», написанном в ноябре 1919 года, с тихой и спокойной грустью, без внешнего надрыва, но с внутренним отчаянием бессильного и зависимого от отца взрослого тридцатилетнего мужчины рвется протест против власти [6]. И первые осознания жизни будущего писателя связаны с воздействием отца силой, криком, вспыльчивостью; выдворением на балкон ночью в одной рубашке сына после его просьбы пить; ощущением себя ничтожеством; подавлением отцовской телесностью физически слабого сына; восприятием отца как меры всех вещей подводят впоследствии к взрыву Замка, но семейного, просто обязанного в силу родства быть защитой, но не бить наотмашь.

Не так в детстве, как в юности Франц Кафка поражается той уверенности, с какой отец ощущает себя доминирующим началом. «Сидя в своем кресле, Ты управлял миром. Твои суждения были верными, суждения всякого другого – безумными, сумасбродными, сумасшедшими, ненормальными. При этом твоя самоуверенность была столь велика, что для Тебя не обязательно было быть последовательным, – Ты все равно не переставал считать себя правым. Случалось, что Ты

не имел мнения по какому-либо вопросу, но это значило, что все возможные мнения касательно этого вопроса – все без исключения – неверны...и, в конце концов, никого больше не оставалось, кроме Тебя. Ты приобретал в моих глазах ту загадочность, какой обладают все тираны, чье право основано на их личности, а не на разуме. По крайней мере, мне так казалось» [6, с. 421]. Страх, отчуждение, выдавливание из привычной среды проявлены в метаморфозе (именно так первоначально назывался рассказ «Превращение») Грегора Замзы из служащего в насекомое – это медленное иссякание и ощущение отторжения от семьи самого Франца Кафки. Те же отношения отца и сына разыгрываются в драме «Приговор», в которой отец, выступая как судья, приговаривает сына к смерти водой. Простота и ясность жизненных векторов, даваемых семьей, не просто помогает поиску путей выхода из лабиринта, а исключает даже приближение к нему.

Необычайно явны указания Кафки на схожесть отцов и чиновников. Это даже не намеки, а прямая связь мира персонажей «Замка», «В исправительной колонии», «Процесса», «Америки» с непробиваемым чиновничьим аппаратом и мира персонажей «Приговор», «Превращение» с непререкаемым авторитетом семьи. Одно и то же ощущение возникает от этих двух, казалось бы, таких разных миров. Но их объединяет сходство – упоение властью и доминирования над слабыми мира сего.

В собственной семье перед отцом Франц Кафка испытывал чувство приговоренного к повешению. Если его действительно повесят, он умрет, и все кончится. А если ему придется пережить все приготовления к казни и, только когда перед его лицом уже повиснет петля, он узнает, что помилован, он может страдать всю жизнь. Кроме того, из множества случаев, когда сын, по мнению отца, явно заслуживал порки, но по его милости был пощажён, снова рождалось чувство большой вины. Со всех сторон сын оказывался кругом виноват перед отцом [6, с. 430].

Отчаянный поиск оптимизма у самого писателя и его героев заканчивается ничто. А вот тревога, незащищенность, отторжение, одиночество, отверженность – сколько угодно обильно насыщают и семью, и социум. Страх Кафки-сына перетекает в страх Кафки-писателя за состояние мира, что он и

доводит до художественно-образного оформления и выплавленности в сбитости сюжетов.

Новеллу «Превращение» Франц Кафка написал с 18 ноября по декабря 1912 года, а опубликовал в Лейпциге в октябре 1915 года. На языке оригинала рукопись была озаглавлена как «The Metamorphosis». Лабиринт семейных отношений начинается с чистой комнаты Грегора Замзы – коммивояжера, а заканчивается для Грегора мусорным ведром, но уже в виде насекомого. Постель, комната, квартира – символы защищенности, уюта, семейной стабильности. Мусор – брошенность, вытесненность из привычного стабильного мира, ненужность для добропорядочного семейства.

События новеллы начинаются утром, такого времени дня, которое предназначено для свершения нового начала, действительно случившегося, но в трагическом воплощении. Именно с него начинается разрушение жизни Грегора Замзы. Тихий Кафка не потрясатель мира, а рассказчик о разрушении привычного и предсказуемого мира. Страх исчезновения, вытеснения из привычного устоявшегося хода вещей состоялся только потому, что человек не помещается в привычном формате – болезнь, религиозные взгляды, национальная принадлежность. В ходе разворачивания сюжета Грегор уменьшается в размерах: в начале повествования он падает с кровати с шумом, который слышен внизу, затем он открывает дверь ключом, доставая до замочной скважины, потом он умещается под диваном, из-под которого его приходится выметать, а потом и вовсе превращается в пятно на стене.

Метаморфозы происходят, начиная от осмысления себя человеком, вверженным в дела, до состояния утраты голоса и непонимания этого голоса близкими. Выдавливание Грегора из семьи, он становится лишним и от него освобождаются как от мусора. В единстве ненужности объединены Грегор Замза, превратившийся в высохшего жука, и мусор. Иссякание человека, с его надеждами, устремленностью в будущее и появление жука – мельчайшего существа, раздавленного, мешающего всем. Но после выметания Грегора в хитиновой оболочке жука из квартиры семья вдруг приобретает упругость и способность сопротивления: нашлась работа, открылись перспективы, преобразился внешний вид домочадцев. А до превращения Грегор перетекал в семью через физические усилия, заботу о близких, трудолюбие. Он содержит

квартиру, строит перспективы по обучению сестры в консерватории. Из опоры и счастья семьи Грегор превратился в ее ужас и точку напряжения, источник враждебности. Кошмарная реальность, от которой нельзя отряхнуться как от кошмарного сна. Хитиновая оболочка не мешает Грегору думать о музыке, восхищаясь игрой сестры на скрипке.

Портрет женщины в мехах, висящий у Грегора в комнате, – как ощущение, чувство женщины, послание из давней мечты. Это не его женщина, ее фото вырезано из обложки журнала, она ка недостижимая мечта. Но это именно его представления, ощущения. Он пытается спасти свой мир, защищая фото женщины в мехах, как прежнюю жизнь. В комнате висит еще одно фото – Грегор в мундире, то есть прошлое обещало стабильность настоящего. Портрет женщины в мехах и портрет Грегора в мундире – две вехи прошлой жизни, как свидетельства любви, телесной силы. Того, что было. Было!

Выстраивание линии жизни как прошлое, настоящее, будущее было логичным, понятным и прозрачным. Геометрия выстроенной жизни меняется в одно не прекрасное утро, когда вектор падения происходит без основания и обоснования. За что, почему стало отторжение «Я» от привычной оболочки – телесной, семейной, социальной. От чего предостережение или за что наказание? Ведь растворенность в семье есть не наказание, а добродетель. Изменение формы не повлекло в данном случае за собой изменение содержания, ведь оно осталось прежним и Грегор нежно продолжает относиться к близким. Уже превратившись в жука, он готов залезть на шею к играющей на скрипке сестре и прошептать ей о своем желании оплатить ее обучение в консерватории. В хитиновой оболочке, без голоса, вызывающий омерзение, он продолжает оставаться все тем же Грегором.

Но меняются родители и сестра, хотя их оболочки продолжают оставаться человеческими. Сестра первой проявляет сочувствие к изменившемуся Грегору и первой нисходит до предложения убийства брата. Она отнимает имя у Грегора, говоря о том, что это животное преследует семью. Между двумя противоположными точками – участия и ненависти – времени проходит необычайно мало. Что относительно родителей к сыну, то амплитуда их отношения колеблется от недоумения, любопытства, сочувствия, неловкости, стыда до

негодования, презрения, омерзения. Это родители и сестра превращаются в насекомых в метафорическом смысле. Владимир Набоков замечает, что Грегор – человек в обличии насекомого, его родичи – насекомые в обличии человека. Отец через бросание яблок в Грегора приближает его кончину, а мать через страх, отвращение, равнодушие, передвижение мебели в комнате сына. Вначале подача еды Грегору в комнату происходила с теплотой и сочувствием, но потом сестра ногой подвигает ему снедь. И независимо от того, прикоснулся к еде Грегор или нет, сестра сметает ее веником. Костистая поденщица с теплом относится к перевоплотившемуся Грегору, называя его даже ласково навозным жучком. Чужие люди – бородатые постояльцы – вытесняют семью из привычного уклада, диктуют свой ритм жизни, свои правила. Ради постояльцев в квартире освобождается пространство и мебель переносится в комнату Грегора. Заполнением хламом его жилища ставит самого Грегора на один уровень с ненужными вещами. Вынос мебели из комнаты Грегора – это вынос его жизни, разрушение его мира, начиная от уроков, обучения в реальном, и даже народном училищах до момента превращения. Он и сам для семьи стал сродни использованным вещам, которые когда-то приносили пользу, и от них вот-вот стоит отказаться. Для родителей и сестры Грегора уже нет, он превратился в ничто. Франц Кафка в новелле не обозначает родителей Грегора именами, они обезличены.

Писатель разделяет Грегора и его домочадцев, но в новелле действуют еще одни разделяющие пространство персонажи – это двери. Они живут своей самостоятельной жизнью, отделяя персонажей друг от друга, квартиру от улицы, комнаты друг от друга

На исходе марта, когда насекомые пробуждаются, Грегор умирает. Семья не берет на себя ответственности за смерть Грегора и тело выбрасывается не членами семьи, а служанкой, которая называет Грегора в третьем лице: «Оно издохло... Вот оно лежит совсемдохлое». Утром превратился в жука, утром умер. Время надежд, ожидания свершений упругого дня. Все происходящее с Грегором не совпадает с оптимизмом, а, напротив, источает переход к катастрофе.

Тихий Грегор со всепрощением и пониманием освобождает семью от себя, которая его кончину воспринимает с теплым чувством облегчения. Все действие происходит в за-

мкнутом пространстве квартиры, а смерть разрывает его очерченность: семья выходит на прогулку, едет на трамвае. И сразу же меняется цветовая окраска мира и настроения: солнечно, здорово, телесно и дышится жизнью, перспективой. Новое тело Грегора приводит его к гибели, а новое тело его сестры Греты, налившееся в последние месяцы, обещает замужество, продление себя в потомстве. Ради этого стоило Грегору оставить мир, чтобы еще раз послужить близким людям, их комфорту, крепости жизни. В конце концов, семья решается на переезд на новую квартиру, которая меньше, а значит, и дешевле стоит. Это символ отказа того пространства, где был потерян Грегор, чью кончину все приняли с облегчением перед семьей выстраиваются новые плотные плотские планы, а причина досадного волнения забыта. Да и никто не объяснил истоки превращения – ни Франц Кафка, ни семья. Писатель протокольно ставит семью перед случившимся, а члены семейства и не задают вопросы, осознавая, что привычный мир, в котором они находились под защитой сына и брата, с превращением Грегора в насекомое рассыпается.

Франц Кафка не объясняет, а превращение человека в насекомое представляет как факт, за которым прослеживается сам писатель в состоянии переживания отверженности от собственной семьи. В своей ранней вещи «Свадебные приготовления в деревне» писатель помещает строки: «Мне кажется, что когда я лежу на кровати, у меня тело какого-то большого жука – какого-нибудь рогача или майского жука». Франц Кафка для семьи был жуком, для которого хитиновый панцирь воплощение защиты. Очерченность Кафки болезнью, задавленностью отцом, любовными неурядицами проявляется в ощущении себя насекомым безобразным, раздражающим, мешающим. Покинув этот мир в возрасте сорока лет, Кафка не ощутил в полной мере любовь, но зато отчуждение, непонимание, отверженность составляли его естество. Не в этом ли похож Кафка на созданного им героя, который высыхает, самоуничтожается, поскольку иссякла его востребованность? Вне социума, без цели, принадлежности к семье, служения, ощущения значимости завершается сущность человека. Из этого лабиринта выход один – гибель. Очевидно, что находясь в собственных запутанных лабиринтах, писатель в тридцатилетнем возрасте помышлял о самоубийстве. И еще

более очевидно, что герои его произведений «Замок», «Пре-
вращение», «Процесс» тридцатилетние люди, находящиеся в
возрасте свершений, выходят из лабиринта через уход из жи-
зни.

Лабиринт начинается в этом мире и в этой точке реально-
сти и уводит в заповедь. Из него можно выйти и он позво-
ляет вернуться к исходной точке. Можно не выйти и не вер-
нуться. И не дойти до сердцевины, поскольку она скрыта и не
каждому раскрывает себя. А достижение сердцевины лабири-
нта – преодоление себя, спасение от соблазнов, непредска-
зуемости. Лабиринт поглощает, вбирает, втягивает в любом
измерении, будь то семья, служба, любовь, сон. Приглашает
войти, но без обещания выхода. Это только в греческом мифе
Ариадна бросает Тесею нить. В него главное не зайти, а выйти
из него. Кафкианский лабиринт поглощает безо всякой на-
дежды на возвращение. В лабиринтах кафкианских персона-
жей цель видна. Но она неоправданно эфемерна, ускользая от
рационального обоснования. Для кафкианских героев дости-
жение такой цели – это действие без результата. И лабирин-
том становится сама цель. Попробуй, дотянись, а перед этим
осознай ее.

Лишь ничтожества скромны – гетевская сентенция не
применима к Кафке. Скромны, но не ничтожество. Скромны
до уничтожения рукописей, принесших славу после смерти,
но при этом, не осознавая себя мировой величиной при жи-
зни. Скромны в своем отчаянии, узнав о неодобрении отца в
его занятиях литературой. Как раз по этому поводу Мишель
Карруж отметил, что Кафка ужасно переживал, что к самым
серьезным его занятиям его ближайшие родные относились
так несерьезно. Это повод для кафкианского восклицания о
противоречии – когда он нежно заботился о семье, но в дей-
ствительности родные люди не восприняли Франца как писа-
теля. Неприятие творчества семьей – еще один лабиринт,
приведший к мысли об уничтожении написанного.

В обиде на отторжение от общества Жорж Батай усматри-
вает непостижимое противоречие. Все свои произведения
Кафка хотел озаглавить: «Искушение вырваться из-под отцо-
вского влияния». Но мы не должны забывать, что Кафка не
хотел вырваться оттуда по-настоящему. Он хотел жить там
как изгой. Он с самого начала знал, что его изгнали. Не кто-
то и не он сам. Просто он вел себя так, что становился

невыносим для мира заинтересованной деятельности, мира промышленности и торговли; он желал остаться в ребячестве грез [1]. Ребячество грез оберегало от взрослого мира, где нет места вечному наивному удивлению, но взрослея телесной оболочкой, вряд ли кому удавалось сохранять абсолютную гармонию внутреннего и внешнего. Неприятие взрослого жестокого мира приводило к желанию облечь свое естество в непроницаемый шар. Отсюда и откровение Франца Кафки, записанное в дневниках: все, что он создал, это достижение одиночества. Одиночество как образ, модель поведения, специфический метод социализации, который спасает и делает весьма удобным пребывание в среде семейного отчуждения. Наедине со всеми. Нежелание выйти из лабиринта, и даже спасение в нем от мира – еще один рукотворный тупик со сдавленностью до точки во Вселенной.

Франц Кафка потерял веру в себя, зато обрел чувство вины. Слабость. Отсутствие уверенности в своих силах кардинально повлияло на женитьбу писателя. Писатель был лишен того, что составляло «самое большое благо, которое дано человеку» [6, с. 449]: женитьба, создание семьи, принятие всех рождающихся детей, сохранение их в этом неустойчивом мире и даже готовность повести их вперед через все непредсказуемости жизни. Лишение возможности создавать семью означает лишение возможности продлевать себя во времени и пространстве, за которым прерывание линии жизни, забвение и физическая смерть. В «Приговоре» звучит та же мысль, что и в «Письме отцу» о руководстве отцом всей жизни взрослого сына, доведя его до самоуничтожения физически или морально. Создать семейный очаг, стать самостоятельным в глазах отца для Франца Кафки означало навлечь позор на доброе имя отца. Естество продления себя в потомстве путается в лабиринтах страха и самоуничтожения, так и не найдя выхода в супружестве.

Одна из главных эмоций, наполняющих произведения Кафки, – страх. Это была и личная, биографическая черта писателя: страх перед отцом, страх накануне женитьбы и т. д. Понятие страха у Кафки отчасти восходит к Кьеркегору, к которому он, проявлял большой интерес. Дело в том, что именно датский философ провел грань между двумя видами страха – «Furcht» и «Angst». Первый вид относится «к нечто определенному», в то время как второй вид связан с духом

(Geist) и имеет общий, неконкретный характер. Поэтому животному не свойственен такой страх, как Angst, ибо в своей естественности оно не обладает духовностью. Увы, этот вид страха слишком знаком героям Кафки, постоянно ожидающим опасность не от конкретного лица, но – ниоткуда или (как в «Процессе» и «Замке») «сверху». Очевидно кодировка текста, их двойной и тройной подтекст позволили Льву Копелеву в статье «Трудное путешествие Франца Кафки в Россию» выделить мысль о том, что частицы реального мира, повседневные события, заурядные люди предстают в загадочных, фантастически абсурдных связях и взаимодействиях. Простые и словно бы даже наивные прозаические тексты как бы закодированы, поэтически многозначны, символичны. Однако всегда явственны сочувствие, сострадание автора, его душевная близость к униженным, страдающим, расчеловеченным людям.

Всю свою жизнь Кафка ощущал страх, как отмечает Юрий Безелянский, изучая кафкианский мир. Страх его преследовал как «грозный подземный гул». «Смолкнет он – смолкну и я, это мой способ участия в жизни, кончится этот гул – я кончу и жизнь», – признавался он в дневнике. Многолетний друг и первый биограф писателя Макс Брод, описывая психоаналитический портрет Франца Кафки, отмечает, что он всю жизнь колебался между двумя «полюсами притяжения» – здоровьем и болезнью. Его личность двоилась. В стадии «болезни» Кафка проявлял маниакальную требовательность к себе, щепетильную совесть, испытывал постоянный комплекс вины перед отцом и семьей, на него находили приступы неуверенности в своем творческом призвании, гипертрофической неуверенности, казалось бы, в самых простейших ситуациях, – все вызывало у него неврастению, гнетущее чувство одиночества и самоуничтожения. Это наглядно видно из дневниковых записей Кафки и его литературных сочинений. Ужас. Заброшенность. Страх. [2]. Не те ли ощущения испытывает человек, попавший в лабиринт и мучающийся в тщетных попытках выхода из него?

Из лабиринта выход есть, но он сопряжен с его мучительным поиском. Иначе – тупик. Тупик во всех перечисленных состояниях. Выходил из него Франц Кафка или хотя бы предпринимал попытки найти путь из антиномий власти и свободы, семьи и одиночества, любви и отверженности, болезни

и здоровья, снов и реальности, творчества и обыденности, службы и полета. Эти противоположности состояния как два рога критского священного быка, коему поклонялись, и который символизировал ритуальный топорик с двумя лезвиями.

Крайне радикально о сущности лабиринта выразился Майкл Эртон, сравнивая жизнь каждого человека с лабиринтом, в центре которого находится смерть, прежде чем окончательно перестать существовать, человек проходит последний лабиринт. Не такие ли лабиринты проходил Франц Кафка, прежде чем уйти в вечность?

ЛИТЕРАТУРА

1. Батай, Жорж. Литература и Зло / Жорж Батай / Пер. с фр. и коммент. Н.В. Бунтман и Е.Г. Домогацкий, предисл. Н.В. Бунтман. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 166 с.

2. Безелянский, Юрий. Кафкианский мир. Источник: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-avstriya/bezelyanskij-yu-kafkianskij-mir.htm>

3. Брод, М. Отчаяние и спасение в творчестве Франца Кафки [Электронный ресурс] / Макс Брод // Режим доступа : <https://www.kafka.ru/kritika/read/otchayanie-i-spasenie>

4. Камю, Альбер, Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки. «Сумерки богов», М., 1989, с. 309–310, 311–312.

5. Кафка, Франц. Америка: Роман / Пер. с нем. М. Рудницкого.– СПб.: Азбука, 2000. – 384 с.

6. Кафка, Франц. Замок; Роман; Новеллы и притчи; Письмо отцу; Письма Милене: Пер. с нем. / Авт. предисл. Д. Затонский. – М.: Политиздат, 1991. – 576 с.

7. Кафка, Франц. Процесс [Электронный ресурс] / Франц Кафка // Режим доступа : <http://lib.ru/KAFFKA/process.txt>

8. Манн, Юрий. Встреча в лабиринте (Франц Кафка и Николай Гоголь) [Электронный ресурс] / Юрий Манн // Режим доступа : <http://www.kafka.ru/kritika/read/vstrecha-v-labirint>

9. Рудницкий, Михаил. Предисловие. // Кафка Ф. Америка: Роман / Пер. с нем. М. Рудницкого.– СПб.: Азбука, 2000. – 384 с.

10. Рудницкий, Михаил. Примечания. // Кафка Ф. Америка: Роман / Пер. с нем. М. Рудницкого.– СПб.: Азбука, 2000. – 384 с.

ГЕТЬ ВІД ЄВРОПИ

Современное состояние духовного кризиса европейского общества отражено в Парижской декларации «Европа, в которую мы сможем верить», принятой представительной группой европейских интеллектуалов в 2017 году. Истинную Европу они отличают от ложной и детально описывают типичные черты последней. Декларируемый Украиной европейский выбор побудил киевского философа А. Баумейстера с тревогой рассматривать негативные характеристики европейского социума. Если три года назад он писал лишь о соблазнах ложной Европы, то сегодня говорит уже об угрозах для Украины. А с учетом богоборческого и атеистического характера украинской классики, следует признать наличие очевидной угрозы и для Европы со стороны весьма токсичной украинской культуры.

Разговоры о духовном кризисе ведутся в Европе не одно десятилетие. Очередной вехой в этих размышлениях стала Парижская декларация, опубликованная группой европейских интеллектуалов 7. 10. 2017 года. Ее авторы представляют Францию (Реми Браг, Филипп Бенетон, Пьер Манан, Шанталь Дельсоль), Германию (Роберт Шпеман), Великобританию (Роджер Скратон), Нидерланды (Барт Ян Спрейт), Бельгию (Маттиас Сторме), Норвегию (Янне Холанд Матлари), Испанию (Далмасио Negro Павон), Венгрию (Ланчи Андраш), Чехию (Роман Йох) и Польшу (Рышард Легутко). Поставленный ими диагноз современной духовной ситуации (который отличается системным характером) представляет взгляд изнутри Евросоюза.

Однако на эту ситуацию можно взглянуть также извне. Например, киевский философ Андрей Баумейстер откликнулся на эту декларацию дважды. Если в первый раз (30.10.2017 г.) речь у него шла лишь «О соблазнах ложной Европы» [2], то во второй раз (7.03.2019 г.) описываются уже «Угрозы ложной Европы» [3].

Но оказывается, что не только «ложная» Европа является угрозой для «настоящей» Украины. Украинская культура также представляет существенную угрозу для «настоящей»

Европы. Эта точка зрения на данную проблему представлена здесь взглядом из Луганска.

1. Ложная Европа: взгляд из Евросоюза.

Русский перевод Парижской декларации под названием «Европа, в которую мы сможем верить» размещен на сайте «Гефтер» [1]. Используя этот перевод, приведем ключевые моменты этого документа близко к тексту (*Здесь и далее текст выделен авторами – К. Д.*). По мнению авторов, существует две Европы.

Есть подлинная Европа, наша драгоценная и незаменимая цивилизация. *Европа принадлежит нам, и мы принадлежим Европе. Нам угрожает ложная Европа.* Эта ложная Европа воображает себя квинтэссенцией нашей цивилизации, но на самом деле она исполнена решимости отнять у нас наш дом. **Ложная Европа утопична и тиранична.** Покровители ложной Европы околдованы суевериями о неизбежности прогресса. Они считают, что История на их стороне, – и эта вера делает их высокомерными и презрительными, неспособными признать, что у постнационального, посткультурного мира, который они строят, есть серьезные изъяны. Они игнорируют и даже отвергают христианские корни Европы.

Погрязшая в предрассудках, суевериях и невежестве и ослепленная тщеславными, самодовольными планами утопического будущего, ложная Европа рефлекторно подавляет инакомыслие. Делается это, разумеется, во имя «свободы» и «терпимости». Перед нами тупик. Самая большая угроза будущему Европы – не российский авантюризм и не мусульманская иммиграция. Подлинная Европа в опасности из-за того, что ложная Европа гнетет и душит наше воображение. Наши нации и наша общая культура выхолощены иллюзиями и самообманом о том, что такое Европа и чем ей следует быть.

Истинная Европа – это сообщество наций. Притягательность имперской формы сохранилась, но возобладали национальное государство. Истинная Европа была отмечена христианством. Универсальная духовная империя Церкви принесла в Европу культурное единство, но сделала это без империи политической. Именно это дало шанс частным гражданским лояльностям раскрыть себя в рамках общей европейс-

кой культуры. Неслучайно упадок христианской веры в Европе сопровождается новыми усилиями по установлению политического единства – империи денег и правил, прикрытой сантиментами псевдорелигиозного универсализма, которую строит Европейский союз.

Христианство поощряло культурное единство. Настоящая Европа утверждает равное достоинство каждого человека независимо от пола, ранга или расы. Это также идет от наших христианских корней. Наши высокие добродетели явно относятся к христианскому наследию: справедливость, сострадание, милосердие, прощение, миротворчество, благотворительность. Христианство революционизировало отношения между мужчинами и женщинами, беспрецедентно высоко ценя любовь и взаимную верность. Заключение брака позволяет мужчинам и женщинам раскрыться в коммунитарности. Большинство жертв мы приносим ради наших супругов и детей. Этот дух самопожертвования является еще одним христианским вкладом в Европу, которую мы ценим. **Христианские корни питают Европу.**

Классические корни поощряют стремление к совершенству. Подлинная Европа никогда не была совершенной. И будущее Европы – в новой присяге на верность нашим лучшим традициям, а не в ложном универсализме, провоцирующем беспамятство и самоотречение. Европа началась не с Просвещения. Наш любимый дом не достигнет высшей стадии развития в Европейском союзе.

Настоящая Европа в опасности. Достижения народного суверенитета, сопротивление империи, космополитизм, способный к гражданской любви, христианское наследие гуманной и достойной жизни, живая вовлеченность в наше классическое наследие – все это куда-то ускользает. По мере того как покровители ложной Европы конструируют свою псевдохристианскую цивилизацию с всеобщими правами человека, мы утрачиваем наш дом. **Мы теряем наш дом.**

Ложная Европа похвально своей беспрецедентной приверженностью человеческой свободе. Однако эта свобода очень однобока. Она подает себя как освобождение от всех ограничений: сексуальная свобода, свобода самовыражения, свобода «быть собой». Поколению-68 видятся в этих свободах драгоценные победы над некогда всемогущим и гнетущим «культурным режимом». Они считают себя величайшими

освободителями, и их пороки одобряются как благородные нравственные достижения, за которые весь мир должен быть им благодарен. **Преобладает ложная свобода.**

Однако для более молодых поколений Европы эта позолота на реальности уже потускнела. Распущенность и гедонизм часто приводят к скуке и тяжкому чувству бессмысленности. Узы брака ослабли. В бушующем море сексуальной свободы глубинная потребность наших молодых людей жениться и создавать семьи часто фрустрирована. Свобода, которая ставит крест на самых сокровенных устремлениях нашего сердца, стала проклятием. Наше общество, похоже, впадает в индивидуализм, изоляцию и бесцельность. Вместо свободы мы обречены на пустое следование догмам культуры, движимой потребительскими инстинктами и СМИ. Мы обязаны сказать правду: поколение-68 разрушало, но не строило. Они создавали вакуум, который в настоящее время заполняется социальными сетями, дешевым туризмом и порнографией. **Обретают силу индивидуализм, изоляция и бесцельность.**

В то же самое время, когда беспрецедентная свобода становится предметом хвастовства, европейская жизнь подвергается все более жесткому регулированию. Правила, которые зачастую формулируют безликие технократы заодно с заинтересованными лицами во власти, регулируют наши трудовые отношения, наши бизнес-решения, наши образовательные квалификации, все наши новостные и развлекательные СМИ. Политкорректность накладывает жесткие табу, из-за которых бросить вызов существующему положению вещей становится нереальным. Ложная Европа на деле не поощряет культуру свободы. Она продвигает культуру рыночно обусловленной солидарности и политически навязанного подчинения. **Нас контролируют и нами управляют.**

Ложная Европа также похвастается своей беспрецедентной приверженностью равенству. Она утверждает, что поощряет отсутствие дискриминации и вовлечение в общественно-социальную жизнь всех, вне зависимости от расы, религии и идентичности. Здесь действительно был достигнут определенный прогресс, однако возобладал утопический отрыв от реальности. Как ни парадоксально, затея с европейским мультикультурализмом, отрицающая христианские корни Европы, спекулирует (в преувеличенной и неразумной форме)

на христианских идеалах универсальности благотворительности. Она требует от европейских народов самоотречения, сильного развее только для святых. Мы должны прославлять колонизацию нашей родины и кончину нашей культуры как величайшее достижение Европы в XXI веке – коллективный акт самопожертвования во имя некоего нового глобального «сообщества мира и процветания», зарождающегося «здесь и сейчас». **Мультикультурализм несостоятелен.**

В этом образе мышления есть масса недобросовестного. В последнем поколении все более широкий сегмент нашего правящего класса приходит к выводу, что их собственный личный интерес заключается в ускоренной глобализации. Они хотят создать наднациональные институты и контролировать их в отсутствие неудобств, связанных с народным суверенитетом. Наднациональные мандарины из институций Евросоюза обнуляют политическую жизнь Европы, предлагая на все вызовы один и тот же технократический ответ: альтернативы нет. Мы сталкиваемся с мягкой, но все более реальной тиранией. **Технократическая тирания усиливается.**

Высокомерие ложной Европы теперь становится очевидным, как бы ее приверженцы ни старались упрочить удобные иллюзии. Прежде всего, ложная Европа оказалась слабее, чем кто-либо мог себе представить. Массовых развлечений и консюмеризма недостаточно для поддержания гражданской жизни. Мы должны говорить честно: европейские общества порядком поизносились. Стоит нам только чуть-чуть присмотреться, и мы увидим использование по максимуму государственной власти, социального «менеджмента» и индоктринацию под видом образования. Фанатизм, с которым мы относимся к своим футбольным кумирам, – отчаянное проявление глубинной человеческой потребности в солидарности; иных способов удовлетворять ее в ложной Европе не осталось. **Ложная Европа хрупка и бессильна.**

Интеллектуальные классы Европы, увы, в числе главных идеологических поборников тщеславия ложной Европы. Без сомнения, наши университеты – один из главных предметов гордости европейской цивилизации. Но если некогда они стремились передать каждому новому поколению мудрость прошедших веков, то сегодня большинство университетов приравнивает критическое мышление к прямолинейному отречению от прошлого. Наши университеты в настоящее

время являются активными агентами продолжающегося культурного разрушения. Возобладала культура отречения.

Элиты надменно выставляют напоказ свою добродетельность. Европейские народы все более скептически относятся к их помощи. Этот растущий скепсис целиком и полностью оправдан. Сегодня в Европе доминирует бесцельный материализм, который, похоже, не может мотивировать мужскую и женскую часть населения заводить детей и создавать семьи. Культура отречения лишает следующее поколение ощущения идентичности.

По мере того как социальные разногласия и гражданское недоверие становятся очевидными, в европейской общественной жизни появляется все больше злобы и жестокости. И никто не может сказать, куда все это заведет. Мы не обязаны идти этим путем. Мы должны свергнуть тиранию ложной Европы. Альтернатива **есть**.

Работа обновления начинается с богословского самопознания. Универсалистские и универсализующие притязания ложной Европы показывают, что перед нами эрзац-религиозная затея – от начала до конца нашпигованная требованиями верности и анафем. Это мощный опиат, который парализует Европу как политический орган. Мы должны настаивать на том, чтобы религиозные устремления были сведены исключительно к области религии, а не политики и тем более не бюрократической администрации. Чтобы восстановить нашу политическую и историческую субъектность, крайне важно заново секуляризировать европейскую общественную жизнь. **Мы должны отказаться от эрзац-религии.**

Мы не должны терпеть словесное запугивание, а тем более макабрические угрозы. Нам нужно защищать тех, кто говорит разумно, даже если мы думаем, что их взгляды ошибочны. Будущее Европы должно быть либеральным в лучшем смысле слова, что означает подтверждение приверженности активным публичным дебатам, свободным от всепоглощающих угроз насилия и принуждения. **Мы должны восстанавить истинный либерализм.**

Преодолеть заклятие ложной Европы и прекратить ее утопический, псевдорелигиозный крестовый поход за «безграничный мир» можно, если поощрять новый тип государственного управления и новые типы лидерства. Достойный

политический лидер руководит общественным благосостоянием конкретного народа.

Если мы признаем особый характер европейских народов и их христианскую чеканку, нас не должны приводить в замешательство ложные претензии мультикультуралистов. Иммиграция без ассимиляции – это колонизация. И хорошо бы ее отвергнуть. Язык мультикультурализма был импортирован из Америки. После того как было принято большое число иммигрантов, Америка два поколения держала двери вполне себе плотно закрытыми. Европе следует перенять американский опыт, вместо того чтобы заимствовать современную американскую идеологию. Мы не должны допустить, чтобы мультикультурная идеология искажала наши политические суждения о том, как наилучшим образом служить общему благу. Но это требует от национальных общин достаточной сплоченности и солидарности, чтобы воспринимать свое благо как общее. **Мы должны возродить национальное единство и солидарность.**

Многие ошибочно полагают, что Европу сотрясают одни только несогласия по поводу иммиграции. По правде говоря, это всего лишь одно измерение более общей социальной дезинтеграции, которую пора бы обратить вспять. Мы должны восстановить престиж социальных стратификаций. Родители, учителя и профессора обязаны формировать тех, кто находится под их опекой. Здоровая демократия требует социальных и культурных иерархий, которые поощряют стремление к совершенству и воздают почести тем, кто служит общему благу. Нам нужно восстановить кодекс духовного величия и воздать ему должные почести, чтобы наша цивилизация могла противостоять растущей силе оголтелого богатства, с одной стороны, и вульгарных развлечений, с другой. **Надлежащая иерархия питает социальное благополучие.**

Европе необходимо обновить консенсус относительно нравственной культуры, чтобы можно было направить население в сторону добродетельной жизни. Мы не должны допускать, чтобы ложное представление о свободе препятствовало разумному использованию законов по сдерживанию пороков. Мы должны прощать человеческую слабость, но Европа не сможет процветать, если не будет восстановлено коммунитарное стремление к честному поведению и человеческому совершенству. Культура достоинства вытекает из порядочности

и выполнения обязанностей, соответствующих тому или другому социальному положению. Нам необходимо возобновить обмен уважением между социальными классами, характерный для общества, где вклад каждого оценивается по достоинству. **Мы должны возродить нравственную культуру.**

Экономический рост, хоть он и благодетелен, сам по себе не является высшим благом. Рынки должны ориентироваться на социальные цели. Сегодня корпоративная мегаломания угрожает даже политическому суверенитету. Нации должны сотрудничать, чтобы дать отпор амбициям и бездумности глобальных экономических сил. Мы поддерживаем разумное использование государственной власти для поощрения неэкономических социальных благ. **Рынки нужно ориентировать на социальные цели.**

Мы считаем, что история и культура Европы заслуживают сохранения. Однако наши университеты слишком часто предадут наше культурное наследие. Нам необходимо реформировать образовательные программы, чтобы способствовать передаче нашей общей культуры, а не воспитывать молодых людей на культуре отречения. Учителя и наставники на всех уровнях должны быть связаны обязательством помнить. Они должны гордиться своей ролью – моста между поколениями прошлого и поколениями, заступающими на их место. Мы также должны возродить высокую культуру Европы, сделав возвышенное и прекрасное нашим общим стандартом, и отвергнуть деградацию искусств до уровня политической пропаганды. Это потребует культивирования нового поколения «патронов культуры». Корпорации и бюрократы оказались горе-пастырями культуры. **Необходимо реформировать образование.**

Брак является фундаментом гражданского общества и основой гармонии между мужчиной и женщиной. Теснейшая из всех связей – деятельность, сосредоточенная вокруг ведения домашнего хозяйства и воспитания детей. Мы утверждаем, что самые главные роли в обществе для нас как представителей человечества – это роли отца и матери. Брак и дети являются неотъемлемой частью любого представления о человеческом процветании. Дети требуют самопожертвования от тех, кто вводит их в мир. Любая подобная жертва благородна и заслуживает похвалы. Мы поддерживаем разумную

социальную политику, поощряющую и укрепляющую брак, деторождение и воспитание детей. Общество, в котором дети нежеланны, не имеет будущего. **Брак и семья необходимы.**

Мы отвергаем как ложное утверждение о том, что нет никакой ответственной альтернативы искусственной, бездушной солидарности «единого рынка», транснациональной бюрократии и пустопорожним развлечениям. Хлеба и зрелищ недостаточно. Ответственной альтернативой является подлинная Европа. **Наше будущее – это истинная Европа.**

В данный момент мы просим всех европейцев присоединиться к нам, отвергнув утопическую фантазию о «мультикультурном мире без границ». Мы по праву любим нашу родину и стремимся передать нашим детям все то благородное, что мы сами получили в наследство. Как европейцы мы также разделяем общее наследие, и оно является для нас, в том числе, требованием мирно жить вместе, как Европа наций. Наше предложение – вернуться к национальным суверенитетам, но восстановить достоинство общей политической ответственности – за будущее Европы. **Мы должны взять на себя ответственность [1].**

2. Ложная Европа: взгляд из Киева

На европейский крик отчаяния откликнулся киевский философ Андрей Баумейстер. Отметив, что «без преувеличения этот документ можно назвать одним из главных интеллектуальных событий года», он признал, что «европейская пресса обошла публикацию Парижской декларации молчанием. Дружное молчание европейской прессы вполне красноречиво. Оно является еще одним свидетельством того, что в современной Европе идеи, идущие вразрез с общепринятым интеллектуальным “трендом”, стараются игнорировать или маргинализировать» [2].

А как отнеслись к идущим вразрез с общепринятым интеллектуальным «трендом» идеям на Украине? Аналогично. Ведь «Україна – це Європа».

Три года назад философ закончил свой текст риторическим вопросом: «Для нас, украинцев, эти вопросы имеют еще один важный аспект. Мы должны ответить на вопрос, какую Европу мы выбираем? Поэтому идеи, изложенные в Париж-

ской декларации, имеют для нас особую ценность» [2]. Вопрос риторический, поскольку ответ на него всем известен: в 2014 году Украина выбрала именно ту Европу (со всеми ее плюсами и минусами), о которой написали в своей декларации европейские интеллектуалы.

Спустя два года (7.03.19 г.) на том же сайте Баумейстер писал уже не о соблазнах, а об угрозах ложной Европы: «Загрози хибної Європи: філософські роздуми над текстом Паризької декларації» [3]. Таким образом, отрицательная динамика налицо. Философ пишет уже на «державній мові». Отсюда можно заключить, что названные в декларации проблемы приобретают остроту и актуальность уже не столько для Европы, сколько для Украины.

«Для тексту вкрай важливе протиставлення справжньої і хибної Європи. Справжня Європа передусім сформувалася під впливом християнства... Ідейно-культурній єдності християнства автори Декларації протиставляють псевдорелігійний універсалізм грошей і жорсткого нормативного регулювання в межах ЄС. Хибна Європа ґрунтується на засадах світського універсалізму, на принципах секулярної квазірелігії, доволі агресивної, авторитарної, навіть із елементами «м'якої тиранії». На думку авторів Декларації Європа зраджує власній ідентичності, відмовляючись від культурного спадку. Той проект, що розвивається сьогодні, – це хибна Європа. Ідеться про штучний конструкт, базований на секулярній релігії, на своєрідному контробразі християнства. Прихильники хибної Європи створюють лжехристиянство універсальних прав людини.

Автори Декларації намагаються виявити основні лінії спотворення справжньої Європи. Передусім вони звертають увагу на хибний образ свободи, яку адепти нового порядку тлумачать як звільнення від усіх обмежень. Така свобода породжує лише гедонізм, що викликає відчуття нудьги та втрати сенсу. Є одразу кілька аспектів спотворення й обмеження свободи. На одному полюсі – внутрішня порожнеча, відчуження, втрата моральних орієнтирів, збідніння духовного світу, а на іншому – посилення зовнішнього контролю, обмеження свободи слова, уникання гострих дискусій.

Інша лінія спотворення європейської ідентичності – хибний образ культури. Автори критикують проект мультикультуралізму, показуючи його як карикатуру на ідею християн-

ської універсальної любові до ближнього. Цьому проєктові відводили роль терапевтичного знаряддя для зняття культурної напруги – але спроба виявилася невдалою.

Особливу увагу приділено відповідальності інтелектуалів за те, що коїться з європейською політикою й культурою в останні десятиліття. Досвід останнього часу тільки потверджує тезу про те, що сьогодні в університетах панує дух конформізму й нетерпимості до інакодумства: наприклад, серед представників двох останніх поколінь німецьких філософів переважає думка, що утримання філософа від публічної активності – це радше благо, ніж недолік.

Насамперед важливо позбавити хибну Європу її ідеологічного фундаменту, відмовитися від фальшивого універсалізму – секулярної квазірелігії. Цей заклик свідчить проти тлумачення Декларації як проєкту нового середньовіччя й архаїзації. Він демонструє також певність авторів у тому, що головне джерело сучасних європейських проблем – світоглядне, ментальне. Нав'язаний штучний інтелектуальний конструкт (світська квазірелігія) паразитує на християнстві (з одного боку, відмовляючись від нього, а з іншого, використовуючи деякі християнські ідеї в секуляризованій і спотвореній формі).

Ця квазірелігія агресивна й нетерпима, вимагає сліпої віри й закрита для аргументів – тому її треба піддати раціональній деструкції. Ідеться про серйозний інтелектуальний виклик: виявити повну безпідставність, суперечливість і непослідовність поширеної серед технократичних європейських еліт квазірелігії.

Здорова демократія потребує соціальних і культурних ієрархій, які сприяють прагненню до досконалості й шанують тих, хто служить спільному благу. Авторам тут ідеться не про якісь нові групи привілейованої аристократії, а про важливу роль моральних авторитетів, позиція яких не залежить від впливу великих грошей чи від тиску вульгарної посередності. Європа успадкувала від античності уявлення про чесноти й ідею людського вдосконалення. Християнство посилило їх, додавши до античного списку ще авторитет святості й духовної аскези. Без моральних авторитетів, тільки орієнтуючись на культ багатства й розваг, демократичне суспільство не може повноцінно функціонувати й розвиватися» [3].

Философ считает, что «диагноз, запропонований у Декларації, цілковито коректний і відповідає реальній ситуації. Комусь ці тези можуть здатися занадто різкими й полемічними, але перед обличчям реальної небезпеки треба називати речі своїми іменами. Ідеться не про те, чи різкі певні висловлювання, а про те, чи вони обґрунтовані. На моє глибоке переконання, кожен параграф Декларації можна розгорнути в окреме дослідження, яке вдасться підтвердити сильними аргументами й реальними фактами.

Звісно, виникає запитання, чи можна змінити ситуацію. Чи можна насправді протистояти небезпекам хибної Європи? Наскільки життєздатні кроки виходу з кризи, запропоновані в Декларації?.. Зараз ми перебуваємо на важливому роздоріжжі. Нас намагаються переконати в безальтернативності того шляху, який обрала сьогодні Європа. Однак багато хто в Європі та світі відчуває, що теза про безальтернативність глибоко хибна. Усе залежить від волі й інтелектуальної мужності тих, хто бачить Європу іншою, для кого європейська традиція, великий спадок античності, християнства і європейського модерну – не порожні слова. Автори Декларації застерігають від пасивності й закликають до активної співпраці. Варто до них дослухатися» [3].

Так говорив Баумейстер...

3. Ложная Европа: взгляд из Луганска

Киевский философ является сторонником «настоящей» христианской и противником «ложной» безбожной Европы. Однако сама Украина также весьма неоднородна. Где же искать «настоящую» Украину? По всей видимости – в украинской классике. В литературе это Т. Шевченко, Л. Украинка, И. Франко и пр. Это и есть самая «настоящая» Украина. Что же украинские классики думали о христианстве?

Т. Шевченко: «Наробив ти, Христе, лиха»; «Коли ти відпочити ляжеш, Боже утомлений, І нам даси жити»; «проклену святого Бога»... И так далее в том же духе. Этот классик был богоборцем.

Л. Украинка пошла дальше и дошла уже до атеизма: «Всі боги і Єгова / Вони вже вмерли, їх не оживить / Тепер уже пора змінити мову». И так далее в том же духе.

Но И. Франко переплюнул всех: «Чорте, демоне розлуки, / буду я навіки твій. / Весь тобі віддамся в руки. / Лиш те серце заспокій». И так далее в том же духе. А это уже обыкновенный сатанизм.

Таким образом, «настоящая» Украина склонна к богоборчеству, нищезантству и сатанизму. В этом она ничем не отличается от «ложной» Европы. Отсюда следует, что «настоящая» Украина представляет собой очевидную угрозу для «настоящей» Европы.

Представим себе, что «настоящая» Украина слилась с «ложной» Европой и тем самым усилила ее. Что же останется от «настоящей» христианской Европы? А если «ложная» Европа сольется с «настоящей» Украиной и тем самым значительно усилит ее? Что же тогда останется от Украины христианской?

Таким образом, перед современной Украиной стоит вопрос: «Какой ты хочешь быть Европой? Европой Ницше или Христа?» А пока этот судьбоносный вопрос не решен, украинцы, со школьной скамьи впитывающие токсичную украинскую культуру, могут услышать от озабоченных судьбой Европы христиан одно: hands off!

P. S. В первом номере журнала «Новый мир» за 2020 год Юрий Каграманов в статье «На перекрестках (о консервативно-популистском наплыве в Европе)» пишет об этой же проблеме. Что происходит в Европе сегодня? «Люди начинают видеть, чем становится мир без христианства... Находя идейные опоры в религии, консерваторы в то же время пользуются теперь широкой поддержкой масс... Нынешний консервативный популизм тянется к церковному порогу... Слыть консерватором становится теперь в студенческой среде совсем не зазорным, чаще даже наоборот... Это заставляет обращать взоры к «таинственной книге, от которой обжигается язык» (В. Розанов об «Апокалипсисе»), и ко всему корпусу священных текстов, который эта книга завершает» [4].

Как же украинская культура поможет европейцам выйти из духовного кризиса? Например, как Т. Шевченко: «Читая подлинник, т.е. славянский перевод "Апокалипсиса", приходит в голову, что апостол писал это откровение для своих неофитов известными им иносказаниями, с целью скрыть настоящий смысл проповеди от своих приставов. А может быть, и с целью более материальной, чтобы они (пристава) поду-

мали, что старик рехнулся, порет дичь, и скорее освободили бы его из заточения. Последнее предположение мне кажется правдоподобнее. С какой же целью такой умный человек, как Владимир Иванович Даль, переводил и толковал эту аллегорическую чепуху? Не понимаю».

После этого европеец может перейти к текстам атеистки Л. Украинки и сатаниста И. Франко. А далее – к продукции их украинских последователей, чье имя легион.

Не случайно в качестве эпиграфа к статье Каграманова взяты слова Гретхен, обращенные к Фаусту: «Как дело обстоит с религией твоей?»

ЛИТЕРАТУРА

1. Парижская декларация «Европа, в которую мы сможем верить». – [Электронный ресурс] – URL: <http://gefter.ru/archive/23289>

2. Баумейстер А.О. О соблазнах ложной Европы. – [Электронный ресурс] – URL: <http://andriibaumeister.com/>

3. Баумейстер А.О. Загрози хибної Європи: філософські роздуми над текстом Паризької декларації. – [Электронный ресурс] – URL: <http://andriibaumeister.com/>

4. Каграманов Ю. На перекрестках. – Новый мир. – 2020. – №1.

*Андрей Кондауров
moregoods@mail.ru*

АПОКАЛИПСИС ТЕНОЧТИЛЛАНА: ТЛАЛОК ПРОТИВ КОЛУМБА

Больше крови богу крови

Мочика или юнки, чиму, уари, паракас, наска, чачапояс, чанки, аймара, пукина, неужели эти имена давно забыты?

Удивительно, если спросить читателя что он делал в этот день ровно год назад, если это был не День рождения или какой-либо значимый день жизни, то с большой вероятностью окажется, что вспомнить, что именно происходило достаточно сложно. Хотя человек – существо, находящееся в созна-

нии, тем не менее один из его важнейших личностных атрибутов является способностью забывать.

Способность не помнить – это нейтральная способность. Не помнить тягостные события полезно, тогда как не помнить духоподъемные события может быть утратой значимости себя для мира. Отдельный человек и помнит, и не помнит себя, особенно это важно учитывать когда мы задаемся вопросом о том, насколько мы себя знаем. Много ли в нас того, что мы додумали сами? И является ли что-то из того, что мы помним о себе, истинным фактом? Важно ли это вообще для поиска нашей идентичности?

Тем не менее вопрос, который будет рассмотрен в данной статье, не касается напрямую конкретного человека, он касается общей, коллективной нашей памяти. Если мы и себя-то полностью не помним, можем ли мы доверять тому, что хранится и передается из поколения в поколение о нас самих? Можно ли утверждать что память конкретного человека функционирует так же, как функционирует память коллектива? Если это так, то не помнить является ли также нейтральным свойством для механизма общей памяти? Как вспоминает отдельный человек свою жизнь, так же и понимает он общую историю прошлого своих предшественников?

Коллективная память конечно может храниться в текстах, но осознание ее всегда происходит в конкретной голове. Новые поколения осознают (и возможно) переосознают историю прошлого. Поэтому коллективная память неотделима от системы оценивания. Применяя к истории человечества ценностную систему гуманизма, ставшую модной в последние столетия, мы видим какими страшными и причудливыми сценами ужаса были наполнены страницы повседневной жизни наших предков. Например если мы зададимся вопросом о массовых убийствах, что придет к нам в голову? Ядерное оружие, Джонстаун, Шоа, черный мор? Действительно, у человечества было множество печальных событий, разного масштаба. Наверное, если мы знаем о некоторых из них, мы знаем это потому, что кто-то выжил и смог рассказать. Но сколько же далекое прошлое хранит в себе случаев, когда просто некому было в итоге рассказать о случившемся? Пока нам это неизвестно. Однако о некоторых вещах мы все же можем говорить.

Христофор Колумб входит в ассоциативный ряд современного обывателя прежде всего как путешественник, мореплаватель и первооткрыватель. Во вторую очередь как христианин, политик и итальянец. Однако сразу мало кто быстро может соотнести с его именем одну из самых неприятных пандемий прошлого. Но вероятно, что вместе с его великими открытиями была на себя взята и другая, более мрачная форма ответственности. Ответственность эта осмысляется и продолжает осмысляться уже спустя много столетий после смерти самого Колумба. Некоторые современные индейские организации пишут, что число населения доколумбовской Америки с 1500 года до 1900 года сократилось примерно с 15 млн до 240 тысяч. Произошло это по причине того, что первооткрыватели привезли с собой и свои болезни, которых не знало местное население.

Это довольно печальные результаты открытия. Они сопоставимы с открытием персонального автомобиля. Открыв эту возможность, мы также и открыли дорогу для всех случаев ДТП. Коренное население Америки не было готово на уровне иммунитета принять пришельцев из Европы, различие их культур проложило дорогу к конфликту, не случись которого, гармонии так же бы не было. Один мир был обречен.

В итоге на месте уникальной и огромной цивилизации возникли так называемые «Пять цивилизованных племен», пять индейских народов переживших пандемию: чероки, чикасо, чокто, крики и семинолы. По крайней мере, это катастрофа для гуманистов. В рамках самой же культуры мешика похоже сложно однозначно это оценивать так, в особенности учитывая довольно жесткую религию этой цивилизации. Вспомнить хотя бы ритуалы для Уицилопочтли: «Крупные жертвоприношения совершались в честь бога войны, которому был посвящен один из восемнадцати праздников ацтеков. Согласно мифологии, Уицилопочтли постоянно нуждался в человеческой крови, чтобы поддерживать жизнь солнца. Количество жертв по приблизительным подсчетам составляло около 500 человек, однако американский антрополог Марвин Харрис увеличивает эту цифру, считая, что жертвоприношения устраивались не в одном месте, посвященном самому Уицилопочтли, а во всех частях города».

Такое безумное отношение к смерти и страданиям – одна из самых странных национальных идей в истории человечес-

тва. Сегодня сложно предположить, сколько всего было принесено в жертву людей богам, мы знаем только о некоторых случаях. Крупное захоронение принесенных в жертву детей нашли в 2018 году археологи в Перу. Останки 140 детей были найдены на северном побережье, дети были умерщвлены путем вырезания сердец около 500 лет назад. В жертву приносили обычно красивых, приятных на вид детей, не имевших видимых дефектов. Это происходило по тем причинам, по которым считалось, что богам нужно отдавать самое лучшее.

Безусловно, сильны были религиозные воззрения этих народов. Они были полностью убеждены, что убитые «шочимики» люди попадут в более благоприятные миры. Так адресно для перемещения в аграрный рай, приносили жертвы божеству Тлалоку. Как известно для того чтобы попасть туда, например, ребенку, его нужно было утопить в водах озера Тескоко. В некоторых случаях кровавые убийства требовали обмазывания носа каменного идола божества свежей кровью только что убитого человека.

Вероятно, все эти смежные цивилизации доколумбовой Америки были пропитаны похожими идеями. Смерть и мучения были желанием миллионов. Волей случая Колумб принес им огромное количество смертей через серию пандемий, даже и сам того не предполагая. Таким странным и причудливым образом социальная машинерия цивилизации ацтеков, нацеленная на желание смерти, закончила свое функционирование в виде гигантского числа жертв этого народа, конвертируя свое заигрывание со смертью в смерть целой культуры.

Мы не жили в этой культуре и мы не знаем, что мы потеряли. Она может найти приют только в нашей коллективной памяти. Но время от времени получая данные у археологов и антропологов, мы можем искренне поражаться, воображая плавающие агрофермы на озере Тескоко.

РАЗДЕЛ 3. ПЕРИФЕРИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ: ОТЗЫВЫ НА СБОРНИКИ ФМО

Вук Задунайский
razgranichitel@yandex.ru

СТРУНА РУССКОГО МИРА

*Гвозди бы делать из этих людей:
Крепче бы не было в мире гвоздей.*
Николай Тихонов

Когда меня попросили написать краткий отзыв в юбилейный пятый сборник материалов Философского монтеневского общества под редакцией Нины Ищенко и Елены Заславской (кстати, в этом году обществу исполняется 30 лет, по нашим беспокойным временам это довольно-таки солидный возраст), я недолго раздумывал. Перед жителями Донбасса мы в неоплатном долгу. Сразу подчеркну – это не попытка кому-то что-то навязать, а личный императив. Я четко осознаю свой долг и стараюсь по мере сил вернуть его.

Вторая причина – банально наболело. С 2014 года. А по факту – еще раньше, года эдак с 1991-го. Для организма это состояние не совсем естественное: вроде бы ощущать, что часть его отрезана от целого, но при этом – чувствовать себя с нею единым целым. Кажется, это называется фантомными болями. Однако Крым показал, что боли не такие уж и фантомные: это только у Мартина «то, что мертво, умереть не может» – а здесь все внезапно оказалось живым, хотя его давно похоронили. Причем не только живым, но и готовым сражаться за свою жизнь. Собственно, здесь и следует искать истоки крымской весны. Русский мир проснулся, прозрел и увидел, что пришло время действовать.

Сборники Философского монтеневского общества – а их мне привозили из Луганска в бумажном виде даже в самые суровые для Донбасса дни – стали для меня окном в этот мир. Люди как будто открыли глаза, осознали себя и то, что творится вокруг, и... Кто-то взялся за оружие, кто-то – за бинты и скальпель, а кому свыше дан талант складывать буквы в слова, а слова – в связный текст, пошли, по меткому евангельс-

кому выражению, улавливать человекoв. Это именно то, что сегодня принято называть мягкой силой. В эпоху пост-правды, как бы это ни походило на оксюморон, в цене именно истина. Чем гуще тьма – тем ярче свет. И всего один сборник отчаянных луганских философов может значить больше, чем вся подписка The New York Times за последние десять лет.

Выглядит все это со стороны просто невероятно: с Донбасса приходят тревожные сводки – то боевые действия, то бомбежки, то обстрелы, – а эти отчаянные люди сидят под бомбами, философствуют и пишут доклады.... Одни названия чего стоят! «Российская империя как барочный феномен», «Цивилизациoнный код русского мира», «Культурная модель русского мира в работах академика Д.С. Лихачева», «Пушкин глазами гегельянца»... Казалось бы, люди в такой ситуации должны думать о чем-то земном и понятном – как сохранить жизнь себе и близким, как раздобыть хлеб, колбасу или лекарства. Ан нет, их интересует «Революция 1917 года как цивилизациoнная агрессия Запада», не больше – но и не меньше.

Честно – я поражаюсь этим людям. Разумеется, в самом что ни на есть хорошем смысле этого слова. И горжусь тем, что знаком с некоторыми из них, а заодно и тем, что пишу сейчас эти строки. Россия – та, которая сейчас в границах Российской Федерации, Великороссия – не смогла по разным причинам воздать должное этим смельчакам. Сделано для них nepозволительно мало. Гуманитарная помощь, концерты и образовательные программы, даже получение российского паспорта – это все, конечно, хорошо. Но этого явно недостаточно для того, чтобы люди, наконец, поняли – именно здесь и сейчас проложен передний край битвы за жизнь русской цивилизации. И если кому-то она нужна, эта цивилизация, если кто-то готов за нее вписаться – он услышит звуки этой струны, поймет их и угадает давно забытую мелoдию.

Так порой случается. Те, кому знание дается высокой ценой, и относятся к нему по-другому, нежели те, кто получил его бесплатно. Поэтому те, кто живет на Донбассе, часто ментально оказываются гораздо более русскими, чем русские, живущие в России. Просто потому, что они за свое знание заплатили высокую цену. Нам еще, наверное, только предстоит пройти этот путь – если мы, конечно же, хотим обрести знание.

Сегодня струна русского мира звучит с надрывом. Это не просто философия. Это не просто сборники. Это вести с фронта, где куется сейчас будущее нашей цивилизации. Еще совсем недавно многим это занятие казалось напрасным и даже вредным. Ведь гораздо проще сдать на милость победителя и радостно влиться в ряды «прогрессивного человечества». Но мир в очередной раз меняется, и – чем черт не шутит! – прежде разбрасывавшая под напором геополитического детерминизма камни, страна наша начнет, наконец, собирать их, возвращая и свои исконные земли, и отвергнутых когда-то соотечественников. Не завоюет, не захватит – а просто примет обратно в свое лоно к вящему удовлетворению принимаемых и без оглядки на то, что какая-нибудь очередная баба Яга как обычно окажется против.

И пусть сегодня по-прежнему ДОНБАСС В ОГНЕ.

Не стихает, КОЛЫШЕТСЯ РУССКОЕ ПОЛЕ.

ВНЕМЛИ, РУССКИЙ МИР!

Победа будет за нами!

А авторам и редакторам сборников – сердечные поздравления с юбилеем, счастья, здоровья, мирного неба над головой... и новых смыслов. Делайте и дальше, что должно – и будь, что будет.

5.07.2020

Ольга Валькова
edelberte2@yandex.ru

ХРУСТАЛЬНОЕ КАСТАЛИЙСКОЕ ЗНАНИЕ СПЛЕТАЕТСЯ С ОПЫТОМ ВОЙНЫ

Сборник «На грани мира и войны» — уникальное свидетельство уникального опыта. Луганск предвоенный, Луганск воюющий, Луганск блокадный. А по средам собираются философы и говорят. Об апориях Зенона и гностических идеях. О Лермонтове и Кэндзабуро Оэ, Ницше и Жаке Дюкло. О философских основах мировой политики. О войне. Хрустальное касталийское знание сплетается с опытом войны. Опыт войны, сегодняшней и непосредственной, подвергается анализу дисциплинированными умами.

К сборнику приложена хронология опубликования докладов. Читая статьи в хронологическом порядке, отмечая время написания, внимательный читатель может понять очень многое — помимо сказанного непосредственно в статьях, которые, кстати, на мой взгляд, содержательны, профессиональны и представляют интерес для любителей философии вне связи с условиями написания.

Мы подзабыли, что такое интеллектуальная элита. Мы уже давно под этим словом понимаем что-то другое и неправильное. Философское монтеневское общество нам напомнило, что это значит на самом деле.

2016

Владимир Карбань

ИЗ-ПОД ГЛЫБ

Думаю, что просвещенная публика уже знает о выходе книги «Четверть века с философией», сборника докладов, прочитанных на философском монтеневском обществе. Это событие приурочено к 25-летию самого общества. Нужно прежде всего отметить уникальность самого этого явления. Четверть века люди самых разных взглядов и убеждений (либералы и социалисты, западники и славянофилы, постмодернисты и православные) собираются в гостеприимных стенах университета имени Даля, чтобы обсудить... а что обсудить? Да все, что хотите. Ни тема, ни ее интерпретации не подвергаются никакой цензуре, и любому выступающему будет обеспечена полная свобода высказывания и равно уважительное отношение.

Только три условия выдвигаются перед желающими вступить в избранный круг членов Совета общества, да и то это скорее шуточные пожелания, нежели жесткие, непреклонные требования:

- а) не считать себя носителем абсолютной истины;
- б) прочесть «Опыты» Монтеня;
- в) два раза выступить с докладами на заседании ФМО.

Но среди целей общества, как их сформулировал его председатель А. И. Атоян, мы вдруг обнаруживаем «совместные поиски философской истины». Не противоречит ли это

требованию к кандидатам не считать себя носителями абсолютной истины? Думаю, что нет. Поиск истины — это вечный нескончаемый процесс, полный сомнений, колебаний, открытий, за которыми открываются новые горизонты, а обладание абсолютной истиной (иллюзорное, естественно) несет с собой самоуспокоенность, неприятие иных мнений, духовный застой.

Из нескольких сотен докладов, прочитанных за всю двадцатипятилетнюю историю ФМО (их полный список приведен в конце книги) в сборник включены работы двух последних лет. И здесь мы сталкиваемся с удивительным феноменом человеческой природы! Город Луганск подвергается обстрелам, горят здания, гибнут сотни людей, продуктовая блокада и паралич всех городских систем жизнеобеспечения создают невыносимые условия для человеческого существования, но философия продолжается и уже в ноябре 2014 года возобновились заседания ФМО. Парадокс? И да, и нет. Именно в таких экстремальных условиях человек становится в ситуацию экзистенциального, т. е. осмысленного бытия. Вся шелуха, все несущественное сползает с событий и людей, и проявляется их подлинное бытие. Поиски смыслов поступков и явлений, попытки поставить свою жизнь перед вечными ценностями обостряются, а ведь это и есть философия. Именно в такие времена можно сказать, что человек — это существо философствующее, в этом его главное призвание.

Вспоминаю случай из собственных ощущений тех лет. Я был вне зоны АТО и постоянно звонил сюда, в Луганск своему другу — философу К., чтобы узнать, как он и чем занимается. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что он совсем не поменял свой *modus vivendi* и все также ходит в университет, готовится к лекциям, изучает Аристотеля. «Какой Аристотель, дружище! Бросай все, до философии ли сейчас!» — «Делай, что должно и будь, что будет!» — был ответ. — «Но ведь там опасно!» — «Доверься воле Божьей, ничего, что ей противоречит, не произойдет». Я, признаться, был таким стоицизмом слегка фраппирован, но не мог не признать, что это поступки и мироощущение настоящего философа.

Давайте бегло пролистаем сборник, пообещав в ближайшем будущем его внимательное и пристрастное прочтение.

Своеобразным вступлением к сборнику служит статья А. И. Атояна «В жанре преждевременного послесловия», в

которой один из создателей ФМО рассказал о целях и задачах общества, почему оно было названо именем французского мыслителя и вообще о философствовании как поступке, как способе жить в обществе, ценностей которого ты не разделяешь. Сам сборник разделяется на две половины. В первой отражено недавнее прошлое ФМО – доклады нескольких последних заседаний, во второй – планы общества на будущее: тезисы нескольких докладов, которые должны состояться в скором времени. И такое расположение очень удобно – оно позволяет предварительно ознакомиться с содержанием будущих докладов, подготовиться к ним и более предметно принять участие в их обсуждении.

Всего в книге помещено немногим более десяти докладов, но составителям (Н. Ищенко и Е. Заславской) удалось в них, как в фокусе, представить наиболее характерные явления философской мысли Луганска, с тем чтобы читатель оценил высокий уровень, проблематику, широту интересов луганских интеллектуалов. Как всегда, нестандартно мыслит Атоян («Семь способов трансценденции или штурм неба начинается»). (Нет, неправильно! Как всегда, интересно, ярко, оригинально мыслит Атоян, ибо процесс мышления стандартным быть не может по определению). Его небольшое эссе отличается блестящим стилем, личностным отношением к проблеме и показывает, что философия не обязательно должна быть скучной и тяжеловесной. Титаренко С. А., Лобовикова Е. А. и Финогеева Т. Е. в обстоятельной работе «Пути экзистенциальной социологии культуры» анализируют творчество Н. А. Бердяева. Русский философ всегда будет дорог нам своим страстным утверждением человеческой свободы, творческого начала мира, гуманизма. Анализируя сложную диалектику бердяевской мысли, авторы выявляют те ее моменты, которые сохранили свою актуальность, предвосхитив множество современных направлений в нескольких отраслях науки.

Н. Ищенко в лаконичной, но емкой работе «Вклад Николая Гартмана в решение проблемы универсалий» дала краткий обзор истории проблемы универсалий в европейской философии и оригинальный вклад, внесенный в решение этой проблемы немецким философом Николаем Гартманом.

Широкий контекст отношений Запада и Востока, модернизации и традиционализма, демократии и авторитаризма

предложил (преимущественно с позиций левой идеологии) И. Грицких. Его работа получена по интернету.

Статья А. Лустенко («Японская культура и обыденность»), посвященная важнейшим принципам эстетики японской литературы, сама представляет собой явление высокой художественности. Пафос влюбленности, тонкий анализ сложных духовных и эстетических явлений, глубокое погружение в предмет исследования – ее отличительные черты. Это первая часть заявленного цикла. Надеемся, что автор в следующих частях объяснит нам, в чем же причина таких необычных, с точки зрения европейца, особенностей, как важная, во многом определяющая роль женщины в искусстве эпохи Хэйан, развитый психологизм повествования и проч.

Не только седая древность, но и живая современность привлекает внимание луганских интеллектуалов. Центром актуальности сборника служит статья луганской поэтессы Елены Заславской «Некоторые особенности культурного слоя Луганска». Она дает живую картину культурной жизни города за последние два года, последствия для нее «эвакуации, путем самовывоза» той части луганской культуры, которая не приняла ЛНР и покинула наш город. Строки, посвященные этим «эмигрантам в родной стране», дышат неподдельным сарказмом.

Намеренно не рассматриваю интереснейшие доклады В. Даренского «Смысл жизни как философская категория» и «Холодная война в контексте исторического диалога «Восток-Запад» Дм. Крысенко, отсылая заинтересованного читателя к самому сборнику.

Никакое, даже самое полное изложение докладов Философского общества не передаст удивительной атмосферы поисков, дискуссий, полемики, коллективной работы мысли, в которой проходят его заседания. Если по прочтении этой рецензии Вам захочется посетить заседания ФМО, принять участие в его работе, автор этого текста будет считать свою цель достигнутой. Приходите, у нас по-настоящему интересно!

2016

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

От редакции. Александр Еременко является одним из основателем ФМО, с 2014 года возглавляет Монтеневское общество г. Северодонецка, которое было основано в ходе войны на подконтрольной Украине территории. В русле осмысления войны на Донбассе в образах и терминах европейской истории Александр Еременко предложил читающей публике свою концепцию Луганска как Вандеи (книга "Размышления о луганской Вандее" вышла на Украине в 2015 г). Автор романа "2024" (2020), в котором мистические события, происходящие в 2023-24 годах, имеют грандиозные последствия для исторических судеб России и Украины. Публикуемый ниже текст был выложен на странице автора в соцсети в 2016 году как рецензия на программную статью Арсентия Атояна в сборник "Четверть века с философией" (2015), посвященную истории ФМО и осмыслению его миссии.

Статья Арсентия Ивановича Атояна, посвященная 25-летию Монтеневского общества, вызвала большой резонанс. Даже несколько удивительно. Оказывается, в современной Украине немало людей, которых волнует судьба дискуссионных клубов.

Мы также поздравляем наших друзей из луганского Монтеневского общества и желаем, так сказать, высоко вздымать факел свободомыслия на суровых просторах молодой республики.

Вообще-то говоря, статья Арсентия Ивановича вызвала у меня некоторое недоумение, поскольку я без труда обнаружил, что это процентов на пятьдесят тот текст, который мы с ним готовили лет пять назад для «Філософської думки». Сразу же подчеркну во избежание недоразумений, что это фрагменты, написанные именно Арсентием Ивановичем.

Удивление мое было вызвано совсем другим. Прошло более пяти лет – и каких лет! Какие огромные изменения произошли со всеми нами! Причем Луганск оказался одним из эпицентров изменений. Но такое впечатление, что для А. Атояна время остановилось. Те же самые – несомненно,

яркие, блестящие, впечатляющие – образы, метафоры, символы.

Обычно некая мировоззренческая устойчивость, так сказать, непоколебимость и негибкость метафизических оснований считается чуть ли не особенной добродетелью настоящего философа. Неподверженность поверхностным веяниям эпохи считается своего рода «визитной карточкой» философа. Мне хотелось бы подвергнуть сомнению ценность этих качеств и их, так сказать, философскую аутентичность. Никакая это не добродетель. Это – извините за резкость – философское пижонство. Простим это пижонство метафизику или теологу, высоко воспаряющему над брэнной исторической реальностью. Но социальный философ не только может, но и должен корректировать свое мировоззрение в зависимости от изменения социальной реальности.

Арсентий Иванович вспоминает одно из моих излюбленных словечек: «событийность». Увы, оно существенно померкло в моих глазах. Я теперь отношусь к событийности гораздо осторожнее и без прежней апологетики. Даже блеск «ее величества Истории» померк: я осознал, что история выглядит весьма впечатляюще скорее в сочинениях историков и писателей, чем в «презренной» объективной реальности. Мне жаль было расставаться с этими моими идолами, но я расстался. И мне жаль, что человек глубокого и острого ума, огромной эрудиции, великолепных ораторских способностей из всех сил цепляется за обветшавшие столпы марксизма-ленинизма, коммунизма с социализмом и прочую левацки-антибуржуазную дребедень. Мне кажется, что этот язык уже не способен адекватно отражать суть динамических процессов современной социальной жизни.

Конечно, мы не отринем протянутую нам руку дружбы. Разумеется, мы с удовольствием будем общаться с луганскими монтеневцами и с некоторыми представителями луганского философского сообщества. Но здесь все же необходимы некоторые уточнения. Простите за каламбур, но некоторые высказывания Арсентия Ивановича у меня как закоренелого скептика вызвали глубокий скептицизм. А. И. Атоян призывает нас переходить «на сторону добра и правды» – «народная республика», мол, примет своих блудных сынов. Погодите, а если я не верю, что добро и правда – на стороне «народной республики»? И не верю, что республика – на сто-

роне добра и правды. Во всяком случае, глубоко сомневаюсь в этом: черт возьми, скептики мы или легковверные обыватели?

Один из основателей Монтеневского общества давно уже ударился в православный фундаментализм, другой – в фундаментализм левацкий. Не хочется заниматься самовосхвалением, но лишь третий из основателей хранит дух умеренного скептицизма.

В завершение расскажу небольшую притчу.

Жил некий человек, который любил порассуждать и поразмышлять над всякими вопросами (по мнению многих окружающих – чрезмерно любил).

И вот в его стране началась гражданская война. Политики, журналисты и всяческие агитаторы со всех трибун наперебой вещали: «Каждый должен определиться – с кем он! Нужно четко проявить свою гражданскую позицию! Нельзя быть в стороне от происходящего, нельзя быть над схваткой. Или ты по эту сторону баррикады – или по ту».

Наш любитель рассуждений согласился с этим и выбрал одну из сторон баррикады. Он всячески помогал своим товарищам, но не был оголтелым фанатиком.

И он решил помочь соратникам в следующем. Он сел в гондолу воздушного шара и воспарил над баррикадой. С высоты он видел позиции своих и чужих, отмечал сильные и слабые стороны своих и чужих, корректировал огонь. Он видел погибших и раненых с обеих сторон, он видел поведение как героев, так и подлецов с обеих сторон. Всею душой он желал победы своих, но он стремился понять и тех, кто по ту сторону баррикады.

Когда с другой стороны такой же чудак, как он, воспарил на воздушном шаре, они не стали стрелять друг в друга. Наоборот, они договорились попытаться примирить граждан своей страны.

Философы не только могут, но и должны дружить поверх всех и всяческих барьеров. Не хотелось бы и мне впасть в высокий стиль, но это священный долг философа: в любой ситуации, несмотря ни на что, вопреки безумному буйству оголтелых создавать пространство коммуникации.

2016

ЕРЕМЕНКО VS СИГИДА: ЛУГАНСК НЕИНТЕРЕСЕН ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

«Манифест нового акционизма» Александра Сигиды-сына, несомненно, яркий текст. Впрочем, я не склонен придавать особого значения манифестам, особенно литературным. Классическая русская литература не баловала читателя всякими глупостями в виде манифестов. Подумаешь, манифесты! Важно как человек пишет, умеет ли он писать. Важно соединение мастерства со знанием жизни и с мощью души, все остальное — от лукавого. Когда я читаю того или иного писателя, мне в общем безразлично, к какому направлению он принадлежит и каковы его идейно-художественные принципы. Талантлив он или бездарен — вот что единственно важно. А эти качества не зависят от того, что он декларирует, так сказать, как философствующий литератор.

Говорят, что в нынешнем Луганске культурная жизнь бурлит как никогда. Не был, не знаю. Бурление, между прочим, разное бывает. Но литературные опусы луганчан, с которыми я ознакомился, вынуждают констатировать оскудение таланта даже у авторов, несомненно одаренных Божьей искрой. Впрочем, честно признаюсь: ознакомился я бегло, по диагонали, могу ошибаться. Литература мятежного Луганска требует более серьезного изучения. Но то, что идеология душит всякий талант, в том числе и луганский — это бесспорно. Идеологизированная литература — это не литература. Даже когда называют произведение высокоидейным — это уже меня настораживает.

Впрочем, идеологичность душит талант, если он есть, а если его и в помине не было, то высокая идейность — это единственное, чем может бряцать автор. Сейчас в живых классиках луганской литературы ходит Глеб Бобров. А почему никто не скажет, что его произведения слабы в художественном отношении, если не сказать бездарны? Пытался я как-то читать его военный рассказ то ли об Иловайске, то ли о Дебальцево. Не осилил, вынужден был бросить. Даже не знаю, посильнее чего будет эта штука. Пожалуй, посильнее отчета в генеральный штаб.

Но вернемся к «Манифесту акционизма». Александр Сигида конечно талантливый литератор. Помню стихотворение, которое он прочел на одном из последних заседаний еще не разорванного Монтеневского общества. Я был совершенно не согласен с идейным посылом этого стихотворения. Более того: этот посыл враждебен моему мировоззрению. Но я согласен, что стихотворение далеко не бездарно, совсем наоборот. Но остаюсь при прежнем мнении: если в Луганске напишут что-нибудь классное, то к декларациям всяческих манифестов это не будет иметь никакого отношения.

Детально анализировать манифест я не буду. Попытаюсь в меру своих слабых сил ответить на эффектные афоризмы Сигиды-сына.

«Фридрих Ницше призывал философствовать молотом. ...

Мы больше не философствуем с помощью молота, мы философствуем с помощью миномета» — нормальный философ философствует разумом. Настаиваю на том, что слово «нормальный» — хорошее слово. Даже в применении к философу.

«Мир запыляет в огне подлинного экстаза и свободы. Стальной подлинник заменит пластиковую копию» — уж не в подвалах ли СБУ он запыляет? И не преувеличиваете ли вы вообще ценность «пылания» как такового? Ваш экстаз и ваша свобода — это та самая «заливная рыба». Иногда лучше копия, чем подлинник.

«...придут совсем другие акционисты, и вы станете не субъектом, но объектом их ярких акций» — они уже пришли, и именно вы стали объектом их весьма ярких акций.

«Награда людям искусства за постмодернизм — ласковое внимание прессы и отеческая ругань родного аппарата насилия, которое они же и обслуживают. А награда за подлинные акции неповиновения — всегда забвение, смерть и проклятие. Такова цена искусства. О ней знали и Ницше, и Вагнер, и Бодлер, и Рембо, когда поддерживали коммунаров, знали цену, которую однажды заплатят за свои взгляды. А где же их благонамеренные, bien-pensants, их буржуазные оппоненты? Их поглотила Лета» — на Ницше и Бодлере свет клином не сошелся. А были, например, вполне благопристойные Бергсон и Пруст, которых отнюдь не стерли волны забвения. И из ваших бунтарей, кстати, культовые фигуры сделало то самое буржуазное общество, против которого они фрондировали.

Не лукавьте: если бы вы знали, что вашей судьбой действительно станет забвение, смерть и проклятие, вы бы не витийствовали во славу «молодой республики». Вы произносите красивые слова, но как всякий сочинитель, в глубине души надеетесь, что вам будет память, жизнь и слава. А вдруг Господь пошутит? А вдруг действительно забвение, смерть и проклятие? Б-р-р, от такого – просто мороз по коже!

«Так что осваивайте новый художественный язык или смиритесь с тем, что вы – из поколения, забрызганного спермой» — иногда лучше быть забрызганным спермой, чем кровью. (P. S. В тексте Сигиды: «смирилась». Я позволил себе исправить опечатку. Оговорка по нелюбимому вами Фрейдю).

И еще кое-что, несколько выходящее за рамки непосредственной темы. Недавно мы с моим другом Сергеем Сарановым пришли к странному выводу. Возможно, что он ошибочен, и если так, то мы будем рады, что ошиблись. У нас сложилось впечатление, что наши коллеги из ЛНР как бы не верят в искренность наших убеждений. Они убеждены, что донбасские авторы пишут от души и так сказать, по велению сердца. А убеждены они в этом, поскольку верят (по крайней мере, некоторые из них), что правда и добро несомненно на их стороне. И им кажется, что если мы пишем что-то в пользу Украины, европейских ценностей и западного пути развития, то ясное дело, проклятая хунта нас подкупила или запугала! Такое впечатление, что некоторым коллегам кажется невероятным, что можно искренне отстаивать европейский путь развития.

Считаю такую точку зрения глупой и оскорбительной для нас. Во-первых, если вы не верите, что можно искренне быть на стороне европейски ориентированной Украины, то это следствие вашей темноты и заскорузлости. Во-вторых, если вы не верите в нашу искренность, то почему мы должны верить в вашу? А может, это ваши авторы пишут не от души и не по велению сердца? Может, они свою похлебку отрабатывают?

Я действительно не верю в то, что добро и правда – на стороне «молодой республики». Настолько не верю, что позволю себе перефразировать классика. Если мне неопровержимо докажут, что истина не в западном пути развития, а в ЛНР и ДНР, я предпочту остаться с прогрессивным человечеством, а не с «молодыми республиками». Ваш Луганск скоро

перестанет быть интересен остальному человечеству, он уже перестает быть интересен. Если даже луганчане разгадают тайну мировой истории и высшая истина бытия засияет им с небес, я скажу: «флаг вам в руки!». Водите хороводы вокруг столпа вашей истины, украшайте его гирляндами самовосхваления, трубите в трубы суесловия — я не примкну к вашим ритуальным пляскам!

2016

Александр Сигида-сын
nordri86@ukr.net

СИГИДА VS ЕРЕМЕНКО: МНЕ ПЛЕВАТЬ НА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!

От редакции. Автор “Манифеста нового акционизма”, поэт Александр Сигида-сын снова пишет о Луганске и Донбассе в ответ на рецензию украинского философа Александра Еременко.

Итак, мой украинский рецензент пишет о том, что идеологичность душит любого философа. Возможно, он полагает, что нормальные философы не устраивают заговоры и не затевают революции.

Еще как затевают. Я-то как раз посещал лекцию Дмитрия Корчинского 11 ноября 2013 года. Там он и рассказал и о Хайдеггере, и о революции, и о восстании.

Мир-таки запылал в огне экстаза, а поджег его украинский философ Корчинский, автор поэтического сборника «Философия смуты».

И у него тоже пышные усы)

Именно его идеи и стали тем пиропатроном, который заставил Майдан детонировать.

Большинство украинских националистов его ненавидят, но его идеи, его проповеди определяют их курс.

Кто там еще, Ярош, Билецкий?

По сравнению с Дмитрием Александровичем — убогие микроцефалы

Корчинский — нормальный как раз. Хищный, борджианский, макиавеллиевский человек. Философ и экстремист. Одно другому не мешает.

На другом полюсе находится Лимонов.

Мир запылал в огне подлинного экстаза и свободы не в подвалах луганского СБУ, как хотят себя убедить сторонники Майдана, а на Грушевского.

Насчет смерти, забвения, проклятия.

Уточню, я — европеец.

Следую традиции романтизма.

Не романтики, нет!

Для меня свет действительно на Ницше и Бодлере клином сошелся.

И не только на них.

Да, люблю проклятых поэтов и проклятых философов.

Да, по мере сил иду их путем.

Да, это именно та точка, где встречаются Вагнер и Бакунин. Mein Leben.

Нигилизм и романтизм.

Моя жизнь. Не ваша.

Я не думаю об искренности ваших убеждений. Я всего лишь веймарский русский или бретанский сепаратист (Ван-дея).

Ну что мне за дело до Германа Гессе или Дени Дидро? Романо-германская цивилизация — это не Фрейд. Это железо и кровь. Это крестовые походы.

Не я, но Майдан с его ритуальными плясками и открыл портал в Новое Средневековье.

Поверьте, я пишу не за похлебку.

И верю, что вы тоже не.

Подлинные враги и убийцы, интеллектуальные поджигатели войны, вот они: Юрий Андрухович, Олекса Манн, Лесь Подеревьянский, Василь Шкляр, Олесь Доний.

Имя им легион. Вот в их убеждениях я-то как раз уверен.

Читал, в подлиннике.

Человечеству плевать на Луганск. Но и мне неинтересно человечество. Слишком Человеческое, чу меншлихе.

Подводя итоги, приведу свой текст:

«Надо носить неизбежный хаос,

Родить танцующую звезду,

И быть спокойным, словно даос,

Когда государства летят в пизду.

Последние люди — не террористы,

У них за душой нет стремления к злу.

Последние люди — это туристы,
Покинули Север и жмутся к теплу.
Презренные жертвы твоих состраданий,
Последние люди не знают греха.
Они ликовали на Евромайдане,
И прыгали, как земляная блоха.
Последние люди живут дольше всех.
Но близится пламя и красный смех».

2016

Андрей Чернов
anruss@mail.ru

«ДОНБАСС В ОГНЕ»: ЛЕКАРСТВО ОТ БЕСПАМЯТСТВА

Литературно-публицистический сборник «Донбасс в огне» увидел свет в конце 2019 года в Луганске. Составители – философ Нина Ищенко и поэт Елена Заславская – положили в основу принцип историзма, отталкиваясь от которого попытались дать полнокровную картину развития одного из центральных регионов России – Донбасса.

В сборнике представлены литературные и публицистические произведения, посвященные событиям Гражданской войны 1917-1921 гг. в России, а также нынешнему противостоянию в Донбассе – «горячей точке» Русского мира. Две войны, две картины народной катастрофы, разные исторические эпохи, социальные и политические строи, но один – народ, одно пространство – Донбасс.

Показать всю схожесть и все различия двух противостояний – сложная и трудновыполнимая задача. Уже замечательно, что такая мысль возникла. Правда, опубликовать тексты Иосифа Сталина, Михаила Матусовского, Исаака Бабеля, Мыколы Упеника без сопровождающих комментариев – лишь половина важной работы. К тому же, безусловно, значительная часть документальной базы о Гражданской войне осталась не представленной в сборнике. Эта лакуна, безусловно, не дает полной рельефности изображения действительности Гражданской войны в Донецком бассейне.

Раздел, посвященный Гражданской войне на Юге России, тем не менее, дает возможность для выявления определен-

ных черт сходства с нынешним противостоянием в Донбассе. От того берега, условно локализованного годом 1917-м, составители перебрасывают хрупкие мостки к берегу, условно обозначенному годом 2014-м. Этот путь – абстрагирования – позволяет нам оттолкнуться от песчаной, зыбучей почвы фактажа, угрожающей засосать в излишнюю детализацию. Но, с другой стороны, в пропасти между двумя берегами оказываются грандиозные по хронологии периоды истории Донбасса, которые, безусловно, выносить за скобки невозможно. Особенно, если мы хотим понять природу войны в Донбассе 2014-го года.

Скажу прямо: между двумя берегами, между которыми навели мост составители книги, есть еще один берег, еще одна война – Великая Отечественная. Это – жизненный и исторический опыт, существенно повлиявший на мировоззрение жителей Донбасса. О легендарном Александре Пархоменко многие в Донбассе забыли, а вот о подвиге «Молодой гвардии» – помнят. И то, что пласт литературного наследия о периоде Великой Отечественной войны проигнорирован составителями, как мне кажется, существенный недостаток.

Однако, у книги много достоинств. Одно из них, по моему мнению, эклектичность представленного материала. Публицистические очерки, биографические зарисовки, гражданская лирика, эссеистическая проза, научные статьи – вот лишь часть представленных жанров. И еще больше разброс стилей авторов, среди которых – известные в Донбассе писатели Глеб Бобров, Владислав Русанов, Анна Долгарева, Елена Заславская, Анна Ревякина, Владимир Скобцов, Александр Сигида-младший, Александр Сурнин и др. Составители включили в сборник несколько стихотворений трагически ушедшего командира «Призрака» Алексея Мозгового.

Отдельным разделом в сборнике представлены статьи, в том числе и беллетризованные, ученых и публицистов, изучающих различные проявления общественного сознания в Донбассе в это переломное время. Среди авторов сборника – Арсентий Атоян, Алла Закорецкая, Валентина Патерыкина, Светлана Черникова и др. Отдельным блоком к этому разделу примыкают очерки Елены Заславской и Захара Прилепина.

Книга «Донбасс в огне», безусловно, взывает к полемике – и разностью оценок происходящего, и подачей фактов, трактовок событий и явлений общественной жизни, и личной

позицией авторов. Да и сам факт появления этой книги – также полемичен. Ведь не раз приходилось слышать точку зрения, что, мол, во время войны «не время книжки издавать». А когда время? А когда утихнет и боль пройдет? Ну, таким «мудрецам» хочется посоветовать: при острой зубной боли не обращайтесь сразу к врачу, обдумайте все, а потом, через недельку или две, идите лечить.

Да, книги – это лекарство. Лекарство, помогающее осмыслить и понять, увидеть самую суть проблемы, волнующей общество. И хорошо, что появляются такие вот книги – лекарство от забвения, от «ничего не было». Такие книги помогают осмыслить причины «болевого точки» Русского мира – Донбасса, понять природу конфликта, общественного взрыва. И тогда – более ста лет назад, и сейчас. И вчитываясь в стихотворные строки Михаила Матусовского и Алексея Мозгового, нам яснее понять мысли деятельных участников, бывших в самой гуще событий, видевших все и воспринимавших ясным и незамутненным сознанием.

2020

Валентина Патерькина
zelenlist@mail.ru

ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Подвижничество. Иначе не назовешь процесс сотворения выхода пяти сборников Философского монтеневского общества в Луганске – городе, который трудно назвать перекрестием мировых цивилизационных потоков (в географическом контексте). Но в городе, в котором сошлись интеллектуальные пути мира через философию благодаря ее способности преодолевать время и пространство – категории физические и явно ускользающие от понимания. Идейные сквозняки ушедшего XX века (определение временного периода Арсения Атояна – одного из активнейших монтеневцев) сменились буйными ветрами XXI века нынешнего. Нет мира под оливами. Так было тысячи лет тому назад, так есть и сейчас. Пульсация мысли не остановима, особенно в периоды ломки культурного кода, когда речь идет не столько о мысли, а о сохранении телесной оболочки, носящей эту мысль.

Две фамилии, ставшие Именами, – Ищенко Нина Сергеевна и Заславская Елена Александровна. Философ и Поэт (а как же иначе?) составляют в физическом и метафорическом смыслах монтеневскую квинтэссенцию духа, выверяя сегодняшний день, чтобы ему дали оценку те, кто будет завтра. Под единой обложкой сборников философия собрала имена славные, парящие, возвышенные, порой с противоречивой оценкой, но летящие через время и пространство. Скрепцы, сочленения, связи прошлого, настоящего и будущего сомкнули имена, принадлежащие человечеству, в осмыслении созданного ими через статьи членов Философского монтеневского общества. Зенон, Гомер, Фалес, Протагор, Августин Блаженный, Мишель Монтень, Иммануил Кант, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Федор Достоевский, Лев Толстой, Фридрих Ницше, Зигмунд Фрейд, Эрнест Хемингуэй, Константин Симонов, Александр Твардовский, Федерико Феллини, Михаил Ромм, Кэндзабуро Оэ. Нет им числа! Названные и неназванные в этом обзоре имена, но ставшие знаками литературы, истории, религии, социологии, науки, поднимающие вопросы смысла жизни, справедливости, войны и мира, добра и зла, законов Универсума – то, к чему восходит философия.

Простираясь от начала времен до сего дня, осмысление человеком происходящего подводит к узнаваемости временных и пространственных параллелей. И порой у согбенного поисками хлеба насущного нашего современника пробивается озарение: да ведь это уже было! И так же тысячи лет люди нянчили детей и хоронили предков, и деревья были зелены, и травы высоки и душисты, и так же светило одно на всех Солнце, и так же болело от избыточности чувств то, что называется сердцем. Возникшая не от сытости (зачем она, когда и так все есть?) и не от голода (разве до нее, когда ничего нет?), философия делает человека человеком, не принадлежа конкретному времени и пространству, а преодолевая их, здравствует, пока здравствует человечество.

Соизмерение тридцатилетнего существования монтеневского общества с историей существования философской мысли человечества – вещь бессмысленная и бесполезная. Но философия учит, в том числе, и тому, чтобы разрывать давящие формы, обнажая содержание. А содержание Философ-

ского монтеневского общества таково: взлетая над суетным миром, преодолевать время и пространство.

2020

Дмитрий Беликов
belikov@rambler.ru

ПЛАТОНОВСКИЕ ДИАЛОГИ НА РУССКОМ ПОРУБЕЖЬЕ

Читая сборники ФМО, попадаешь в непривычную для жителей столиц спокойную атмосферу платоновских диалогов, когда авторы не проповедуют абсолютные Истины, а напротив, заняты неспешным, но серьезным поиском ответов на вопросы «Что есть Истина и что есть действительность?». При этом, несмотря на представленные самые разные, порой противоположные взгляды, все участники образуют некое единство в основаниях, без которого любой диалог лишается позитивного смысла. Условные «красные» и условные «белые» не смотрят друг на друга сквозь прицел (потому что твердо знают и ежедневно убеждаются, что сквозь прицел на них смотрят совсем с другой стороны), а пытаются найти правильный путь в общее будущее, учитывающий ошибки прошлого.

Особая обстановка «линии фронта», когда в окопе на передовой нет ни открытых врагов, ни высокого начальства, позволяет в минуты тишины вспоминать и говорить о главном, о том, за что только и можно умирать.

Причудливое, на первый взгляд, сочетание Ивана Грозного и Ворошилова, Сталина и Бабея, Пушкина и Гегеля, Мозгового и Прилепина, вместе с десятками менее известных авторов, создает объемную мозаику единого потока времени Русского мира.

Наверное, подобные сообщества могут существовать и где-нибудь в столицах, но только в формате андеграунда, постоянно сталкиваясь с необходимостью доказывать свое право на существование, вырываясь из гетто маргинальности. Здесь же мы находим неожиданный оазис для историков и философов, не занятых привычным для нашего времени зарабатыванием денег (и лайков) на своих теориях, а способных,

подобно Сократу, не отвергать сразу точку зрения собеседника, но принять ее и начать рассуждать с этой позиции, проверяя логикой как выводы оппонента, так и свои собственные.

И отдельно хочется упомянуть организаторов и редакторов, Нину Ищенко и Елену Заславскую – людей увлеченных и самоотверженных, всеми силами поддерживающих описанную атмосферу.

Наталья Макеева
nmakeeva2007@yandex.ru

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ – НЕ ДАННОСТЬ, НО ЗАДАНИЕ

Русская философия – не данность, но задание. Не калька с западной, не импортный саженец, кое-как прижившийся в русском черноземе, но поросль, зачатая и выросшая из русских снов и предчувствий, образов и пророчеств. Из Русского логоса.

У Философского монтеневского общества есть уникальный шанс – поучаствовать в формировании и развитии русской философии, пока существующей в виде заявки на полноценную систему.

Это – весьма рискованный путь, требующий истинного нонконформизма и ухода от привычных подходов, потому что в противном случае вместо русской философии в который раз получим очередной извод хорошо знакомого, известного, привычного, комфортного.

Если ФМО хотя бы отчасти это удастся, есть все основания полагать, что Новороссия, по-прежнему остающаяся точкой сборки Русского мира, станет колыбелью русской философии.

Желаю Философскому монтеневскому обществу интеллектуальной стойкости, мужества и готовности пойти против старого мира, старых философских подходов. Но не ради погружения в постмодернизм, а во имя русской философии.

Уверена, что это – по-настоящему достойный проект, которому стоит посвятить жизнь.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Атоян Арсентий – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Луганского национального университета имени Владимира Даля, основатель и член совета Философского монтеневского общества с 1990. Докторская диссертация по теме «Универсальный человек в ибероамериканской эстетике».

atoyannn@bk.ru

Беликов Дмитрий – кандидат технических наук, МФТИ, финансист. Живет и работает в Москве.

belikov@rambler.ru

Бодрухина Ольга – 3Д аниматор, ювелир, закончила The Yoga Institute, Santacruz, Mumbai, старейший институт йоги и философии санкхьи в Индии и в мире, дипломированный специалист. Проживает в Индии. Профессионально выступает с огнем в собственных шоу и в составах огненных театров в странах Азии (Индия, Непал, Шри-Ланка, Турция). Ольга Бодрухина – четырехкратный чемпион Украины, чемпион Европы, вице-чемпион мира и обладатель Кубка мира по тайскому боксу и фулконтакту, ареалист (акробатика на шелке, в составе цирковых групп). Собкор сайта луганской культуры «Одуванчик».

bodrukhina@gmail.com

Валькова Ольга – юрист, писательница, автор романов «Илья», «Немного диалектики». Живет и работает в Москве.

edelberte2@yandex.ru

Вук Задунайский – юрист, писатель-фантаст, живет в Москве. Работает в жанрах мистический реализм, альтернативная история, хроноопера, криптоистория, сакральная фантастика – на балканском и византийском, а с недавнего времени – и на русском историческом материале. Автор книг «Балканский венец», «Балканский венец-2». Рассказы опубликованы в сборниках «Богатыри не мы», посвященной памяти Михаила Успенского (вышла в 2016 году).

razgranichitel@yandex.ru

Гнатенко Евгений – выпускник кафедры истории и теории мировой культуры философского ф-та МГУ (1996), кандидат философских наук (2003, ИФ РАН), занимаюсь философией права и криминологией. Автор монографии «Философский проект правового государства в культуре предреволutionной России» (Луганск, 2003).

gnatenko2005@yandex.ru

Грошенко Александр – народный мастер декоративно-прикладного искусства Луганщины, член народного клуба «Левша» Луганского центра народного творчества, мастер лаковой миниатюры. Создатель многосюжетных панно «Полтавская виктория», «Куликовская битва». В сфере интеллектуальных интересов происхождение и история человечества.

groshenko.aleks@yandex.ru

Даренский Виталий – доктор философских наук, профессор, автор более четырехсот научных и публицистических работ, двух сборников стихотворений. Член СП ЛНР, СП РФ. Преподает в Луганском государственном педагогическом университете.

darenskiy1972@rambler.ru

Деревянко Константин – философ, религиовед, богослов и литературовед, кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, ЛНР. Исследователь немецкой классической философии, соавтор резонансных научно-публицистических монографий «Тарас Шевченко – крестный отец украинского национализма» (2005) и «Украинка против Украины» (2012), посвященных критическому философско-мировоззренческому анализу наследия Т.Г. Шевченко и Леси Украинки.

mfilosofia@yandex.ru

Елпашев Георгий – странствующий философ.

Еременко Александр – доктор философских наук, профессор. Один из основателей ФМО. В 2014 году переехал

на Украину. Преподает в Одесской юридической академии. Автор художественных романов.

Заславская Елена – донбасский поэт, писатель, журналист. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Автор семи поэтических сборников: «Эпоха моей любви», «Мамині сльози», «Инстинкт свободы», «Бдыць-мен и Ко», «Год войны», «Бумажный самолет», «Донбасский имажинэр», а также книг для детей «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика», «Собаки-забияки», «Сказки Подкроватки», «Мышка-мальшка и ее секрет», «Хармстихия» (Стихи Даниила Хармса с комментариями Елены Заславской). Член СП ЛНР. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского, преподаватель.

zaslavskaja@gmail.com

Ищенко Нина – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книги литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы», «Книжная полка Татьяны Лариной», «Город на передовой. Луганск – 2014».

niofterna@gmail.com

Карбань Владимир – луганский искусствовед, интеллектуал, работал старшим научным сотрудником научно-экспозиционного отдела Луганского художественного музея, занимался пополнением фондов музея, разработал несколько экспозиционных и экскурсионных проектов, был автором ряда научно-методических и справочных изданий.

Владимир Карбань является автором следующих научных работ:

1. Храмы Луганщины. Путеводитель по ГАЛО: Справочное издание / Автор В.Я.Карбань. – Луганск, 2002. – 83 с.
2. Андрій Чебикін. До поезії Івана Франка «Каменярі» (офорти): Альбом / Вступ. стаття та упоряд. В.Я.Карбань. – Луганськ: Поліпринт, 2005. – 8 с.
3. Виды и жанры изобразительного искусства: Методическая разработка / Автор В.Я.Карбань. – Луганск, 2008. – 24 с.

4. Азбука искусства: Методическая разработка / Автор В.Я.Карбань. – Луганск, 2010.

5. Карбань В. Луганское собрание европейской гравюры // Мир музея. – №3 (355), март 2017. – М. – С. 46–49

Владимир Карбань принимал участие в международных и региональных научных музейных конференциях, семинарах с докладами:

1. Карбань В.Я. Западноевропейская гравюра сакральной тематики в собрании Луганского областного художественного музея: Доклад // Луганский областной художественный музей. Материалы научно-практической конференции «Внутреннее убранство православного храма. Антропологическое содержание сакрального искусства» /8-9 сентября 2011 г./ – Луганск, 2011. – С. 72–84.

2. Карбань В. Герои Шолохова в монументальной пластике Н. Можяева // Шолоховский сборник (материалы «Шолоховских чтений», прошедших в Луганске 21 мая 1915 г.). – Луганск, 2015. – С. 34–37.

3. Карбань В. Два памятника В. И. Далю в Луганске – два взгляда на великого земляка // Далевские чтения – 2015 «Даль и изобразительное искусство». (Материалы Международной научно-практической конференции). – Луганск, 2015. – С. 56–63.

Кондауров Андрей – аспирант кафедры теории искусств и эстетики Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Просветитель, организатор студенческих Философских вечеров, ведущий литературного клуба имени Франца Кафки.

moregoods@mail.ru

Макеева Наталья – российская поэтесса, писатель, публицист. Автор книг «Сияющий бес», «Векторный лотос» и «Ничего странного». Член Союза Писателей России, эксперт Изборского клуба. Ученица писателя-метафизика Юрия Мамлеева. Работает в Центре геополитических экспертиз.

ntakeeva2007@yandex.ru

Патерыкина Валентина – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории искусств и эстетики Луганской государственной академии культуры и искусств

имени М. Матусовского. Член национального Союза журналистов Украины, Действительный член Международной Академии биосферных наук (МАБИН). Докторская диссертация по теме «Проблема сакрального в культуре постмодерна». Автор поэтических сборников.

zelenlist@mail.ru

Сигида-сын Александр – ополченец, поэт, переводчик с французского и испанского. Живет в ЛНР. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направления. Автор книги «Орфография ненависти».

nordri86@ukr.net

Теликанова Инга – луганский фотограф, искусствовед, участник фотовыставок луганского фотоклуба «Единочество», «Знакомьтесь – Луганск» и других выставочных мероприятий проекта «Луганск без грима». Из жанров больше всего увлекает портрет, городской пейзаж, реклама, натюрморт и символизм. Автор обложек сборников ФМО «На грани мира и войны» (2015), «Четверть века с философией» (2015), «Донбасс в огне» (2019), «Колышется русское поле... Внемли, Русский мир!» (2019).

Чернов Андрей – публицист, литературовед, критик. Секретарь СП ЛНР. Автор книг «Притяжение Донбасса», «Донбасский код». Заместитель главного редактора литературно-художественного альманаха «Крылья».

anruss@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	3
ОДИН ИЗ НАШИХ... СЛОВО О ДРУГЕ	5

РАЗДЕЛ 1. ФОКУС ОСОЗНАНИЯ

<i>Арсентий Атоян</i> В ПРЕДВОСХИЩЕНИЯХ МОНТЕНЯ ПРОГРЕСС ДВИЖУТ СОМНЕНИЯ, ИЛИ КАК ПЕРИФЕРИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ СТАНОВИТСЯ ФОКУСОМ ОСОЗНАНИЯ	6
<i>Нина Ищенко</i> ФИЛОСОФСКОЕ МОНТЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛУТАНСКА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	16
<i>Виталий Даренский</i> ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА МОНТЕНЕВСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ВОЗРОЖДЕНИЕ МЕТОДА МАЙЕВТИКИ	28
<i>Александр Грошенко</i> АЖУРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ МЫСЛИ	35
<i>Евгений Гнатенко</i> ФМО – ПРОТУБЕРАНЕЦ АФИНСКОЙ ШКОЛЫ ФИЛОСОФИИ	36
<i>Георгий Елташев</i> СКЕПТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО	38
<i>Ольга Бодрухина</i> ФМО КАК ФИЛОСОФСКИЙ СПЕЦНАЗ	38

РАЗДЕЛ 2. СПЕКТР НАШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

<i>Арсентий Атоян</i> РУССКИЙ МИР КАК НЕОБХОДИМОСТЬ ОТВЕТНОГО ДЕЙСТВИЯ, ИЛИ В ЗАЩИТУ СООБРАЗИТЕЛЬНОСТИ НА ЛЕСТНИЦЕ	46
<i>Нина Ищенко</i> ПРИНЦИПЫ СОЦИОЛОГИИ ВООБРАЖЕНИЯ В КНИГЕ ЕЛЕНЫ ЗАСЛАВСКОЙ «ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР»	57
<i>Елена Заславская</i> ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР	69
Режим Диурна	69
<i>Орфей</i>	69
<i>Клайд</i>	71
<i>Калашников</i>	73
<i>Донбасский имажинэр. Последняя обойма</i>	75
<i>По ту сторону Черного квадрата</i>	77
Режим Ноктюрна	78
<i>Эвридика</i>	78

<i>Бонни</i>	80
<i>Пенициллин</i>	82
<i>Донбасский имажинэр. Заметки на полях войны (связка писем другу для поднятия боевого духа)</i>	84
<i>По эту сторону квадрата</i>	87
<i>Валентина Патерькина</i> ФРАНЦ КАФКА: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛАБИРИНТА	88
<i>Константин Деревянко</i> ГЕТЬ ВІД ЄВРОПІ	115
<i>Андрей Кондауров</i> АПОКАЛИПСИС ТЕНОЧТИТЛАНА: ТЛАЛОК ПРОТИВ КОЛУМБА	128

РАЗДЕЛ 3. ПЕРИФЕРИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ: ОТЗЫВЫ НА СБОРНИКИ ФМО

<i>Вук Задунайский</i> СТРУНА РУССКОГО МИРА	132
<i>Ольга Валькова</i> ХРУСТАЛЬНОЕ КАСТАЛИЙСКОЕ ЗНАНИЕ СПЛЕТАЕТСЯ С ОПЫТОМ ВОЙНЫ	134
<i>Владимир Карбань</i> ИЗ-ПОД ГЛЫБ	135
<i>Александр Еременко</i> ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ	139
<i>Александр Еременко</i> ЕРЕМЕНКО VS СИГИДА: ЛУГАНСК НЕИНТЕРЕСЕН ОСТАЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ	142
<i>Александр Сигида-сын</i> СИГИДА VS ЕРЕМЕНКО: МНЕ ПЛЕВАТЬ НА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!	145
<i>Андрей Чернов</i> «ДОНБАСС В ОГНЕ»: ЛЕКАРСТВО ОТ БЕСПАМЯТСТВА	147
<i>Валентина Патерькина</i> ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА	149
<i>Дмитрий Беликов</i> ПЛАТОНОВСКИЕ ДИАЛОГИ НА РУССКОМ ПОРУБЕЖЬЕ	151
<i>Наталья Макеева</i> РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ – НЕ ДАННОСТЬ, НО ЗАДАНИЕ	152
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	153

*Философское
монтеневское общество – 2020*

МОНТЕНЬ В ЛУГАНСКЕ

Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видение

Сборник материалов
Философского монтеневского общества

Составители – Ищенко Н.С., Заславская Е.А.
Редактор – Ищенко Н.С.
Компьютерная верстка – Котова Е.В.
Фото –Теликанова И.Ю.

Подписано в печать 10.10.2020.

Формат 60x84/16.
Типограф. гарнитура Georgia.
Печать. RISO. Усл.-печ. л.
Тираж 100 экз.